ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

4
2022

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН 2022 № 4

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2022

4 (22)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302 Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук
Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов
Л. Б. Алаев
Ю. Г. Александров
А. К. Аликберов
В. М. Алпатов
С. Э. Бабкин
А. Г. Белова
В. Я. Белокреницкий
С. А. Бурлак
А. В. Воронцов
А. В. Демченко
А. С. Десницкий
А. Ю. Другов
Д. В. Дубровская
А. О. Захаров
Т. А. Карасова
Е. Л. Катасонова
А. И. Кобзев
В. А. Кузнецов
Ю. В. Любимов
Н. М. Мамедова
С. Е. Малых
Д. В. Микульский
Д. В. Мосяков
В. Н. Настич
В. В. Наумкин
К. В. Орлова
С. А. Панарин
Н. И. Пригарина
Н. Г. Романова
А. В. Сарабьев
В. Н. Саутов
Т. Л. Шаумян

Верстка текста и дизайн обложки номера

И. В. Федулов

На обложке: Ступы в пещерном комплексе Бхаджа (Махараштра, Индия). Фото Н. А. Александровой

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2022

4 (22)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302 Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov
L. B. Alaev
Y. G. Aleksandrov
A. K. Alikberov
V. M. Alpatov
S. E. Babkin
A. G. Belova
V. Y. Belokrenitsky
S. A. Burlak
A. V. Vorontsov
A. V. Demchenko
A. S. Desnitskiy
A. Y. Drugov
D. V. Dubrovskaya
A. O. Zakharov
T. A. Karasova
E. L. Katasonova
A. I. Kobzev
V.A. Kuznetsov
Y. V. Lyubimov
N. M. Mamedova
S. E. Malykh
D. V. Mikulskiy
D. V. Mosyakov
V. N. Nastich
V. V. Naumkin
K. V. Orlova
S. A. Panarin
N. I. Prigarina
N. G. Romanova
A. V. Sarabyev
V. N. Sautov
T. L. Shaumian

Design text and cover

Ilia Fedulov

On the cover: Stupas in the Bhaja Cave Complex, (Maharashtra, India). Photo by N. A. Aleksandrova

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2022

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

О. А. Колобов, И. В. Рыжов, О. О. Хохлышева, И. В. Шамин. Особенности дипломатии «великих держав» на Ближнем Востоке в период Первой мировой войны: палестинский вопрос 10

Luong Thi Hong. Decolonization in Asia During the Early Cold War Era: the Case of Vietnam, 1945–1954 30

М. В. Кирчанов. Проблемы кризиса и упадка индонезийского либерального ислама в мусульманском модернизме второй половины 2010-х – начала 2020-х годов 42

ФИЛОЛОГИЯ

Е. А. Рудницкая. Особенности образования придаточного предложения с именным сказуемым–прилагательным в эвенкийском языке 53

О. В. Столбова. Аккадско-чадские лексические параллели 63

ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

Б. Х. Кушхов. Динамика численности населения регионов Монголии: закономерности и ключевые факторы 68

З. А. Соловьева. Некоторые факторы образования государственной задолженности Туниса 75

М. Г. Борисов. Роль энергетического перехода в решении проблемы пресной воды на Востоке 83

С. В. Чеснокова. Российский экспорт нефти в Индию в условиях санкционного давления 93

ИДЕИ И КУЛЬТУРЫ

Н. В. Александрова. Чайтья в трех версиях «Лалитавистары»: взаимодействие текста и паломнической традиции 100

Е. О. Новоселова. Проблема понятия «народный буддизм» в религиоведении Японии 119

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. З. Мосаки. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина (научная деятельность в 1957–1971 гг.). Статья первая 120

В. Ц. Головачев. Неизвестный Михаил Васильевич Крюков 147

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Прудников. Взаимоотношения Абхазии и итальянских городов-государств в XIII–XV вв. 155

Е. Ю. Ванина. Новые материалы о русских в Индии 160

ХРОНИКИ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

А. Д. Васильев, О. М. Курникова, Н. К. Чарыева. Научная сессия в честь 90-летнего юбилея Леонида Борисовича Алаева 165

В. А. Перминова. IX ежегодный научный семинар по тайваньским исследованиям «Тайвань: от прошлого к современности» 172

CONTENTS

HISTORY AND POLITICS

O. A. Kolobov, I. V. Ryzhov, O. O. Khokhlysheva, I. V. Shamin. The Special Features of the 'Great Powers' Diplomacy in the Middle East During the First World War: the Palestinian Question 10

Luong Thi Hong. Decolonization in Asia During the Early Cold War Era: the Case of Vietnam, 1945–1954 30

M. V. Kyrchanoff. Problems of Crisis and Decline of Liberal Islam in Indonesian Muslim Modernism of the Second Half of the 2010s and Beginning of the 2020s 42

PHILOLOGY

E. L. Rudnitskaya. Subordinate Clause Formation in the Evenki Subordinate Clauses With Adjectival Predicates 53

O. V. Stolbova. Akkadian-Chadic cognates 63

ECONOMY AND SOCIUM

B. Kh. Kushkhov. Dynamics of Mongolian Regions' Population: Patterns and Key Factors 68

Z. A. Solovieva. Some Factors of the Formation of State Indebtedness in Tunisia 75

M. G. Borisov. The Role of Energy Transition in Solving the Problem of Fresh Water Scarcity in the East 83

S. V. Chesnokova. Russian Oil Exports to India Under the Sanctions Pressure 93

IDEAS and CULTURES

N. V. Aleksandrova. Caitya in Three Versions of Lalitavistara: Interaction Between Text and Pilgrimage Tradition 100

E. O. Novoselova. The Problematics of the 'Popular Buddhism' Concept in the Religion Studies in Japan 110

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

N. Z. Mossaki. On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1957–1971). Part I 120

V. Ts. Golovachev. The Unknown Mikhail Vasilievich Kryukov 147

REVIEWS

V. V. Prudnikov. Relations Between Abkhazia and Italian City-States in the Thirteenth-Fifteenth Century 155

E. Yu. Vanina. New Materials on the Russians in India 160

ACADEMIC EVENTS

A. D. Vasilyev, O. M. Kurnikova, N. K. Charyeva. Academic Session Dedicated to the 90th Anniversary of Professor L. B. Alaev 165

V. A. Perminova. IX annual academic seminar on Taiwan studies "Taiwan: from past to present" 172

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-010-029

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС*

О. А. Колобов, И. В. Рыжов, О. О. Хохлышева, И. В. Шамин[1]

В статье анализируются предпосылки формирования палестинского вопроса в политике «великих держав» периода, предваряющего Первую мировую войну. Авторами исследуются действия «великих держав» в отношении Османской империи в период Первой мировой войны в практике решения палестинского вопроса. Сделан акцент в исследовании на подготовку и практику осуществления политики Российской империи в отношении решения палестинского вопроса в контексте мировой политики соответствующего периода времени. Оцениваются результаты, согласно данным, отраженным в исторических источниках, об урегулировании палестинского вопроса и последствия, сказавшиеся на дальнейшем развитии событий на территории Палестины. В статье анализируется письмо российского посла в Константинополе Чарыкова Н. В. временно управляющему министерством иностранных дел Нератову А. А. 23 (10) мая 1911 года, процесс подготовки и заключения соглашения Сайкс — Пико от 16 мая 1916 года, переписка полковника, Верховного комиссара Великобритании в Египте сэра Г. Мак-Магона

* Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России научного проекта FSWR-2022–0001 в рамках государственного задания «Фактор Палестины в процессе трансформации международных отношений и многосторонней дипломатии современной России».

[1] Колобов Олег Алексеевич, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород; kolobov@imomi.unn.ru

Oleg A. Kolobov, Professor, Doctor of Sciences (History), Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor, Department of World Diplomacy and International Law, IMOMI UNN, Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky; kolobov@imomi.unn.ru
ORCID: 0000–0001–9373–4406

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России ИМОМИ ННГУ, Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского; ivr@imomi.unn.ru

Igor V. Ryzhov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, IMOMI UNN, Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky; ivr@imomi.unn.ru

Хохлышева Ольга Олеговна, профессор, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ,
Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского; khokhlysheva@imomi.unn.ru

Olga O. Khokhlysheva, Professor, Doctor of Sciences (History), PhD (International Law), Head of the Department of World Diplomacy and International Law, IMOMI UNN, Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky; khokhlysheva@imomi.unn.ru, pravo@imomi.unn.ru.
ORCID: 0000–0002–7137–87–78

Шамин Игорь Валерьевич, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ, Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского; shamin@imomi.unn.ru

Igor V. Shamin, Doctor of Sciences (Political Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Diplomacy and International Law, IMOMI UNN, Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky; shamin@imomi.unn.ru, pravo@imomi.unn.ru.

с шерифом Мекки Хусейном бен Али, июль 1915 — май 1916 гг. (переписка Мак-Магона — Хуссейна) и политико-дипломатическая борьба о статусе Палестины после его заключения.

Ключевые слова: Первая мировая война, Палестина, Палестинский вопрос, Ближний Восток, Османская империя, дипломатия и внешняя политика «великих держав» на Ближнем Востоке, соглашение Сайкс — Пико 1916 г.

Для цитирования: Колобов О. А., Рыжов И. В., Хохлышева О. О., Шамин И. В. Особенности дипломатии «великих держав» на Ближнем Востоке в период Первой мировой войны: Палестинский вопрос. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 10–29. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-010-029

THE SPECIAL FEATURES OF THE «GREAT POWERS» DIPLOMACY IN THE MIDDLE EAST DURING THE FIRST WORLD WAR: THE PALESTINIAN QUESTION

The article was prepared with the support of the Russian Ministry of Education and Science of the scientific project FSWR-2022–0001 as part of the state assignment «The Palestine factor in process of transformation of international relations and multilateral diplomacy of modern Russia»

O. A. Kolobov, I. V. Ryzhov, O. O. Khokhlysheva, I. V. Shamin

The article analyzes the prerequisites for the formation of the Palestinian question in the policy of the «great powers» of the period preceding the First World War. The authors study the actions of the «great powers» in relation to the Ottoman Empire during the First World War in the practice of resolving the Palestinian issue. The authors made an emphasis in the study on the preparation and practice of implementing the policy of the Russian Empire in relation to the solution of the Palestinian issue in the context of world politics of the corresponding period of time. The authors evaluate the results, according to the data reflected in the historical sources on the settlement of the Palestinian issue and the consequences that affected the subsequent development of events in the territory of Palestine. The article analyzes the letter of the Russian ambassador in Constantinople, Charykov N. V. to the temporary head of the Ministry of Foreign Affairs Neratov A. A. May 23 (10), 1911, the process of preparing and concluding the Sykes-Picot agreement of May 16, 1916, correspondence of the Colonel, High Commissioner of Great Britain in Egypt, Sir G. McMahon, with the Sheriff of Mecca, Hussein bin Ali, July 1915 — May 1916 (Correspondence of McMahon — Hussein) and the political and diplomatic struggle about the status of Palestine after its conclusion.

Keywords: World War I, Palestine, the Palestinian question, the Middle East, the Ottoman Empire, diplomacy and foreign policy of the «great powers» in the Middle East, the Sykes-Picot agreement of 1916

For citation: Kolobov O. A., Ryzhov I. V., Khokhlysheva O. O., Shamin I. V. The special features of the «great powers» diplomacy in the Middle East during the First World War: the Palestinian question. Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS. 2022. 4. Pp. 10–29. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-010-029

«*Тройственное согласие*
не распространяется на Ближний Восток»
С. Д. Сазонов[2]

Исследование ближневосточного и палестинского вопроса в политике «великих держав» в исторической ретроспективе сохраняет свою актуальность. Специального рассмотрения заслуживает практика урегулирования палестинской проблемы в контексте внешней политики и дипломатии «великих держав». Один из наиболее важных периодов данной проблематики заключен в хронологические рамки, предваряющие начало Первой мировой войны или Великой войны 1914–1918 гг., связанной, в свою очередь, с последующими событиями социальной и политической трансформации Российской империи, что сказалось на процессе формирования современной политической карты Ближнего Востока. События Первой мировой войны и ее итоги, а также российская политика в контексте и условиях смены общественного-политического строя оказали влияние и привели к появлению новых методов дипломатии и внешней политики, постепенно приобретших открытые черты, не свойственные ранее существовавшим методам, в условиях сопротивления и противодействия других держав, сохранявших приверженность устоявшимся традиционным формам внешней политики и дипломатии. Один из примеров столкновения внешнеполитических противоречий «великих держав», сохраняющих актуальность для рассмотрения и исследования, — практика палестинского урегулирования. Чаще всего затрагиваемая проблематика описывается как распад Османской империи, проблема Константинополя, начало новой колонизации и процесс нового освоения Палестины, вовлечение в «Палестинский вопрос» Соединенных Штатов Америки, что не вполне точно характеризует основные аспекты явления. Более того, одним из наиболее важных вопросов, требующих рассмотрения в указанном контексте, является сохранение роли России и фактор ее присутствия в регионе, а также практика осуществления внешней политики посредством усилий российской дипломатии при сохранении старых и развитии новых ее методов. Таким образом, характеристика предпосылок формирования Палестинского вопроса во внешней политике и дипломатии «великих держав» невозможна без анализа исторических источников периода начала Первой мировой войны и ее ведения.

Практика новой колонизации или нового освоения Палестины, в том числе с учетом интересов упрочивших свое влияние на политической арене банкиров, представителей промышленных кругов, оказалась взаимосвязанной с политикой Великобритании, Германии, Франции, США и Османской империи, которая осуществлялась на Ближнем Востоке в первую очередь против России в период времени, предваряющий начало ведения военных действий 1914–1918 гг. Следует обратить внимание на факт осуществления политики в условиях прочных имперских династических монархических связей, сказавшихся на дальнейших политических событиях, нашедших отражение в исторических источниках, связанных с изменением политического строя государства. Например, в секретном письме (под грифом «весьма секретно») российского посла в Константинополе Н. В. Чарыкова[3] временно управляющему

[2] Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — российский государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи в период с 1910 по 1916 г.

[3] Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930) — российский дипломат, гофмейстер, сенатор, товарищ министра иностранных дел и чрезвычайный и полномочный посол Российской империи в Османской империи, министр в Крымском краевом правительстве, действительный статский советник, камергер. «Скандал Бухлау» (1908–1909), связанный с утечкой в прессу сведений о дипломатической практике в открытии черноморских проливов для флота Российской империи и дальнейшее неблагоприятное развитие ситуации в ходе Боснийского кризиса для

министерством иностранных дел Нератову А. А[4]. от 23 (10) мая 1911 г. не случайно были отмечены «систематические злобные нападки на русское правительство и на Россию со стороны крайне радикальной турецкой печати, субсидируемой различными революционными организациями»; отмечается факт антироссийской пропаганды, ведущейся на территории Российской империи, с задействованием определенных групп российского общества анализируемого периода времени, но отмечается и влияние турецкой печати, среди представителей которой, по словам Чарыкова Н. В., имеются не только благоразумные и умеренные деятели, но и убежденные сторонники дружбы с Россией, и при их поддержке «голос этих людей станет слышнее»[5]. Кроме того, в письме отмечен существенный факт, вызывающий озабоченность государства, связанный с нецелесообразностью ведения военных действий Российской империей, вынужденной, однако, быть готовой реагировать на вероятные нападки с оборонительной целью: «пункт 3. Морские вооружения, замедленные на полтора года нашими дипломатическими средствами, принимают форму, открыто направленную против нас, с заказом турками дредноутов.

Российской империи (определяемое как «дипломатическая Цусима») привели к дополнительному контролю деятельности Министерства иностранных дел Российской империи со стороны председателя Совета министров его Императорского Величества. Аналогично (второй скандал Бухлау,1911 г.) во время выполнения миссии в качестве чрезвычайного и полномочного посла Российской империи в Константинополе (Османская империя). Ситуация, до некоторой степени подобная «скандалу Бухлау», повторилась ровно три года спустя при выполнении турецкой посольской миссии Н. В. Чарыкова. Основной своей задачей при работе чрезвычайным и полномочным послом он видел создание балканского союза под эгидой России, в который желательно было включить также и распадающуюся Османскую империю. Ради этого Н. В. Чарыков самыми различными методами пытался достигнуть сближения с турецким правительством. По существу это было прямым продолжением политической линии А. П. Извольского, неудачно закончившейся в Бухлау. Уже вскоре после назначения послом, в августе 1909 года, Н. В. Чарыков провел переговоры о личной встрече Николая II с турецким султаном Османской империи Мехмедом V. Несмотря на достигнутые договоренности, встреча так и не состоялось, поскольку во властной верхушке Османской империи произошел поворот в сторону прогерманской политики. В 1911 году Италия как активная союзница Германии начала военные действия против Османской империи, а прогерманская группировка закономерно ослабла, и Министерство иностранных дел Российской империи вновь решило попытаться использовать это обстоятельство, чтобы снова, но уже действуя с другой стороны, добиться открытия Черноморских проливов для русского военного флота. В октябре 1911 года Н. В. Чарыков получил предписание о возобновлении переговоров с турецким правительством для получения разрешения в дальнейшем прохода русских военных судов через Черноморский пролив. Однако после выяснения, что союзники (Германия, Великобритания и Австро-Венгрия) не слишком рекомендуют заключать соглашение с Россией, турецкое правительство отвергло проект соглашения о железнодорожном строительстве в Северной Анатолии и оказании всемерной поддержки Россией для сохранения господства в регионе Боспора и Дарданелл — отказалось его подписывать. В декабре Н. В. Чарыков получает инструкцию о прекращении любых переговоров о Дарданеллах одновременно с заявлением министра иностранных дел С. Д. Сазонова об отсутствии намерений России вести официальные переговоры с Турцией относительно проливов, определив их как личную инициативу посла, что несовместимо с общей дипломатической практикой, допускающей самостоятельность в принятии решений, но сообразно поручению и в его рамках. Н. В. Чарыков после Октябрьской революции 1917 года проживал в Крыму в России. После 1919 года Н. В. Чарыков уехал в Константинополь, состоял в правлении одного из русских банков, пользовался авторитетов и в местных турецких кругах, и у союзников.

[4] Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938) — дипломат, товарищ министра иностранных дел Российской империи (1910), ноябрь-декабрь 1916 г.— временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Российской империи, февраль-март 1917 г.— управляющий Министерством иностранных дел Российской империи. 4 ноября 1917 года Нератов А. А. присутствовал на собрании служащих МИД, созванном по требованию большевиков. В ноябре 1917 года участвовал в заседаниях «малого Временного правительства», где выступал в качестве министра иностранных дел вместо арестованного Терещенко М. И. На собрании, а затем в печати давал объяснения в связи с публикацией большевиками ряда секретных дипломатических документов. Принимал участие в особом совещании при главкоме ВСЮР (Вооруженные силы юга России (1919–1920) на юге России при Деникине А. И. После окончания Гражданской войны — в эмиграции. В апреле 1920 года приказом генерала Врангеля П. Н. назначен главой дипломатической миссии в Константинополе. Скончался в 1938 году во Франции.

[5] Письмо российского посла в Константинополе Н. Чарыкова временно управляющему Министерством иностранных дел А. А. Нератову от 23 (10) мая 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия вторая, 1900–1913 гг. Т. 18. Ч. 1. М., 1939. С. 32–35.

Правда, безденежье затрудняет этот заказ. Но оно не составляет непреодолимого препятствия, в особенности если Германия будет толкать Турцию[6] на путь увеличения морских сил. Кстати, те транспорты, которые недавно куплены турками в Германии и Англии, предназначены, несомненно, для перевозок войск по Черному морю во вред нам…»[7]. Чарыков Н. В., характеризуя вероятность соглашения, отмечает в письме: « …самое категоричное соглашение с Германией может быть для нас лишь подспорьем в области наших отношений к Турции: основой же этих отношений должна служить наша собственная сила и боевая готовность на море и на суше»[8]. В рамках предполагаемого соглашения Германии и России Чарыковым Н. В. предлагался следующий вариант развития ситуации и снижения уровня ее эскалации: «3. Относительно морских вооружений Турции было бы достаточно заручиться обещанием с германской стороны не отпускать в Турцию германских морских офицеров-инструкторов…»[9].

Отмеченное обстоятельство, наряду с отсутствием согласия «великих держав» на Ближнем Востоке, дополнялось влиянием постепенно набирающих силу новых националистических движений, претендовавших на создание «национальных очагов» на Ближнем Востоке, а в дальнейшем действовавших при поддержке определенного круга лиц, занимавших ключевые должности в местных германских торгово-промышленных предприятиях, в значительной степени находившихся в зависимости от германского правительства и германских банков и, в свою очередь, оказывающих существенное материальное и иное вспоможение немецкой политике в Османской империи, формируясь в условиях и при наличии существующего и набирающего силу политического арабского национализма, связанного с возможностью создания единого арабского государства или союза арабских государств на Ближнем Востоке.

Кроме того, в указанном контексте и определенных условиях следует отметить, что до подписания соглашения Сайкс-Пико в 1916 году Великобритания лишь один раз очевидно обнаружила свои претензии на Палестину — территорию, являвшуюся частью Османской империи, а именно в переписке с шейхом Мекки Хусейном ибн Али аль-Хашими[10] (июль 1915 — март 1916)[11].

---

[6] Под Турцией имеется в виду Османская (Оттоманская) империя соответствующего периода времени (авторы).

[7] Письмо российского посла в Константинополе Н. Чарыкова временно управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову от 23 (10) мая 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия вторая, 1900–1913 гг. Т. 18. Ч. 1. М., 1939, С. 32–35

[8] Там же. С. 32–35.

[9] Там же.

[10] Хусейн ибн Али аль-Хашими (1854–1931) — шериф Мекки (титул Мекканского шарифата, традиционные хранители двух священных городов — Мекки и Медины, функция хранителя святынь в настоящее время принадлежит монарху Саудовской Аравии), первый король Хиджаза (1916–1924), потомок пророка Мухаммада. Стремился стать независимым правителем Хиджаза. В борьбе против Османской империи опирался на арабских националистов и Великобританию. Стремился к контролю над всей территорией Аравийского полуострова, не разделял взглядов на передачу мандатов на управление Палестины и Ирака Великобритании, а Сирии и Ливана — Франции. В марте 1924 года объявил себя халифом всех мусульман, положив начало Шарифскому халифату. Отрекся от престола в 1924 году в пользу старшего сына Али. С 11 марта 1920 года — почетный кавалер Большого Креста Ордена Бани (Великобритания).

[11] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map).(Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957]// URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.aff47c24–637f4a2e-508780b7–74722d776562/https/upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

Переписка сэра Г. Макамагона[12], верховного комиссара Британии в Египте, с шейхом Мекки Хусейном ибн Али аль-Хашими (1915–1916) представляет собой 10 писем[13], которыми обменивались во время Первой мировой войны, согласно содержанию которых правительство Соединенного Королевства согласилось признать независимость арабов после войны в обмен на то, что шериф Мекки начал восстание арабов против Османской империи. Переписка оказала существенное влияние на историю Ближнего Востока и является одним из основных и важных источников для оценки ситуации в Палестине и ее дальнейшего развития. Основной причиной этого соглашения было противодействие объявлению Османской империей джихада («священной войны»)[14] против союзников во время Первой мировой войны и поддержание 70-ти

[12] Сэр Артур Генри Макмагон (1862–1949) — офицер британской армии и дипломат, колониальный администратор. Занимал пост Верховного комиссара в Египте (1915–1917), администратора в Британской Индии и дважды — пост главного комиссара Белуджистана. А. Г. Макмагон наиболее известен перепиской с Хусейном бин Али, шарифом из Мекки, линией Макмагона между Тибетом и Индией и Декларацией семи в ответ на меморандум, написанный семью известными сирийцами. После того, как соглашение Сайкса-Пико 1916 г. было опубликовано большевистским правительством России в ноябре 1917 года, сэр А. Г. Макмагон подал в отставку. Он также занимает видное место в «Семи столпах мудрости», рассказе Т. Э. Лоуренса об арабском восстании против Османской империи во время Первой мировой войны. В 1915 году А. Г. Макмагон был отправлен вместо сэра М. Читема, недолго исполнявшего обязанности лорда Г. Китченера, ставшего военным министром в Лондоне, на посту Верховного комиссара в Султанате Египет. Хотя изначально временное назначение вскоре стало постоянной должностью для опытного политического администратора. С одобрения лорда Г. Китченера и министра иностранных дел сэра Эдварда Грея А. Г. Макмагон начал долгую переписку с Хусейном бин Али, шерифом Мекки, назначенным Османской империей правителем Хиджаза, чтобы использовать бедуинские племена, находящиеся под его контролем, для поддержки египетского экспедиционного корпуса в свержении османов. Он пообещал Хусейну независимую территорию под управлением арабов, которая должна была включать то, что тогда было Мутасаррифатом Иерусалима (позднее Подмандатная Палестина), в обмен на поддержку арабов в британском конфликте против турок-османов в том, что стало известно как Великое арабское восстание против османов. Их переписка известна историкам как переписка Макмагона — Хусейна. Сэр Гилберт Клейтон, Обри Герберт, Р. Г. А. Сторрз и другие представители разведывательного сообщества одобряли проарабскую политику А. Г. Макмагона с 1916 года. А. Г. Макмагон в течение шести месяцев работал над планом использования шерифа Хусейна для поддержки британцев, но именно сэр Р. Вингейт убедил А. Г. Макмагона в том, что арабы готовы, способны и желают, чтобы Каир поддержал Хусейна в попытке свергнуть османов и создать панарабское государство, состоящее из османских арабских земель на Ближнем Востоке. Р. Г. А. Сторрз считал, что дипломатия «во всех отношениях преувеличена». К маю 1916 года турецкие войска прибыли в Мекку, а А. Г. Макмагон получил телеграмму от Абдуллы ибн Хусейна, сына шарифа Хусейна, о том, что Движение готово. А. Г. Макмагон отправил в Лондон секретаря по восточным вопросам Р. Г. А. Сторрза с группой экспертов по разведке. Британское решение высадить силы вторжения в Дарданеллах вместо Александретты и пообещать французскую Сирию в соответствии с соглашением Сайкса — Пико раздражало А. Г. Макмагона. 23 ноября 1917 года, после Октябрьской революции, большевики выпустили копии Соглашения Сайкса — Пико и других секретных договоров, опубликовав полные тексты в «Известиях» и «Правде». Затем 26 ноября 1917 г. газета «Манчестер Гардиан» (Manchester Guardian) опубликовала тексты. Это вызвало большое смущение у союзников и растущее недоверие между ними и арабами, и сэр А. Г. Макмагон в знак протеста подал в отставку.

[13] Перечень писем: № 1 от 14 июля 1915 года, № 2 от 30 августа 1915 года, № 3 от 9 сентября 1915 года, № 4 от 24 октября 1915 года, № 5 от 5 ноября 1915 года, № 6 от 14 декабря 1915 года, № 7 от 1 января 1916 года, № 8 от 25 января 1916 года, № 9 от 18 февраля 1916 года, № 10 от 10 марта 1916 года //Correspondence between Sir Henry McMahon, G. C. M. G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd.5957]// URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.aff47c24–637f4a2e-508780b7–74722d776562/https/upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[14] Подразумевается акт официального вступления в войну Османской империи. Хотя большинство членов османского правительства, в том числе и великий визирь Османской империи (Саид Халим-паша), выступали против войны, Энвер-паша вместе с немецким командованием, которое, в свою очередь, находилось под влиянием политики Российской империи, начал войну без его согласия, поставив страну перед свершившимся фактом. Этот факт часто означен как объявление священной войны (джихада) странам Антанты. Началом принято считать дату 29–30 октября (11–12 ноября) 1914 года, когда османский флот под командованием германского адмирала В. А. Сушона обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию (нападение, называемое Черноморским рейдом, осуществленым как внезапная атака на русские порты, совершено при помощи двух недавно купленных военно-морских кораблей с экипажем немецких моряков и под командованием немецкого адмирала). Причины данного шага не вполне ясны, поскольку Османская империя планировала сохранить нейтралитет и вести переговоры со сторонами. События повлекли объявление Российской империей войны Османской империи 2 (15) ноября, и за ней

миллионов мусульман в Британской Индии (особенно тех, кто служил в армейских частях, развернутых на основных театрах военных действий). Территория арабской независимости была определена как находящаяся «в пределах и границах, предложенных шерифом Мекки», за исключением «частей Сирии», лежащих к западу от «районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо»; противоречивые толкования этого описания должны были вызвать большие споры в последующие годы, в том числе вопрос о прибрежном районе, носящий сугубо внутригосударственный характер. Позднее, после публикации в ноябре 1917 года Декларации Бальфура, требующей отдельного детального рассмотрения в указанном контексте, и после факта утечки секретного Соглашения Сайкса — Пико 1916 года, в котором Великобритания и Франция предлагали разделить и оккупировать части территории, шериф Хусейн и другие арабские лидеры сочли, что соглашения[15], заключенные в переписке полковника Макмагона — шерифа Мекки Хусейна, были нарушены. Впоследствии шериф Мекки Хусейн отказался ратифицировать Версальский договор 1919 года и подписывать договор о принятии системы мандатов о передаче Палестины и Сирии. Дальнейшая британская попытка заключить договор потерпела неудачу в 1923–1924 годах, и переговоры были приостановлены в марте 1924 года; в течение шести месяцев британцы отказались от своей поддержки в пользу своего центрально-аравийского союзника Ибн Сауда, который приступил к завоеванию королевства Хусейна.

Переписка сопровождала развитие англо-арабских отношений на протяжении нескольких десятилетий после означенных событий. Она же оказала влияние на общее понимание контекста политических отношений государств в рамках и в контексте «Палестинского вопроса» в системе международных отношений. В переписке содержится материал, имеющий отношение к согласованию позиций Великобритании с Францией, выделяемому как приоритетное, и Российской империей, что позволяет проследить развитие политики России в отношении Палестины в дальнейшем. Переписка окончательно была рассекречена в 1964 году.

Письмо шерифа Хусейна от 14 июля 1915 года содержит определение «арабской нации», которая «вся, без исключения, решила в последние годы существовать вместе, реализовав свою свободу и взять бразды правления в свои руки,… принимая во внимание, что она нашла и поняла, что в интересах Правительства Великобритании поддержать и помочь нации в достижении ее твердых намерений (которые основаны на сохранении ее чести и достоинства) без каких-либо скрытых мотивов; и принимая во внимание, что в интересах арабов предпочесть

последовали Англия и Франция. 30 октября Османская империя официально вступила в Первую мировую войну в составе блока Центральных держав (Германская империя, Австро-Венгрия, Третье Болгарское царство, Османская империя — союз держав, основанный на Тройственном Союзе). Факт вступления в войну Османской империи привел к ее распаду, многочисленным жертвам и другим политическим последствиям, в том числе связанным с проблемой Палестины, урегулировать которую еще предстоит. Черноморский рейд оценен как повод к войне (casus belli). Известно, что Российские военно-морские офицеры получили особые инструкции не стрелять первыми по османам в случае столкновения. Российское правительство хотело дать понять любой третьей стороне, что именно Османская империя первой начнет боевые действия. Черноморский рейд был связан с оказанием известной финансовой поддержки Германией Османской империи, о чем предварительно был осведомлен министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов послом Российской империи в Стамбуле М. Н. фон Гирсом. Им же была сообщена дата нападения — 29 октября. 29 октября 1914 года союзники представили великому визирю Османской империи Саиду Халим-паше ноту, в которой указывалось, что они заключили соглашение с Египтом и что любая враждебность по отношению к Египту будет рассматриваться как акт объявления войны.

[15] Под соглашением подразумевается согласование позиций сторон в переписке, но не договор (соглашение сторон) в полном правовом оформлении. Вместе с тем следует иметь в виду, что содержание политико-правового акта всегда требует уточнения, и переписка полковника Макмагона — шерифа Хусейна тому свидетельство, позволяющее уточнить позиции сторон будущего договора или последующих политических шагов.

помощь Правительства Великобритании в рассмотрении их географического положения и экономических интересов, а также предпочесть позицию вышеназванного Правительства[16]».

Кроме того, согласно означенному письму, фундаментальные предложения шерифа Хусейна состояли в следующем.

Первое. Англия признает независимость арабских стран, граничащих на севере в Мерсине и Адане вплоть до 37 градусов широты, под этот градус попадают Бирджик, Урфа, Мардин, Мидиат (Мидьят), Джезират, Амадия, вплоть до границы с Персией; на востоке — до границ Персии в районе Залива Басры; на юге — у Индийского океана, за исключением положения Адена, в котором тот сейчас пребывает, на западе граничащих с Красным морем, Средиземным морем, вплоть до Мерсины; Англия одобрит провозглашение Арабского Халифата Ислама[17].

Второе. Арабское правительство Шерифа признает, что Англия будет иметь предпочтение во всех экономических предприятиях в арабских странах[18].

Третье. В целях безопасности арабской независимости и уверенности в таком предпочтении экономическим предприятиям обе высокие договаривающиеся стороны предложат взаимную помощь для поддержания лучшей боеспособности их сухопутных и военно-морских сил, чтобы противостоять любой иностранной державе, которая сможет напасть на какую-либо из сторон. Мир может быть установлен только с согласия обеих сторон[19].

Четвертое. Если одна из сторон вступит в агрессивный конфликт, другая сторона займет нейтральную позицию, но они обсудят вопросы помощи в случае одной из сторон оказать таковую[20].

Пятое. Англия признает ликвидацию иностранных привилегий в арабских странах и поможет правительству шерифа в международном оформлении такой ликвидации[21].

Шестое. Пункты 3 и 4 договора должны оставаться действующими в течение пятнадцати лет с возможностью дальнейшего продления.

В ответе на письмо 30 августа 1915 года подтверждено британское стремление и одобрение Великобританией независимости Аравии (Арабского халифата, как самостоятельного государства в будущем. В письме полковник Г. Макмагон отмечает: «Имеем честь поблагодарить Вас за откровенное выражение искренности Ваших чувств к Англии. Мы рады, кроме того, что ваше высочество и ваш народ придерживаются одного мнения, что интересы арабов — это интересы англичан и английских арабов. С этой целью мы подтверждаем вам условия послания лорда Китченера[22], которое было передано вам через Али Эффенди и в котором было ясно изложено наше стремление к независимости Аравии и ее жителей, а также наше одобрение арабского

[16] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.aff47c24–637f4a2e-508780b7–74722d776562/https/upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[17] Correspondence between Sir Henry McMahon, G. C. M. G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957]// URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.aff47c24–637f4a2e-508780b7–74722d776562/https/upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[18] Ibid.

[19] Ibid.

[20] Ibid.

[21] Ibid.

[22] Горацио Герберт Китченер (1850–1916) — фельдмаршал, барон Великобритании, с 1911 года — британский агент и генеральный консул Великобритании в Египте.

халифата, когда это должно быть провозглашено. Мы еще раз заявляем, что правительство Его Величества приветствовало бы восстановление Халифата арабом истинной расы. Что касается вопросов пределов и границ, было бы преждевременно тратить наше время на обсуждение таких деталей в пылу войны, и хотя во многих их частях турки до сих пор находятся в фактической оккупации; тем более, что мы с удивлением и сожалением узнали, что некоторые из арабов в тех самых краях не только не помогают нам, но пренебрегают этой своей высшей возможностью и сдают оружие немцам и туркам, новому грабителю и старому угнетателю»[23].

В следующем письме шерифа Мекки Хусейна от 9 сентября 1915 года подтверждается важность согласования «пределов и границ» будущего арабского государства или нескольких государств с учетом доверия и взаимности. В указанном письме сделан акцент, что переговоры зависят от отказа или принятия решения Великобританией о вопросе об ограничениях и защите веры и религии, а затем остальных прав от любого вреда или опасности[24].

Согласно ответу, содержащемуся в письме сэра Г. Мак-Магона[25] от 24 октября 1915 года по вопросу о границах, Великобританией отмечена и признана важность согласования границ. В письме содержится заключение о том, что «два района Мерсин и Александретта и части Сирии, лежащие к западу от районов Дамаск, Хомс, Хама и Алеппо, нельзя назвать чисто арабскими, и их следует исключить из требуемых пределов … Что касается тех регионов, лежащих в пределах этих границ, где Великобритания может действовать без ущерба для интересов своего союзника, Франции … Великобритания готова признать и поддержать независимость арабов во всех странах, в пределах, установленных (определенных) шерифом Мекки»[26]. В письме подтверждается обещание Великобритании об охране Святых мест, предоставление помощи и советов в указанном вопросе. Предусмотрено исключение для вилайетов Багдад и Басра, допускающее предоставление «особых административных мер» для Великобритании. Поскольку правительство Великобритании было осведомлено о содержании письма и предложениях шерифа Мекки Хусейна Ибн-Али, то в отношении территориальных владений будущего государства Арабского Халифата Ислама были переданы следующие предложения: два района — Мерсин, Александретта и части Сирии, лежащие к западу от Дамаска, Хамса, Хамы и Алеппо, не могут считаться полностью арабскими и должны быть исключены из требуемых пределов, ограничения принимаются без ущерба отношений Великобритании с арабскими вождями[27]. С учетом вышеуказанных изменений Великобритания готова признать и поддержать независимость арабов во всех регионах в пределах, требуемых шерифом Мекки.

В письме содержится положение о ненанесении ущерба в районах в определенных границах союзнице Великобритании — Франции. Кроме того, отмечено, что с учетом вышеуказанных оговорок Великобритания готова признать и поддержать независимость арабов во всех районах, находящихся в пределах границ, затребованных шерифом Мекки. В письме отмечается, что Великобритания оградит Святые Места от попытки любой внешней агрессии

[23] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[24] Ibid. См. Приложение 2 — карта региона согласно переписке.

[25] См. ссылку 11.

[26] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[27] Ibid.

и признает их неприкосновенность; а в тех случаях, когда позволит ситуация, Великобритания даст арабам совет и поможет им установить то, что может показаться наиболее подходящей формой правления на этих различных территориях. В письме констатируется ясность факта в том, что арабы решили искать совета и направления только у Великобритании и что европейскими советниками и официальными лицами, приглашенными для установления достойной формы правления, будут англичане. В письме содержится уточнение в отношении вилайетов Багдада и Басры — то, что арабы признают, что положение и интересы Великобритании вызывают необходимость специальных административных мероприятий по охране этих территорий иностранной агрессии для повышения благосостояния местного населения и защиты «наших общих экономических отношений»[28]. Г. Макмагон отмечает, что ограничивается в этом письме наиболее жизненными и важными вопросами, а остальные вопросы предлагает обсудить в дальнейшей переписке. В письме говорится: «С большим облегчением и удовлетворением я узнал о благополучном прибытии Святого Ковра[29] и сопутствующих приношений, которые, благодаря четкости ваших указаний и совершенству ваших распоряжений, были доставлены без проблем и происшествий, несмотря на опасности и трудности, вызванные настоящей печальной войной. Пусть Бог скоро принесет прочный мир и свободу всем народам[30]». Письмо завершено уточнением: «Я посылаю это письмо через вашего надежного и превосходного посланника, шейха Мухаммеда ибн Арифа ибн Урайфана[31], и он сообщит вам о различных вещах, представляющих интерес, но менее важных, о которых я не упомянул в этом письме[32]».

Письмо шерифа Хусейна от 5 ноября 1915 года содержит уточнение позиции о вилайетах Мерсин и Адана: «Мы отказываемся от своих требований о включении двух вилайетов — Алеппо и Бейрута и их побережья[33]» — отказ от исключения, поскольку они, согласно тексту письма, «являются чисто арабскими вилайетами, и нет никакой разницы между арабами мусульманами и христианами — оба они потомки одного праотца[34]», то есть превалировали территориальные

[28] Ibid.

[29] Не вполне понятно, о чем идет речь в письме. Согласно древней мусульманской традиции священный ковер — кисва — это святыня мусульман, предназначенная для облачения главного святилища — Кааба в Мекке. Ежегодно лучшие мастера Египта ткали и вышивали священный ковер для перенесения в Мекку. Ковер помещали в специальное сооружение — махмаль, водружали на верблюда, и в сопровождении паломников и верующих процессия проходила по улицам Каира, направляясь в Мекку. По окончании хаджа (паломничество, одна из обязанностей правоверного мусульманина) верующие получали небольшие части ковра и увозили их с собой. В коллекции Государственного Русского музея (до 1917 года — Русский музей императора Александра III, г. Санкт-Петербург), основанного императором Российской империи Николаем II в 1895 году, находится картина Маковского К. Е. (1839–1915) «Перенесение Священного ковра в Каире» (1876), написанная под влиянием поездки в Каир в 1872 году в связи с болезнью жены художника. В 1876 году картина была выставлена в Парижском салоне. В переписке полковника Г. Макмагона — шерифа Мекки Хусейна речь идет, скорее всего, о благополучном прохождении и организации хаджа.

[30] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[31] Кроме писем устно передавались сведения и инструкции (авторы).

[32] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[33] Ibid.

[34] Имеется в виду Авраам (авторы). См. Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

приобретения, а не культурная и /или духовно-религиозная принадлежность населения в формировании будущего государства. В письме констатируется, что «иракские вилайеты» отметили, что «мы можем согласиться оставить их под управлением британских войск за соответствующую сумму, выплаченную в качестве компенсации арабскому королевству за период оккупации[35]». В дополнение в письме подчеркиваются взаимные интересы сторон, а именно те, которые являются экономическими и жизненно важными, при уважении к соглашениям Великобритании с шейхами определяемых районов и особенно тех, которые необходимы. В другой части письма обсуждаются опасения арабов по поводу восстания в контексте риска того, что союзники одновременно с этим будут требовать мира с османами. В отношении формирования будущего государства в письме предполагается: «Мы, мусульмане, пойдем по стопам Повелителя правоверных Омара ибн Хаттаба и других халифов, сменивших его, которые установили в законах мусульманской веры, что мусульмане должны относиться к христианам так, как они относятся к себе. Он, Омар, заявил по отношению к христианам: «Они будут иметь те же привилегии и подчинятся тем же обязанностям, что и мы». Таким образом, они будут пользоваться своими гражданскими правами в той мере, в какой это соответствует общим интересам всей нации[36]»[37]. Относительно ускорения начала восстания шериф Хусейн отмечает: «В вашем желании ускорить движение мы видим не только преимущества, но и опасения. Первым из этих оснований является боязнь порицания мусульман противоположной стороны (как это уже случалось в прошлом), которые заявят, что мы восстали против ислама и разорили его силы. Второе состоит в том, что, стоя перед лицом Турции, которую поддерживают все силы Германии, мы не знаем, что сделала бы Великобритания и ее союзники, если бы одна из держав Антанты была ослаблена и вынуждена заключить мир. Мы опасаемся, что тогда арабская нация останется перед лицом Турции вместе с ее союзниками, но мы вовсе не возражали бы, если бы нам пришлось столкнуться с турками в одиночку. Поэтому необходимо принять во внимание эти моменты, чтобы избежать заключения мира, в котором заинтересованные стороны могут решать судьбу наших народов, как если бы мы принимали участие в войне, не оправдывая наших претензий на официальное рассмотрение»[38].

Кроме того, шериф Хусейн выражает опасения в отношении Османской империи и ее политики в отношении к формированию арабского государства: «Арабская нация твердо убеждена, что после окончания этой войны турки, находящиеся под немецким влиянием, направят свои усилия на то, чтобы спровоцировать арабов и нарушить их права, как материальные, так и моральные, стереть с лица земли их благородство и честь и низвести их до крайней степени подчинения, поскольку они полны решимости полностью их разрушить. Причины медлительности, проявленной в нашем направлении, уже были изложены»[39]. В этих условиях им выражается необходимость в поддержке Великобритании: «Когда арабы узнают, что правительство Великобритании является их союзником, который не оставит их в покое при заключении мира перед лицом Турции и Германии, и что она их поддержит и будет эффективно защищать, тогда вступать в войну сразу, без сомнения, будет соответствовать общим интересам арабов[40]».

[35] Ibid.

[36] Имеются в виду государства (авторы).

[37] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[38] Ibid.

[39] Ibid.

[40] Ibid.

В завершение в письме содержится констатация об отсутствии необходимости повторять мнение относительно статей 3 и 4 предыдущего письма полковника Г. Макмагона от 24 октября 1915 года по поводу администрации, правительственных советников и должностных лиц при условии невмешательства во внутренние дела[41].

Следующее письмо полковника Г. Макмагона шерифу Мекки Хусейну от 14 декабря 1915 года содержит подтверждение и согласие относительно вилайетов Мерсин и Адана и исключения их из границ арабских территорий. В отношении вилайетов Алеппо и Бейрут, с учетом подтверждения верности интересам союзника Великобритании — Франции, в письме отмечается: «Поскольку в них обоих вовлечены интересы нашего союзника, Франции, вопрос потребует тщательного рассмотрения, и дальнейшее сообщение по этому поводу будет направлено вам в установленном порядке». В отношении «Багдадского вилайета» в письме отмечено, что обсуждение этого вопроса требуется отложить. В письме содержится подтверждение того, что Великобритания «не намерена заключать какой-либо мир, по условиям которого свобода арабских народов от немецкого и турецкого господства не является существенным условием[42]». Г. Макмагон с удовлетворением воспринял заверения шерифа Хусейна в том, что арабы полны решимости действовать в соответствии с заповедями, изложенными Омаром ибн Хаттабом и ранними халифами, которые в равной степени обеспечивают права и привилегии всех религий[43]. В отношении соблюдения договоров с арабскими вождями Г. Макмагон заверил, что их признание и соблюдение будет относиться ко всем территориям, входящим в состав Арабского королевства, так как правительство Великобритании не может отказаться от обязательств, которые уже существуют[44]. В отношении вилайета Багдада в письме подтверждается, что Великобритания готова предоставить все гарантии помощи и поддержки в пределах своих сил Арабскому Королевству[45], но с тем условием и в соответствии с государственными интересами, что в вилайете будет установлена дружественная и стабильная администрация. Надлежащее же обеспечение этих интересов требует гораздо более полного и подробного рассмотрения, чем позволяют нынешняя ситуация и безотлагательность переговоров[46]. В письме отмечается необходимость проявления доверия Великобритании в отсутствие поспешных действий, которые могут поставить под угрозу окончательный успех проектов, но в то же время важность предприятия, содержится призыв прилагать максимальные усилия для привлечения всех арабских народов к единому делу и не оказывать никакой помощи врагам[47]. В конце письма полковник Г. Макмагон заверяет: «В этих обстоятельствах правительство Великобритании также поручило мне сообщить вам, что вы можете быть уверены, что Великобритания не намерена заключать какой-либо мир, в условиях которого свобода арабских народов от немецкого и турецкого господства не образует существенное условие[48]».

---

[41] Ibid.

[42] Ibid.

[43] Ibid.

[44] Ibid.

[45] Формой правления будущего государства предполагалась монархия.

[46] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[47] Подразумеваются Османская империя и ее союзники.

[48] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

В письме от 1 января 1916 года шериф Мекки Хусейн затрагивает вопрос о будущем Ирака и предлагает договориться о компенсациях после войны. В отношении Эль-Ирака он выражает согласие, отмечая мудрость и справедливость Великобритании в этом вопросе. В отношении северных частей и их побережья в письме отмечается, что все возможные модификации уже сделаны, а при ближайшей возможности после окончания войны можно задаться вопросом об оставлении Бейрута и района побережья Франции как союзнице Великобритании, чтобы не нанести ущерба этому союзу[49]». Настоящее положение дел в письме описано шерифом Хусейном следующим образом: «Я не считаю необходимым обращать ваше внимание на то, что наш план более безопасен для интересов и защиты прав Великобритании, чем для нас, и обязательно будет таковым, что бы ни случилось, так что Великобритания может, наконец, увидеть своих друзей в том довольстве и развитии, которые она пытается установить для них сейчас, тем более что ее союзники, являющиеся соседями для нас, будут источником трудностей и дискуссий, с которыми не получится мирного существования. Вдобавок к этому граждане Бейрута решительно никогда не согласятся с таким расчленением и могут обязать нас принять новые меры, которые окажут на Великобританию не меньшее воздействие, чем ее нынешние проблемы. Наша уверенность во взаимности и совпадении наших интересов является единственной причиной, по которой мы никогда не заботимся о переговорах с какой-либо другой державой, кроме вас. Следовательно, невозможно допустить каких-либо отступлений, дающих Франции или какой-либо другой державе участок земли в этих регионах[50]».

Полковник Г. Макмагон в письме от 25 января 1916 года уведомляет шерифа Хусейна о принятии к сведению замечаний относительно вилайета Багдада и отмечает рассмотрение вопроса более тщательно после победы над врагом и во время периода мирного урегулирования. Относительно северных частей в письме отмечается благоразумие в том, чтобы избежать всего, что могло бы повредить союзу Великобритании и Франции, означаемому как приоритет во взаимоотношениях: «Как вы знаете, мы твердо решили, что ничто не должно ни в малейшей степени вмешиваться в наше совместное ведение этой войны до победного конца. Более того, когда будет одержана победа, дружба Великобритании и Франции станет еще более прочной и долговечной, скрепленной кровью англичан и французов, павших бок о бок, сражаясь за дело права и свободы[51]».

В письме от 18 февраля 1916 года от шерифа Хусейна предлагались и описывались детали первоначального приготовления к восстанию, а также содержалась просьба о финансовой помощи в размере 50 000 фунтов стерлингов золотом, о помощи оружием, боеприпасами и продовольствием, утверждалось, что Фейсал ожидает прибытия «не менее 100 000 человек» для запланированного восстания. Согласно информации шерифа Хусейна, отправившего одного из сыновей в Сирию для командования там операциями, которые будут сочтены необходимыми, был получен подробный отчет, в котором говорится, что тирании правительства Сирии не оставили лиц, на которых они могли бы положиться, будь то солдаты разных чинов или другие, за исключением лишь нескольких и второстепенных и что он (отправленный в Сирию сын) ожидает прибытия войск, объявленных из разных мест, особенно от жителей страны и окружающих арабских регионов, таких как Алеппо и юг Мосула, общее количество которых, по их оценке, составляет не менее 100 000 человек; и он намеревается, если большинство упомянутых сил будут арабами, начать движение ими, одновременно наблюдая

[49] Ibid.
[50] Ibid.
[51] Ibid.

за турками и их продвижением к каналу, изменив свои действия, которых от него ожидают, во время сражения.

Согласно тексту письма, шериф Мекки Хусейн намеревался послать старшего сына в Медину с достаточными силами, чтобы укрепить его брата, который находился в Сирии, и с любой возможностью занять железнодорожную линию или провести такие операции, какие могут позволить обстоятельства. Данные действия в письме определяются как начало движения. Отмечается практика сохранения спокойствия в стране посредством найма охранников, принадлежащих к Хиджазу по многим причинам, изложение которых заняло бы слишком много времени.

Далее в письме излагаются нужды на текущий момент:

«Во-первых. Сумма в 50 000 фунтов стерлингов золотом для ежемесячного жалованья набранным войскам и другие вещи, необходимость которых не нуждается в объяснении. Мы просим вас послать его со всей возможной поспешностью. Во-вторых, 20 000 мешков риса, 15 000 мешков муки, 3 000 мешков ячменя, 150 мешков кофе, 150 мешков сахара, 5 000 ружей современного образца и необходимых боеприпасов, а также 100 ящиков патронов двух образцов (прилагаются), а также патроны Мартини-Генри и «Аза», то есть патроны к ружьям фабрики Сент-Этьен во Франции, для использования этих двух видов ружей нашими племенами; было бы не лишним послать по 500 ящиков обоих видов. В-третьих, мы считаем, что местом хранения всех этих вещей будет Порт-Судан. В-четвертых, так как вышеуказанные провизия и боеприпасы не нужны до начала движения (о чем мы сообщим вам официально), они должны оставаться на вышеуказанном месте, а когда они нам потребуются, мы сообщим тамошнему губернатору о месте, в котором они могут быть переданы, и о посредниках, которые будут доставлять заказы на их получение. В-пятых, требуемые деньги должны быть немедленно отправлены губернатору Порт-Судана, и мы пришлем к нам конфиденциального агента, чтобы получить их либо все сразу, либо двумя частями, в зависимости от того, насколько он в состоянии, и это (тайный) знак — (ꝺ) [52], который следует распознавать для принятия мужчины. В-шестых, наш посланник, который получит деньги, будет отправлен в Порт-Судан через три недели, то есть он будет там 5-го Джамад-Авала (9 марта) с нашим письмом, адресованным Аль-Хаваге Элиасу. Эфенди, сказав, что он (Элиас) будет платить ему, в соответствии с письмом, арендную плату за наши владения, и подпись будет ясной от нашего имени, но мы поручим ему просить губернатора места, которому вы сообщите о прибытии этого человека. После прочтения письма деньги должны быть отданы ему при условии, что с ним не будет вестись никакого обсуждения какого-либо вопроса, касающегося нас. Убедительно просим вас ничего ему не говорить, сохраняя это дело в тайне, и обращаться с ним, по-видимому, так, как будто он ничем не мешает. Пусть не думают, что наше назначение другого человека происходит из недоверия к подателю; это только для того, чтобы избежать пустой траты времени, потому что мы назначаем его на задание в другом месте. В то же время просим вас не отправлять его ни на пароходе, ни официально, так как средств, уже выделенных, достаточно. В-седьмых, нашему представителю, подателю настоящего письма, было определенно поручено обеспечить его доставку, и я думаю, что его миссия на этот раз завершена, так как положение вещей известно как в целом, так и в деталях, и нет необходимости посылать кого-либо еще. В случае необходимости отправки информации она будет

[52] Знак более четко читается в тексте переписки Мак-Магона — Хусейна на английском языке. // Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

исходить от нас; однако, поскольку наш следующий представитель свяжется с вами через три недели, вы можете подготовить инструкции для его возвращения. Но пусть с ним обращаются просто по внешнему виду. Восьмое: пусть британское правительство рассмотрит эти военные расходы в соответствии с книгами, которые будут ему предоставлены, с объяснением того, как были израсходованы деньги[53]».

В письме от 10 марта 1916 года от полковника Г. Макмагона обсуждались первоначальные приготовления к восстанию. Подтверждено согласие правительства Великобритании оказать помощь в ответ на просьбы, изложенные в предыдущих письмах. Упоминается об определении мест и посредников, которые будут выполнять заказы на получение помощи. Содержится просьба о разъяснении вопроса, который неясен и мог бы вызвать недоразумение: «Вдоль побережья Аравии есть различные турецкие посты и небольшие гарнизоны, которые враждебны нам и, как говорят, планируют нанести ущерб нашим военно-морским интересам в Красном море. Поэтому мы можем счесть необходимым принять вооруженные меры против этих постов и гарнизонов, но мы дали строгие инструкции о том, что наши корабли должны принимать все меры для того, чтобы проводить различие между враждебными турецкими гарнизонами и невинными арабскими жителями, с которыми мы имеем дело ввиду наших к ним дружеских чувств. Мы уведомляем вас об этом в случае, если до вас могут дойти искаженные и ложные сообщения о причинах каких-либо действий, которые мы можем быть обязаны предпринять. До нас дошли слухи о том, что наши общие враги пытаются строить лодки для установки мин в Красном море и для того, чтобы иным образом нанести ущерб нашим интересам там, и мы просим вас дать нам заблаговременную информацию, если вы получите какое-либо подтверждение таким отчетам. Мы слышали, что Ибн Рашид продает туркам большое количество верблюдов, которых отправляют в Дамаск. Мы надеемся, что вы сможете оказать на него влияние, чтобы он прекратил эту практику, и если он все еще будет упорствовать, вы сможете договориться с арабами, которые находятся между ним и Сирией, чтобы захватить верблюдов, когда они будут проходить, — процедура, которая будет к нашей взаимной выгоде. Я рад сообщить вам, что те заблудшие арабы под предводительством Сайеда Ахмеда эль-Сенусси, которые стали жертвами козней турецких и немецких интриганов, теперь начинают понимать ошибочность своего пути и идут к нам в большом количестве, прося прощения и дружбы. Мы нанесли жестокое поражение силам, которые эти интриганы собрали против нас, и теперь глаза арабов открываются на обман, который был осуществлен над ними. Взятие Эрзерума и поражения, понесенные турками на Кавказе, имеют большое значение в нашу пользу и очень помогают делу, ради которого мы оба работаем[54]».

Таково содержание переписки полковника Г. Макмагона и шерифа Мекки Хусейна, проясняющее условия формирования палестинского вопроса в мировой политике и политике «великих» держав. Однако англичане поставили своих союзников в известность о ней лишь постфактум и не раскрыли ее содержания. В результате длительных англо-русско-французских переговоров с февраля по май 1916 г. Великобритания, используя заинтересованность России в Константинополе и черноморских проливах, а Франции — в Сирии и Киликии, сумела выговорить для себя часть территории Палестины.

[53] Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957] URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

[54] Ibid.

В меморандуме (памятной записке) посольств Великобритании и Франции в Петрограде министру иностранных дел Российской ммперии С. Д. Сазонову содержится официальное уведомление Российской империи о плане территориального раздела в случае образования арабского государства с учетом итогов совещания с Россией[55]. В целом, меморандум содержит основные положения будущего соглашения Сайкс-Пико 1916 года о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке между Великобританией, Францией, а также Россией. Этот раздел на многие годы определил статус-кво как в политической карте арабского мира, так и специфические интересы и позиции Лондона и Парижа в конкретных арабских странах.

Согласно тексту документа, французское и английское правительства, убедившись на основании дошедших до них сведений, что арабские народности как на Аравийском полуострове, так и в провинциях Османской империи живейшим образом настроены против турецкого владычества, предполагали основать арабское государство или федерацию (имеется в виду союз арабских государств), одновременно враждебные турецкому правительству и благоприятно настроенные по отношению к Великобритании и Франции. Документ содержит факт о достижении согласия относительно принципов, о которых сообщается российскому правительству. В преамбуле документа после описания проекта образования арабского государства или федерации[56], одновременно враждебных турецкому правительству и благоприятно настроенных по отношению к державам Согласия[57], отмечено, что стороны в результате переговоров желают сообщить о результатах, прежде чем идти дальше[58]. В статье 3 меморандума отмечалось, что в «коричневой зоне будет учреждено международное управление, форма которого будет определена после совещания с Россией, а также по соглашению с другими союзниками и представителями шерифа Мекки[59]». В последующих документах — памятной записке министра иностранных дел России С. Д. Сазонова французскому послу в Петрограде М. Палеологу (Петроград, 13/26 апреля 1916 г. № 280 В), ноте французского посольства министру иностранных дел России С. Д. Сазонову (Петроград, 13/26 апреля 1916 г.), телеграмме российского посла в Лондоне Л. К. Бенкендорфа министру иностранных дел России С. Д. Сазонову от 17/30 мая 1916 г. прослеживается процедура согласования позиций трех держав.

Окончательный вариант согласования документ приобрел в телеграмме № 289 российского посла в Лондоне А. К. Бенкендорфа министру иностранных дел С. Д. Сазонову (Лондон 17/30 мая 1916 г.), в которой изложена позиция Российской империи по указанному вопросу в связи с характером отношений России и Великобритании. Пункт 1 соглашения устанавливает аннексию Россией областей Эрзерума, Вана, Трапезонда, Битлиса вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Черного моря, к западу от Трапезонда. Пункт 2 устанавливает, что область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сортом, течением Тигра, Джезире — ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мерге-вера, будет уступлена России; а начиная от области Мергевера граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в указанный период времени оттоманскую территорию от персидской. Означенные пределы определены

[55] Памятная записка министра иностранных дел России С. Д. Сазонова французскому послу в Петрограде М. Палеологу. Петроград, 13/26 апреля 1916 г. № 280 В.

[56] Имеется в виду союз арабских государств, а не форма государства, согласно административно-территориальному устройству (одна из них — федерация).

[57] Антанта или Сердечное согласие.

[58] См. текст меморандума.

[59] Коричневая зона, меморандум. Карта соглашения Сайкса-Пико (приложение 2) (цвет на карте указанной зоны — оранжевый).

в общих чертах, и их детали и уточнения предлагалось сделать комиссией по разграничению на местах. Пункт 3 документа содержит признание сохранения во всех частях османской территории[60], таким образом уступленных России, концессий, предоставленных британским подданным османским правительством. Если российское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение будет иметь место только по соглашению с правительством Великобритании. Пункт 4 содержит положение о том, что во всех частях оттоманской территории, уступленных России, существующие британские права навигации и преимущественного права получения концессий (заявки), а также права и привилегии британских религиозных, школьных и больничных учреждений должны быть сохранены. Правительство Великобритании со своей стороны признает, что аналогичные русские права и привилегии будут сохранены в тех областях, которые в силу настоящего соглашения будут или вполне британскими, или в которых британские интересы будут признаны преобладающими. Пункт 5 предполагает, что оба правительства признают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих часть Оттоманской империи, должно участвовать в служебных органах оттоманского долга. Подлинник документа содержит собственноручную пометку Николая II (черта и две точки) и резолюцию: «Согласен, кроме 1-й ст. Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница» (Царская ставка, 22 мая 1916 г.)[61].

Окончательно Великобритания и Россия уведомили друг друга в обмене телеграммами а августе 1916 года, подписавшись Джорджи и Ники и продемонстрировав теплые родственные отношения. В телеграмме Императора Николая II королю Георгу V 26 августа 1916 г. в общем контексте ближневосточной политики в борьбе за Константинополь отмечается озабоченность в том, что «Еще более серьезным объектом для борьбы я считаю влияние некоторых из наших банков, которые до войны были в германских руках и влияние которых дает себя незримо, но сильно чувствовать — особенно в медленности выполнения приказов об изготовлении военных припасов, снаряжения и т. д. Я часто обращал внимание моего правительства на это обстоятельство. Я надеюсь, что г. Барк преодолеет эту трудность. Я уверен, что короткое официальное сообщение моего правительства, устанавливающее, что Англия и Франции считают обладание Россией Константинополем и проливами неизменным условием мира, успокоило бы все умы и рассеяло бы всякое недоверие»[62].

Таким образом, в феврале 1916 года армия Российской империи оказалась на ближайших подступах к Сирии и Ираку, заняв Эрзерум и Битлис. Опасаясь перехода арабских стран под оккупацию России, союзники поспешили согласовать свои предложения по разделу Османской империи с Петербургом. В обмен на признание Россией независимого арабского государства под эгидой Англии и Франции за Россией признавались следующие территории: 1. Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Чёрного моря, к западу от Трапезунда. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, будет уступлена России. Кроме того, Российская империя получала контроль над проливами Боспор и Дарданеллы и город Константинополь (Стамбул). Особую роль Россия отводила будущему Палестины. В памятной записке МИД Российской империи послам Англии и Франции от 4 (17) марта 1916 года сказано: «Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий

[60] В тексте «Оттоманской территории».

[61] Телеграмма № 289 российского посла в Лондоне А. К. Бенкендорфа министру иностранных дел С. Д. Сазонову, Лондон 17/30 мая 1916 г.

[62] URL: https://studfile.net/preview/2622680/page:76/#140 (дата обращения: 02.09.2022).

всем православным учреждениям, находящимся на Святой Земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране»[63]. Данное заключение сделано в контексте наличия собственности России, именуемой Русской Палестиной, на территории Палестины и предназначенной для обеспечения представительств Русской духовной миссии и паломнических маршрутов. Функционирование ее обеспечивалось посредством практики МИДа России при содействии ИППО (с 1882 г.) (до указанного времени — Палестинский комитет[64], а затем Палестинская комиссия[65], преобразованная в 1899 году в Императорское православное палестинское общество (ИППО)[66] с учетом периода РПО (1918–1991). Ситуация эта требует дальнейшего анализа с учетом контекста прав арабского населения Палестины при условии, что территория в рассматриваемый период времени входила в состав Османской империи, существуя в качестве провинции.

Источники и литература/References:

Письмо российского посла в Константинополе Н. Чарыкова временно управляющему Министерством иностранных дел А. А. Нератову от 23 (10) мая 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия вторая, 1900–1913 гг. Т. 18. Ч. 1. М., 1939 [Letter from the Russian ambassador in Constantinople N. Charykov to the temporary head of the Ministry of Foreign Affairs A. A. Neratov dated May 23 (10), 1911//International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments 1878–1917. Series two, 1900–1913. T. 18. Part 1. M., 1939 (in Russian)].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия третья, 1914–1917 гг. Т. 10. М., 1938 [International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments 1878–1917. Series three, 1914–1917. T. 10. M., 1938 (in Russian)].

Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957]// https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/75/Correspondence_between_Sir_Henry_McMahon_and_the_Sherif_Hussein_of_Mecca_Cmd_5957.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

Меморандум посольств Великобритании и Франции в Петрограде министру иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонову. 21 февраля / 6 марта 1915 года // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952. С. 443–446 [Memorandum of the Embassies of Great Britain and France in Petrograd to the Minister of Foreign Affairs of the Russian Empire S. D. Sazonov February 21 / March 6, 1915 // Collection of treaties between Russia and other states. 1856–1917. M.: Gospolitizdat, 1952. P. 443–446 (in Russian)].

Памятная записка министра иностранных дел России С. Д. Сазонова французскому послу в Петрограде М. Палеологу. Петроград, 13/26 апреля 1916 г. № 280 В [Memorandum of the Minister of Foreign Affairs of Russia S. D. Sazonov to the French Ambassador in Petrograd M. Paleolog. Petrograd, April 13/26, 1916. 280 V (in Russian)].

[63] Памятная записка Министерства иностранных дел французскому и великобританскому послам в Петрограде Палеологу и Бьюкенену, Петроград, 4/17 марта 1916 г.

[64] Палестинский комитет (1859–1864) — российская общественная организация.

[65] Палестинская комиссия при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской империи (1864–1889).

[66] Императорское православное палестинское общество (1882 г.— н. в.).

Нота французского посольства министру иностранных дел России С. Д. Сазонову. *Петроград, 13/26 апреля 1916 г.* [Note of the French embassy to the Minister of Foreign Affairs of Russia S. D. Sazonov, Petrograd, April 13/26, 1916 (in Russian)].

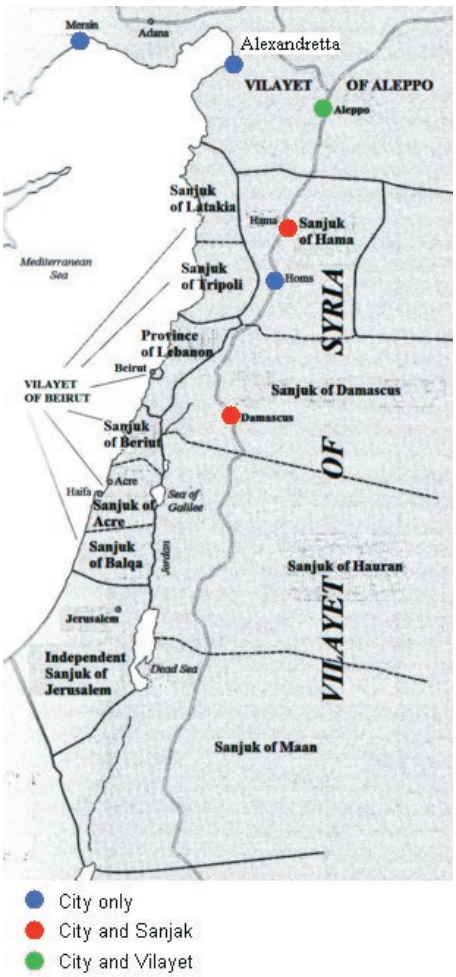
Российский посол в Лондоне Л. К. Бенкендорф — министру иностранных дел России С. Д. Сазонову. *Телеграмма. Лондон, 17/30 мая 1916 г.* [Russian Ambassador in London L/K/ Benkendorf to the Minister of Foreign Affairs of Russia S. D. Sazonov. Telegram. London, May, 17/30, 1916 (in Russian)].

Король Георг V — императору Николаю II, август 1916 г., телеграмма // URL: https://studfile.net/preview/2622680/page:76/#140 (дата обращения: 02.09.2022).

Император Николай II — королю Георгу V, 26 августа 1916 г., телеграмма//URL: https://studfile.net/preview/2622680/page:76/#140 (дата обращения: 02.09.2022).

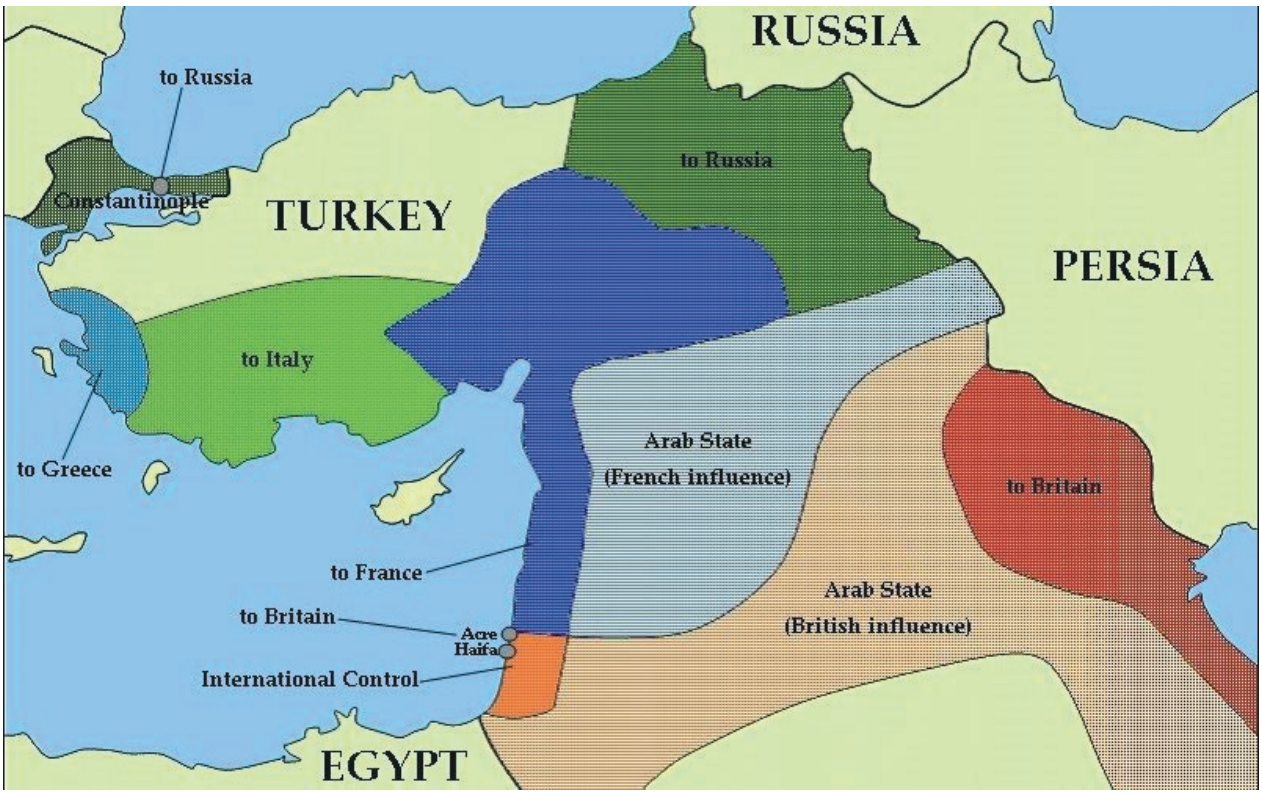
Чернов О. А. «Демарш Чарыкова» в мемуарах Н. В. Чарыкова //Самарский научный вестник. 2014. № 4(9). С. 139–140 [Chernov O. A. «Charykov's demarche in the memoirs of N. V. Charykova // Samara Scientific Bulletin. 2014. 4 (9). Pp. 139–140 (in Russian)].

Приложение 1



Карта предлагаемого раздела территории (согласно переписке шерифа Мекки Хусейна — полковника Г. Макмагона) // Map of places called «districts» in the letter from McMahon to Hussein dated 24 October 1915.// URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/06/McMahon_letter_%27districts%27.png (дата обращения: 02.09.2022)

Приложение 2



Карта по соглашению Сайкс-Пико 1916 г. Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?rpt=simage&noreask=1&source=qa&text=Соглашение%20Сайкса%20-%20Пико&stype=image&lr=47&pos=1&img_url=http%3A%2F%2Finosmi.by%2Fwp-content%2Fuploads%2F2016%2F05%2Fimage-5–801x500.jpeg (дата обращения: 02.09.2022)

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-030-041

DECOLONIZATION IN ASIA DURING THE EARLY COLD WAR ERA: THE CASE OF VIETNAM, 1945–1954

Luong Thi Hong[1]

After the Second World War, two confrontation systems led by the United States and the Soviet Union were established. The two superpowers played decisive roles that affected all international relations, involving many regions and nations in a new form of war — the Cold War. Although it was called the 'Cold War', the atmosphere of the world was not 'cold' at all. The local conflicts between the U.S. forces and the Soviet Union's allies happened in many regions. With the formation and competition between communism and capitalism, Vietnam's decolonization struggle was put into a spiral and affected by the profound influence of this context. This article draws on Vietnamese official documents and materials to show that the process of decolonization in Vietnam lasted longer and fiercer because of not only the French government's determination to reestablish its old colonial rule but also the Cold War. The fear of communism coverage throughout Asia and the world led to the ballooned aid from Washington to the French army in Indochina during the 1950s. Meanwhile, China and the Soviet Union provided military and economic assistance to Vietnam. The Vietnamese struggle for independence became not only a centre of the Cold War in Asia but also the critical front worldwide and «hot» competition to determine the result of the two rival ideological systems. The Cold War impacted the Anti-French resistance in Vietnam, and by contrast, the Vietnamese struggle had a profound impact on France. During the war in Indochina, the international image of France was damaged and the political situation was unstable. The decolonization process, therefore, forced the Paris government into seeking solutions to stabilize the political and economic situation as well as enhance its prestigious position and integrate into Europe.

Keywords: Decolonization, Cold War, the First Indochina War, Vietnam, Asia

For citation: Luong Thi Hong. Decolonization in Asia During the Early Cold War Era: the Case of Vietnam, 1945–1954. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 30–41. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-030-041

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ АЗИИ В РАННИЙ ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ВЬЕТНАМА, 1945–1954

Луонг Тхи Хонг

После Второй мировой войны сложились две системы противостояния во главе с США и Советским Союзом. Две сверхдержавы сыграли решающую роль, которая повлияла на все международные

[1] Luong Thi Hong, Reseacher, Deputy Head of Department, Institute of History, Vietnam Academy of Social Sciences; hongflower@gmail.com.

Луонг Тхи Хонг, научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой, Институт истории, Академия общественных наук Вьетнама; hongflower@gmail.com.

ORCID: 0000–0001–8806–6191

отношения, вовлекая многие регионы и страны в новую форму войны — холодную войну. Хотя это и называлось «холодной войной», атмосфера мира вовсе не была «холодной». Локальные конфликты между войсками США и союзниками Советского Союза происходили во многих регионах. С формированием и конкуренцией между коммунизмом и капитализмом борьба за деколонизацию Вьетнама закрутилась по спирали и подверглась глубокому влиянию этого контекста. В данной статье на основе вьетнамских официальных документов и материалов показано, что процесс деколонизации во Вьетнаме длился дольше и жестче не только из-за решимости французского правительства восстановить свое старое колониальное правление, но и из-за холодной войны. Страх перед освящением коммунизма в Азии и мире привел к резкому увеличению помощи из Вашингтона французской армии в Индокитае в 1950-х годах. Тем временем Китай и Советский Союз оказывали военную и экономическую помощь Вьетнаму. Борьба вьетнамцев за независимость стала не только центром холодной войны в Азии, но и решающим фронтом во всем мире и «горячей» конкуренцией, чтобы определить результат двух соперничающих идеологических систем. Холодная война повлияла на антифранцузское сопротивление во Вьетнаме, и, напротив, вьетнамская борьба оказала глубокое влияние на Францию. Во время войны в Индокитае международный имидж Франции был подорван, политическая ситуация была нестабильной. Таким образом, процесс деколонизации вынудил парижское правительство искать решения для стабилизации политической и экономической ситуации, а также для укрепления своего престижного положения и интеграции в Европу.

Ключевые слова: деколонизация, холодная война, Первая Индокитайская война, Вьетнам, Азия

Для цитирования: Луонг Тхи Хонг. Деколонизация Азии в ранний период холодной войны на примере Вьетнама, 1945–1954. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 30–41. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-030-041

The Vietnamese Struggle for Decolonization

Over thousands of years of history, the Vietnamese people defeated countless foreign invaders to protect their independence and sovereignty. French colonialists began to conquer Vietnam in 1858, and with the treaty of 1884 signed by the Nguyễn dynasty, France established a colonial rule throughout the whole territory of Vietnam. From the beginning days, the anti-French movements took place continuously and vigorously in various ways with different trends: from national struggles led by patriotic Confucian intellectuals to the Vietnamese who were educated in the Western countries. All of these efforts were defeated by the French, but the desire for an independent country was continuous. After approaching Marxism-Leninism, Nguyễn Ái Quốc (later to be known as Hồ Chí Minh) had the determination to liberate his country by this ideology. He established the Communist Party of Vietnam in February 1930 (then it was renamed Indochinese Communist Party (ICP) in October 1930), leading to numerous anti-colonial movements in Vietnam. Following the political strategies, the ICP immediately set goals of the Vietnamese revolution as national independence and land for the tillers [Đảng Cộng sản Việt Nam, 1998, p. 2–3]. Because of the Second World War (1939–45), the destiny of Vietnam was radically changed along with the world situation. In May 1941, Hồ Chí Minh founded the Việt Nam Độc lập Đồng Minh (the League for Independence of Vietnam, commonly known as Việt Minh) to unify all the Vietnamese to fight together for national independence [Đảng Cộng sản Việt Nam, 2000(1), p. 461].

At the end of the Second World War (1945), a series of international conferences were organized to resolve the distribution of interests and establish a new global order. Two such conferences were of importance: Yalta conference (February 1945) and Potsdam coference (July 1945), in which

the great powers decided to split up the Indochina peninsula into two occupied zones, taking the sixteenth parallel as a boundary. The North was assigned to the Chinese Kuomintang army, the South would be administered by British troops.

In mid-August 1945, as soon as the Japanese emperor surrendered, the Vietnamese national uprising led by the Việt Minh took place quickly and successfully throughout the country. The revolutionary government was established, headed by the Provisional Government of the Democratic Republic of Vietnam (DRV) with 15 members headed by Hồ Chí Minh. The DRV was proclaimed on September 2, 1945 [Chính phủ Việt Nam, 2008, p. 42]. The Declaration of Independence of DRV stated that:

(Vietnam) break off all relations of a colonial character with France; we repeal all the international obligation that France has so far subscribed to on behalf of Vietnam, and we abolish all the special rights the French have unlawfully acquired in our Fatherland. The whole Vietnamese people, animated by a common purpose, are determined to fight to the bitter end against any attempt by the French colonialists to reconquer the country… Vietnam has the right to be a free and independent country — and in fact, it is so already. And, thus the entire Vietnamese people are determined to mobilize all their physical and mental strength, to sacrifice their lives and property to safeguard their independence and liberty [Việt Minh, 1945].

In Vietnam, the situation was quite complicated because DRV declared its independence before the Allies' entering, therefore, the powers were not able to set up indigenous governments and had to compromise with other forces to overthrow the DRV government. At that time, the newly DRV had to face a number of challenges. The country was devastated after the war and the Great Famine of 1945 afflicting the northern region left between one and two million victims (Văn Tạo and Furuta Motoo, 2005; Gunn, 2014). The flood in August 1945 broke dikes in nine northern provinces, causing a third of the cultivated area severely damaged. The damage triggered by this flood was estimated to cost 13 million VND. The three provinces of north-central Vietnam also lost their crops in about half of the area. After the flood, the prolonged drought left 50% of the land area in North Vietnam uncultivated [Chính phủ Việt Nam, 2008, p. 48–49]. A new famine threatened the new government. Moreover, the treasury of the revolutionary State was nearly empty because the national budget at that time was only 1,230,000 VND of which more than half was ruined [Ngân hàng Nhà nước Việt Nam, 2016, p. 15]. Meanwhile, the new revolutionary government was born, without any management experience. In some places, the government was not in the hands of revolutionaries. The standing army was in the process of construction, not receiving much training. Most commanders lacked military knowledge, combat experience as well as weapons.

The greatest threat to the DRV government at that time was the determination of the French in re-occupying their old colonies. In the North, Kuomintang forces were amassed to make the Japanese surrender in Hanoi and most cities and towns from the Vietnam — China border to the sixteenth parallel. The political situation in Southern Vietnam was more serious. On September 13, 1945, following the Postdam agreement, British-Indian soldiers arrived in Saigon to disarm Japanese troops. With the backing of the British command, nearly 2,000 French troops were released [Bộ Ngoại giao, 2005, p. 45]. In addition to the forces of Kuomintang, British and French forces, there were still about 5,000 disarmed Japanese troops in Vietnam at this time [Bộ Quốc phòng, 1994, p. 45]. On September 23, 1945, a clash broke out in Saigon, marking the return of French colonial rule in Vietnam.

With the establishment of the DRV, the Vietnamese continuously struggled for their independence and sovereignty [Văn phòng Quốc hội, 2016, p. 72]. Hồ Chí Minh sent an appeal to the United Nations to call for a solution for the Indochina issue and accused the French government of ignoring any Vietnamese offer for peace in Indochina. The president of DRV confirmed that during the Second World War, when the French government surrendered and gave the control of Indochina to

Japan, colluding with the Japanese troops against the Allies, the Vietnamese people went along with the Ally. When the Japanese were forced to surrender, the Vietnamese took power from the Japanese army and proclaimed the establishment of DRV. However, since September 23, 1945, the French troops under the shadow of the Allies to disarm the Japanese soldiers, entered South Vietnam with a desire to reconquer its old colony. With goodwill, the DRV government agreed to sign a preliminary agreement with the French government on March 6, 1946. According to the agreement, DRV accepted to be a member of an Indochinese Federation but the French government had to recognize DRV as an independent nation. Vietnamese people sincerely wish for peace but also determined to fight to protect the most sacred rights: territorial integrity for homeland and independence for the nation [Hồ Chí Minh, 2011(1), p. 520].

Meanwhile, the French colonialists continued their military activities, causing clashes with Vietnamese soldiers in South and Central Vietnam. Both the Preliminary Agreement on March 6, 1946, and the Provisional Agreement on September 14, 1946, could not be a bridge for peace and national self-determination or for the process of decolonization in Vietnam at this time. In October 1946, the French bombarded Haiphong, aggressively preparing to carry out 'a coup script'. The fire of war throughout the country was inevitable because France has decided to fan it any time. It means that France determined to re-occupy its former colonies in Indochina while Vietnam proclaimed its independence.

Continue to hand over or fight? Independence, freedom or slavery? The emergency required Hồ Chí Minh's government to make a historical choice and a timely strategic decision to protect national independence and freedom. A series of negotiation meetings between Vietnam and France failed, and as a result, the first Indochina war was finally broken out on December 19, 1946. Hồ Chí Minh on behalf of the government issued an appeal urging all Vietnamese people to fight for national salvation on December 19, 1946. Vietnamese people believed that they 'died for the Fatherland and not to be a slave again'. In the appeal for Vietnamese resistance, Hồ Chí Minh firmly stated that:

We want peace so that we have to make concessions to French colonialists. But the more we make concessions the more French colonialists encroach upon our freedom because they want to reconquer our country. No! We are better off sacrificing everything than losing our country and becoming slaves [Đảng Cộng sản Việt Nam, 2000(2), p. 160].

It is quite clear that this war, for the Vietnamese, was an armed conflict against the French colonial invaders with the purpose of safeguard the national unity and independence that they had to pay nearly one hundred years to regain and newly establish [Đảng Cộng sản Việt Nam, 2000(3), p. 150].

The decolonization in Vietnam, therefore, was through a brutal process. The war took place when there was a disparity between the forces of the French and the Việt Minh, but Vietnam actively and resolutely attacked with determination to follow President Hồ Chí Minh's appeal for resistance.

On the way to destroy the rule of colonialists, Hồ Chí Minh and his colleagues had to find out solutions to achieve national independence. At first, they saw no contradiction between their Communism and their fervent desire to restore Vietnam to the Vietnamese again [Logevall, 2012]. Besides seeking sympathy from the socialist bloc, Hồ Chí Minh also found out another way for his government to be recognized by capitalist powers. He sent eight telegrams and letters to the United States President Harry Truman, just in two years, asking for the recognition from Washington for the national independence of Vietnam and DRV[2].

[2] List of eight letters written by Hồ Chí Minh to President Truman: (1): Letter to President Truman, dated September 24, 1945. (2): Message sent to President H. Truman dated October 17, 1945. (3): Letter to the President of the United States dated October 20, 1945. (4): Letter to the President of the United States dated November 2, 1945. (5): Letter to President Truman dated November 8, 1945. (6): Letter to President Truman dated November 22, 1945. (7): Letter to the U. S. President Harry Truman dated January 18, 1946, about the request of the United States and the United Nations to intervene and to have a solution before the war of invasion of the French colonialists in Vietnam. (8): The telegram to President Harry

Besides those eight letters, Hồ Chí Minh also sent notes to the Governments of the United States, the Soviet Union and the United Kingdom asking for urgent intervention to stop the bloodshed in South Vietnam and an urgent solution to the Indochina issue. Ho Chi Minh also sent a letter to the U. S. Secretary of State in November 1945 proposing to recognize the independence of the Democratic Republic of Vietnam and put an end to the bloody conflict in South Vietnam). Before 1950, Hồ Chí Minh and his government searched various ways to gain support from both communist and capitalist blocs for their desire for independence from colonial rule, but this call fell on deaf ears.

With the U.S. involvement in Indochina to support French troops, the Communist Party vigorously opposed this action [Đảng Cộng sản Việt Nam, 2001(4), p. 254]. At the Second Congress of the Indochinese Communist Party (February 1951), in the Political Report, Hồ Chí Minh stated the main tasks of Vietnamese national resistance war were to 'destroy the French colonial rule and defeat the American intervention, gain unity, complete independence, and protect world peace' [Hồ Chí Minh, 2011(2), p. 37]. The official statements strongly confirmed the determination of the Vietnamese in the struggle to decolonization and attain full independence even though the presence of the U.S. in Indochina support the French. Therefore, the first Indochina war was the first and foremost Vietnamese struggle for decolonization.

The Cold War and Its Impact on the Vietnamese Struggle

Depending on the interests of great powers with two confrontation systems led by the United States and the Soviet Union, the capitalist and socialist systems were established after the Second World War. The United States and the Soviet Union played decisive roles that affected international relations, involving many regions and nations in a new form of war — the Cold War. Although it was called the 'Cold War', the atmosphere of the world was not 'cold' at all. The local conflicts between the U.S. forces and the Soviet's allies happened in many regions. With the formation and competition between communism and capitalism, Vietnam's decolonization struggle was spiralled and affected by the profound influence of this context.

ForAsia, the concept of the 'Cold War' is more complicated. Its origins in Vietnam involved the aspirations of the colonial authorities to return their former colonies happening at the same time the wish of the local nationalist forces and communist parties for national independence [Hack and Wade, 2009, p. 441–448]. The Cold War in Asia reflected the conflicts and diplomatic rivalries between the two blocs. This confrontation had a significant influence on decolonization and nation-building in Asia. For long years, many Asian countries experienced the Cold War. Tensions and conflicts marked the relationships between many Asian countries and the United States and the Soviet Union in some cases [Vu and Wongsurawat, 2009, p. 7].

A series of continuous events happening in Asia from late 1949 and 1950 had a profound impact on the U.S. and Indochina policy. The politicians in Washington saw that the conflict in Indochina as a sign of the ideological confrontation between capitalism and communism. If Southeast Asia was controlled by communism, its impact would be felt throughout Asia and the world [Fifield, 1973, p. 71].

Nationalism, communism, decolonization and the Cold War were all parts of the First Indochina War. In the early 1950s, the international context changed dramatically. The two sides of the Cold War manifested firm determination. In Europe, the division of Eastern European socialism and Western European capitalism added an important 'highlight' to the establishment of the two states

Truman dated February 16, 1946, for the help to defend Vietnam's independence from the French invasion suggested that Vietnam should be granted independence as the Philippines and fully cooperating with the United States.

(the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic). In Asia, the presence of two states on the Korean Peninsula (Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea) deepened the trace of a confrontational world. In particular, the declaration of the People's Republic of China (1949) led by China's Communist Party changed the world context, established a dominant position of socialism and created a new order in Asia [Đảng Cộng sản Việt Nam, 2001(3), p. 223].

The climax of the tense situation in Asia was revealed when the Korean War was 'internationalized'. The United States and Chinese troops directly engaged in the Korean War. Thus, the war which broke out within boundaries of the two regions to unify a country turned the peninsula into a 'direct battlefield' between Chinese and American forces. It became a hot spot of the Cold War and reflected the confrontation between two halves of the Yalta order.

In the world divided into two hostile blocs, as any expansion for the communism camp was considered a loss for the 'free world', previously unimportant regions such as Indochina suddenly acquired a considerable meaning. The North Korean troops entering South Korea in June 1950 raised the American fears of communist expansion and heighten the importance of Vietnam [Herring, 2004, p. 18–21]. The battle on the Korean peninsula certainly deepened and intensified the United States' determination to prevent the spreading of communism in Indochina [Nojeim, 2006, p. 122–146].

The Korean War and the international situation relevant to this war were also essential factors in changing the United States' policy on Asia in general and Vietnam in particular. It is assumed that the Korean War affected the United States' policy towards Indochina in an indirect way but in an important form. The Korean War influenced the United States' strategy and facilitated its priority order in Asia. Indochina was a key for the United States to protect Southeast Asia. After the communist success in China (1949) and the outbreak of the Korean War (1950), the Truman administration made the first step towards directing the United States' involvement in Indochina. It is clear that the Korean War, together with anxieties about the intentions of the establishment of communist's government in China, reinforced Washington's commitment [Logevall, 2013, p. 9].

Truman revealed the domino theory that 'If we let South Korea down, the Soviets will keep right on going and swallow up one piece of Asia after another', which would eventually trigger a collapse in Japan and Europe [Offner, 1999, p. 148].

Under those subjective and objective factors, since 1950, Indochina increasingly occupied a critical position in the strategy of the United States, China and the Soviet Union, although, before 1950, Indochina was still not considered a central area but just a 'peripheral' area of the Cold War.

By these considerations, since 1950, the United States started to intervene in Vietnam to contain communism and prevent it from spreading throughout Asia. The Cold War was likely the main motivation urging the United States, China and the Soviet Union to intervene in such a local struggle for decolonization in French Indochina. Therefore, the Cold War formed the way the Indochina War erupted and significantly affected its outcome.

'The Cold War was an early and constant preoccupation, presenting a range of problems, challenges, and opportunities… To a degree not fully evident at the time, the superpower's actions in Indochina in 1950 had the effect of intensifying the struggle and prolonging it, and of reducing (but not eliminating) the freedom of action of both France and the Democratic Republic of Vietnam' [Leffler and Westad, 2010, p. 281–304].

Because of the importance of Indochina, it was clear that the U.S. could not ignore the Indochina war of France. The U. S. had two options: if it had helped France, it would contain communism, but it would also certainly create an anti-American mentality in Southeast Asia and at the same time, create opportunities for China and the Soviet Union in this area. If America did not help France,

communism would certainly prevail in Asia, then it might adversely affect the stability in Europe, even destroying the U.S. global strategy. Ultimately, the Americans on the pretext of 'undertaking the mission to protect the free world, against the threat of communism' chose the first option: supporting the French. In February 1950, the Truman government approved the aid program and since May 1950, the U.S. began sending direct military equipment to the associated countries in Indochina and France. The Military Assistance Advisory Group was established on August 2, 1950, marking the growing U.S. connection to the French war in Vietnam [Duiker, 1994, p. 90–95].

It is obvious that because of the Cold War, the superpowers were forced to intervene into a local conflict. Therefore, from a 'top-down' perspective, the Cold War impacted the Vietnamese decolonization profoundly. On the other hand, the Vietnamese forces and French power also took the Cold War as a chance to gain more U.S. or Soviet aid for their determination [Boden, 2008, p. 110–128].

During the 1950s, the aid from Washington to the French army in Indochina ballooned to 150 million dollars. By early 1951, they were receiving more than 7,200 tons of military equipment a month [Hastings, 2018]. In fact, by the end of 1953, the United States provided about 80% of the war cost in Indochina [Kaufman, 1986, p. 349] a billion dollars a year.

As the growing intensity of the war in Indochina, the number of directly involved soldiers reached its peak. By 31 December 1953, there were 160,000 soldiers in the Vietnamese armed forces, including 112,000 regular troops and 47,00 auxiliary forces. There were also 70,000 Vietnamese directly serving in the CEFEO and another 20,000 guerrilla troops employed by French intelligence [Lawrence and Logevall, 2007, p. 217].

The decolonization process in Indochina accelerated and prolonged the Cold War, transforming this local conflict into a 'hot' war. Only on the battle of Điện Biên Phủ, the French lost 1,500 men, 4,000 wounded and 10,000 taken prisoner, while Việt Minh casualties amounted to some 8,000 dead and 15,000 wounded [Ruane, 1998, p. 32]. When the war came to an end, the French forces lost over 92,000 soldiers and 170,000 wounded [Wong, 2006, p. 221]. It means that the Vietnamese decolonization intensified the Cold War and that wass only in Vietnam, that decolonization was ended by a military struggle.

In terms of Vietnam, the national decolonization struggle gradually went with the wind of the Cold War. Hồ Chí Minh made his first official visit, in early 1950, as the DRV President to China and had meetings with Chinese leaders. Ultimately, two weeks later, the People Republic of China recognized the DRV government. By that time, the Soviet Union and other socialist states established official diplomatic relations with the DRV.

Vietnam's breakthrough success in diplomacy in the first two months of 1950 had a profound effect on the U.S. and Indochina policy. On January 14, 1950, the Government of DRV issued a diplomatic statement addressed that 'DRV is ready to establish diplomatic relations with the governments that respect the equality, territorial and national sovereignty of Vietnam, jointly protect peace and build democracy world' [Việt Nam Dân quốc Công báo, 1950]. From that point, the Central Committee of Vietnam Communist Party decided that their government had to show a clear attitude leaning the democratic world. They frankly joined in the democratic world led by the Soviet Union, against the imperialist bloc leading by the United States [Đảng Cộng sản Việt Nam, 2001(1), p. 14]. China and the Soviet Union, the two largest socialist countries in the world, agreed to establish diplomatic relations with Vietnam in January 1950. Following that, a series of democratic countries recognized and established diplomatic relations with DRV.

Thus, after nearly five years since the DRV was established in 1945, the 'isolation' situation of the Vietnamese revolution has completely ended. With this diplomatic victory, Vietnam 'not only had

a rear extending from China to the Baltic Sea but also gained international recognition for the national independence' [Lưu, 2004, p. 136]. The immediate 'diplomatic siege' paved the way for the military victory that the 1950 Autumn-Winter Frontier Campaign connected Vietnam to the international rear as socialist countries. The decolonization struggle in Vietnam stepped into a new phase because of international support, creating both difficulties and challenges. In this sense, the Indochina war became an important link to the Cold War in Southeast Asia and Asia [Đảng Cộng sản Việt Nam, 2001(2), p. 225].

Mao Zedong, as well as Stalin, agreed to provide political and military assistance to Vietnam. China and the Soviet Union provided both military and economic aid to Vietnam in 1950 and the amount increased gradually until 1954. From 1950 to 1954, DRV received 136 million yuan (approximately 34 million rubles) [Uỷ ban tổng kết chiến tranh trực thuộc Bộ Chính trị, 2015, p. 600]. By the 1950s, Vietnam had become not only a centre of the Cold War in Asia but also the critical front worldwide and a 'hotter' competition to determine the result of the two rival ideological systems [Lau, 2012, p. 4].

The First Indochina ended by Điện Biên Phủ battle leading to the signing of Geneva Accords on July 21, 1954. The Vietnamese people achieved a triumph as the French government had to recognize their national independence and unification, ending their colonial empire in Indochina. The Vietnamese confidently state that the Điện Biên Phủ victory was also the failure of aggressive French colonialists determinating to reconquer Indochina as well as the U.S. imperialist dreaming of turning Indochina into its strategic base [Đảng Cộng sản Việt Nam, 2001(5), p. 234].

However, the Cold War was continued to surge by the splitting of Vietnam into two rival parts: The North of the seventeenth parallel was supported by the socialist bloc, and the South was backed by the capitalist bloc. Vietnam, therefore, became a focal point of the ideological competition between two blocs during the Cold War, resulting in a more brutal conflict lasting over 20 years later. According to incomplete statistics of Vietnam, during 30 years (1945–1975) 1,1 million soldiers died; 600,000 soldiers were wounded; 300,000 soldiers went missing and two million civilians were killed. There were also about two million people who suffered from disabilities, two million who contacted toxic chemicals, and nearly 500,000 children with deformities due to chemical warfare [Uỷ ban tổng kết chiến tranh trực thuộc Bộ Chính trị, 2015, p. 576–580]. Millions of Vietnamese from both sides died because of the internationalization of this colonial war.

The Turning Points for France

The Cold War had impacts on the Anti-French resistance in Vietnam, and by contrast, the Vietnamese struggle influenced the Cold War at some points. The Vietnamese struggle step by step promoted national liberation movements in many Asian and African countries and the decolonization in Vietnam also had a profound impact on France.

Indochina colonies had played an important role in supplying raw materials for the French industry. Therefore, decolonization harmed French economics due to their dependence on those providers. As the Second World War ended, the French government had to choose whether to preserve their interests in the newly established nation in Vietnam or keep rights for the old colonial management. At that time, almost all French politicians had the same thought that the preservation of their nation's grandeur had the link to their old colonies [Ruane, 199, p. 15]. Being out of the calculation, the more escalation of the Indochina war happened, the more the national French budget had to spend on. For nine years, the brutal war in Indochina had been a burden for French manpower and financial resources.

After four years of pursuing the war, France failed to change the situation in Indochina, even suffered from consecutive failures from the Fall-Winter Border campaign in 1950. Although the aid from the United States increased, the French-controlled area in Indochina was narrowing, and the French army could not respond actively to the attacks of the Vietnamese army. The long brutal war in Indochina made the French people, even more, feel miserable because they had to suffer from high taxes and military service. Since then, the anti-war movement had been widespread. The conflict within the French administrators was fierce. As a result, the French government had been continuously replaced and despatched several high commissioners to Indochina.

In the French National Assembly, the appeal for solving the problem of Vietnam peacefully still gained more and more votes. Some party leaders in the French establishment also realized the fact that the war could not continue forever. They wanted as a strategy to get out of it. France's exhausted conditions no longer allowed the French government to hesitate and they continued to ask for American aid. The turmoil in the colonies, as well as the divided political situation, led to the fact that France went unstable by this war. Finally, the Điện Biên Phủ epic marked the turning point for the collapse of decolonization of the French empire in Indochina and worldwide as well. The first Indochina war was also believed to cause many of France's crises in the following years. 'The interminable wars in Indochina and Algeria cost not only the lives of hundreds of thousands of Asians and Africans but eventually brought the collapse of the Fourth Republic as well' [Smith, 1978, p. 71].

It was only by the decolonization process in Vietnam that the French would recognize the importance of integrating the country into Western Europe. The exploitation of old colonies was no longer an opportunity for the French capitalists, in fact, it was a great burden for France because of the war cost. It might be seen as one of the most significant motivations for France to take part in the Western integration process with hopes to regain its reputation in Europe. This integration became 'the instinctive French response to her need to regain her seriously reduced influence' [Frank, 1992, p. 161]. Therefore, decolonization coincided with the process of French integration into Europe.

The decolonization in Indochina was an opportunity for France to reassess and adjust its strategies in term of economics, military, and politics to enhance its position in Europe. As a result, the process of decolonization created a positive outcome for the French regarding integration into Europe.

CONCLUSION

(1). The situation after the Second World War changed dramatically and the colonialists could not rule their old colonies in the same way as they did before. By a reassessment of the situation of the colonies and their capacities, the colonial empires eliminated the ex-forms of political domination to pave the way for the maintenance of their colonial strategic benefits with the new policies to seize the colonies by 'giving the independence to the colonies'. Accordingly, the United States, the United Kingdom and the Netherlands, in turn, granted independence to the Philippines, Myanmar and Indonesia. Although Malaya continued to be a British colony due to its special importance to the post-war British economy, the British government had to constantly adjust its policies in a more positive way to respond to the increasing Malay political demands. It was only France that refused to abandon its colonies. France continued to seek to rehabilitate its colonial reputation in Indochina. In the meantime, Vietnam took the opportunity to carry out the historic August revolution. The DRV proclaimed freedom and independence on September 2, 1945. For the Vietnamese, after nearly one hundred years under colonial rule, the thirst for independence reached the highest level. They believed that they gained national freedom from Japanese fascists, and the French colonialists too no longer

had any special rights in the Vietnamese fatherland. The Vietnamese determined to sacrifice everything than losing their country and becoming slaves again. The Vietnamese desire for an independent nation clashed with the French determination of re-occupation. Therefore, at the beginning, it can be said that the Indochina war was first and foremost a struggle for decolonization to gain independence.

(2). However, after returning to re-occupy Indochina, with a determination to rule the colonies at any cost, the French government used violence to put the power back in Indochina, turning the Indochinese countries into a fierce battlefield. Because of the drastic challenges that DRV had to face due to the post-war situation, Hồ Chí Minh and his government tried to avoid the direct war with France and get international recognition for newly DRV. On the way to looking for supporters and colleagues, the conflict was gone gradually with the breeze of the Cold War, resulting in struggling for national independence turned into a brutal and complicated ideological clash. From the Vietnamese perspective, both Paris and Washington forced Vietnamese nationalists to make such a historic choice. 'The Cold War and decolonization collided most intensely at first in Asia. These dual political forces make the Indochina War an excellent case study for historical remembrance: it provides the opportunity to engage with and provide new perspectives on the politics of remembrance of both French decolonization and the Cold War, and more importantly of the overlap between these contexts' [Edwards, 2016, p. 2]. The war was motivated by a desire to reconquer the colony and to thwart legitimate national independence movements and then with the breeze of the Cold War, it turned into a struggle against communism. Consequently, the Cold War made the Vietnamese decolonization intensive and last longer, but in other sense, the Cold War also had more hostilities because of this local conflict. That is only in Vietnam, the decolonization was ended by a military struggle. Indochina gradually became a 'hot spot' of the Cold War involving a series of superpowers such as France, the U.S., the Soviet Union, and China. The war ended in 1954 with the stunning defeat of French Union forces at Điện Biên Phủ. The Geneva Accords confirmed the independence of Cambodia, Laos, and Vietnam marking the end of French colonialists in Indochina.

(3). From the time of the return of French troops (1945) to the climactic battle of Điện Biên Phủ (1954), French governments were reshuffled constantly. At the end of the conflict, almost all war cost was covered by the United States. As a result, France profoundly relied on U.S. aid, leading to another long and brutal war after that. The process of decolonization in Indochina, however, also had affected French politics. It seemed that it was an opportunity for the Paris government to readjust their domestic policies as well as economic integration into Europe. During the Indochina war, the international image of France was damaged because of French attempts to reestablish their old colonial territories that being called a 'dirty war in Indochina'. Therefore, the decolonization process with the loss of French colonies forced the Paris government into seeking solutions to stabilize the political and economic situation as well as enhance the French's prestigious position in Europe.

References

Bộ Ngoại giao [Ministry of Foreign Affairs]. 2005. *Ngoại giao Việt Nam 1945–2000* [Vietnamese Diplomacy, 1945–2000]. Hanoi: National Political Publishing House.

Bộ Quốc phòng, Viện Lịch sử quân sự [Ministry of Defence, Institute of military history]. 1994. *Lịch sử cuộc kháng chiến chống thực dân Pháp 1945–1954* [The History of Anti-French Resistance War, 1945–1954], Vol. 1. Hanoi: People's Army Publishing House.

Boden, Ragna. 2008. «Cold War Economics: Soviet Aid to Indonesia», *Journal of Cold War Studies* 10 (3): 110–128. DOI: 10.1162/jcws.2008.10.3.110

Chính phủ Việt Nam [The Government of Vietnam]. 2008. *Lịch sử Chính phủ Việt Nam, tập 1 (1945–1955)* [History of the Government of Democratic Republic of Vietnam, Vol. 1 (1945–1954)]. Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 1998. *Chánh cương vắn tắt của Đảng* [Brief Political Platform]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 2 (1930). Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 2000 (1). *Tuyên ngôn của Việt Nam độc lập đồng minh* [Decleration of League for Independence of Vietnam]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 7 (1940–1945). Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 2000 (2). *Lời kêu gọi toàn quốc kháng chiến ngày 19–12–1946* [An appeal for national resistance, dated December 19, 1946]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 8 (1945–1947). Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 2000 (3). *Toàn dân kháng chiến ngày 12–12–1946* [An appeal urging all Vietnamese people to fight for national salvation, dated December 12, 1946]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 8 (1945–1947). Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 2001 (1). *Chỉ thị của Ban thường vụ Trung ương về việc tuyên truyền chính sách ngoại giao của Chính phủ ta ngày 18–1–1950* [Directive of the Standing Committee of the Central Committee about the propaganda on the government's foreign policy, dated January 18, 1950]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 11 (1950). Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 2001(2). *Chỉ thị của Ban thường vụ Trung ương về việc Liên Xô, Trung Hoa và các nước dân chủ nhân dân thừa nhận Chính phủ ta ngày 9–2–1950* [Directive of the Standing Committee of the Central Committee about the Soviet Union, China, and other People's Democratic countries recognized our government dated February 9, 1950]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 11 (1950). Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 2001(3). *Nghị quyết của Thường vụ Trung ương về nhận xét tình hình các việc phải làm do Liên Xô, Trung Quốc và các nước dân chủ nhân dân thừa nhận Việt Nam đề ra ngày 4–2–1950* [Resolution of the Standing Committee of the Central Committee about remarks on works to be done due to the Soviet Union, China, and other People's Democratic countries recognized our government dated February 4, 1950]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 11 (1950). Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 2001(4). Điện của trung ương Chỉ đạo đấu tranh phản đối sự can thiệp của Mỹ vào Đông Dương tháng 3–1950 [Telegram of the Central Committee on directing the struggle to oppose the U.S. intervention in Indochina dated March 1950]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 11 (1950). Hanoi: National Political Publishing House.

Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnamese Communist Party]. 2001(5). Lời kêu gọi của Ban chấp hành trung ương Đảng Lao động Việt Nam ngày 25 tháng 7 năm 1954 [An appeal of the Central Committee of Vietnamese Workers' Party, dated July 25, 1954]. *Văn kiện Đảng toàn tập* [Full Collection of Party's Documents], Vol. 15 (1954). Hanoi: National Political Publishing House.

Duiker, William J. 1994. *U. S. Containment Policy and the Conflict in Indochina*, Stanford: University of Standford.

Edwards, M. Kathryn. 2016. *Contesting Indochina: French remembrance between decolonization and Cold War*. Oakland, California: University of California Press.

Fifield, Russell H. 1973. *Americans in Southeast Asia: The Root of Commitment*. New York: Thomas Y. Croweil Co.

Frank, Robert. 1992. The French Alternative: Economic Power through the Empire or through Europe? In *Power in Europe? II, Great Britain, France, Germany, and Italy and the Origins of the EEC 1952–1957*, edited by Ennio Nolfo. Berlin: Walter de Gruyter.

Gunn, Geoffrey C. 2014. *Rice Wars in Colonial Vietnam: The Great Famine and the Viet Minh Road to Power*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield.

Hack, Karl; Wade, Geoff. 2009. «The Origins of the Southeast Asian Cold War», *Journal of Southeast Asian Studies* 40 (3): 441–448. DOI:10.1017/S0022463409990014

Hastings, Max. 2018. *Vietnam: An Epic Tragedy 1945–75*. London: Harper Collins.

Herring, George C. 2004. «The Cold War and Vietnam», *OAH Magazine of History* 18 (5): 18–21. DOI: 10.1093/maghis/18.5.18

Hồ Chí Minh. 2011 (1). *Lời kêu gọi Liên Hợp Quốc* [An appeal on the United Nations]. *Hồ Chí Minh toàn tập*. [Complete works by Ho Chi Minh], Vol. 4 (1945–1946), 3rd ed. Hanoi: National Political Publishing House.

Hồ Chí Minh. 2011 (2). *Báo cáo chính trị tại Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ II của Đảng* [Political Report, speech at the Second Party Congress in 1951]. *Hồ Chí Minh toàn tập* [Complete works by Ho Chi Minh], Vol. 7 (1951–1952), 3rd ed. Hanoi: National Political Publishing House.

Kaufman, Burton I. 1986. *The Korean War: Challenges in Crisis, Credibility, and Command*. Philadephia: Temple University Press.

Lau, Albert. 2012. *Southeast Asia and the Cold War.* New York: Routledge.

Lawrence, Mark Atwood; Logevall, Fredrick. 2007. *The first Vietnam war: colonial conflict and cold war crisis.* Cambridge, MA.: Harvard University Press.

Leffler, Melvyn P.; Westad, Odd Arne. 2010. *History of the Cold War, Vol II: Crises and Détente*. Cambridge: Cambridge University Press.

Logevall, Fredrik. 2012. *Embers of War: The Fall of an Empire and the Making of America's Vietnam*. New York: Random House.

Logevall, Fredrick. 2013. *The Origins of the Vietnam War*, London and New York: Routledge.

Lưu, Văn Lợi. 2004. *Ngoại giao Việt Nam, 1945–1995* [Vietnamese Diplomacy, 1945–1995]. Hanoi: People's Public Security Publishing House.

Ngân hàng Nhà nước Việt Nam [The State Bank of Vietnam]. 2016. *Lịch sử ngân hàng Việt Nam, 1951–2016 [History of the State Bank of Vietnam 1951–2016]*. Hanoi: Labour Publishing House.

Nojeim, Michael J. 2006. «US Foreign Policy and the Korean War», *Asian Security* 2 (2): 122–146. DOI: 10.1080/14799850600767218

Offner, Arnold A. 1999. «Another Such Victory: President Truman, American Foreign Policy and the Cold War». *Diplomatic History* 23 (2): 127–155. DOI: 10.1111/1467–7709.00159

Ruane, Kevin. 1998. *War and revolution in Vietnam*, 1930–75. London: Routledge.

Smith, Tony. 1978. A Comparative Study of French and British Decolonization, *Comparative Studies in Society and History* 20 (1). doi: 10.1017/S0010417500008835.

Uỷ ban tổng kết chiến tranh trực thuộc Bộ Chính trị [Vietnamese Committee of the Politburo for summarizing the national revolutionary War]. 2015. *Chiến tranh cách mạng Việt Nam 1945–1975: Thắng lợi và bài học* [*Vietnam's Revolutionary War, 1945–1975: Victory and Lessons*]. Hanoi: National Political Publishing House.

Văn phòng Quốc hội Việt Nam [Vietnam National Assembly]. 2016. *Lịch sử Quốc hội Việt Nam* [History of Vietnam National Assembly], Vol. 1 (1946–60). Hanoi: National Political Publishing House.

Văn Tạo and Furuta Motoo (eds). 2005. *Nạn đói năm 1945 ở Việt Nam: những chứng cứ lịch sử* [The famine in 1945 in Vietnam: the historical evidences]. Social Sciences Publishing House. Hanoi.

Việt Minh [The League for the Independence of Vietnam]. 1945. Tuyên ngôn độc lập của nước Việt Nam dân chủ cộng hoà [Declaration of Independence of Democratic Republic of Vietnam]. *Cứu quốc*, No. 36, September 5, 1945.

Việt Nam Dân quốc Công báo [The official Gazette of Democratic Republic of Vietnam]. Issue on January 15, 1950.

Vu, Tuong; Wongsurawat, Wasana (eds). 2009. *Dynamics of the Cold War in Asia — Ideology, Identity, and Culture*. New York: Palgrave Macmillan.

Wong, Reuben Y. 2006. *The Europeanization of French Foreign Policy: France and the EU in East Asia.* Basingstoke: Palgrave Macmillan.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-042-052

ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА И УПАДКА ИНДОНЕЗИЙСКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ИСЛАМА В МУСУЛЬМАНСКОМ МОДЕРНИЗМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2010-х — НАЧАЛА 2020-х ГОДОВ

М. В. Кирчанов[1]

В статье анализируются особенности развития и основные векторы трансформации модернистских трендов в современном индонезийском исламе. Предполагается, что либеральное течение в индонезийской мусульманской общественной мысли редуцировано до рефлексий и размышлений относительно причин кризиса и несостоятельности проекта либерального ислама. Автор полагает, что кризис либерального ислама в середине 2010-х гг. не привел к его окончательному исчезновению в рамках мусульманской *уммы* в Индонезии. Показано, что либерализм в исламе стал частным случаем развития идей мусульманского модернизма. Проанализированы проблемы интеллектуальной повестки дня мусульманских либералов, особенности их восприятия собственной истории и маргинального места в современном индонезийском исламе. Автор полагает, что индонезийский политический ислам в его либеральной версии, несмотря на отсутствие институционализации и, как результат, формальную маргинальность, ищет новые формы собственной структурной самоорганизации и самопредставления в обществе. Поэтому, с одной стороны, умеренный либеральный ислам стремится использовать ресурсы модернизации и активен в освоении и использовании виртуального пространства, а с другой — тематически исламский либерализм фактически не имеет шансов стать влиятельной силой в современной умме, так как ограничен саморефлексией относительно причин собственной маргинальности и своей политической несостоятельности.

Ключевые слова: Индонезия, политический ислам, фрагментация уммы, либеральный ислам, модернизм, секуляризация, интеллектуалы, виртуализация ислама

Для цитирования: Кирчанов М. В. Проблемы кризиса и упадка индонезийского либерального ислама в мусульманском модернизме второй половины 2010-х — начала 2020-х годов. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 42–52. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-042-052

PROBLEMS OF CRISIS AND DECLINE OF LIBERAL ISLAM IN INDONESIAN MUSLIM MODERNISM OF THE SECOND HALF OF THE 2010S AND BEGINNING OF THE 2020S

Maksym V. Kyrchanoff

[1] Кирчанов Максим Валерьевич, доцент Воронежского государственного университета, доктор исторических наук; maksymkyrchanoff@gmail.com.

Maksym V. Kyrchanoff, docent, Voronezh State University, Voronezh, Russia. D. Litt (History); maksymkyrchanoff@gmail.com. ORCID: 0000–0003–3819–3103

The author analyzes the features of development and the main vectors of transformation of modernist trends in contemporary Indonesian Islam. It is assumed that the liberal trend in the Indonesian Muslim public thought is reduced to debates and reflections on the causes of the crisis and the failure of liberal Islamic project. The author believes that the crisis of liberal Islam in the middle of the 2010s did not lead to its final disappearance in Muslim Ummah in Indonesia. It is shown that liberalism in Islam became a special case of the development of the ideas of Muslim modernism. The article analyzes the problems of the intellectual agenda of Muslim liberals, the peculiarities of their perception of own history and their marginal place in contemporary Indonesian Islam. The author believes that modern Indonesian political Islam in its liberal version, despite the lack of institutionalization and, as a result, formal marginality, is looking for new forms of its own structural self-organization and self-representation in society. Therefore, it is shown that, on the one hand, moderate liberal Islam seeks to use the resources of modernization and is active in the development and use of virtual space. On the other hand, the author believes that thematically Islamic liberalism actually has no chance to transform in an influential force in the modern Ummah, as it is limited by self-reflection about the reasons of its own marginality and its political failure.

Keywords: Indonesia, political Islam, fragmentation of the Ummah, liberal Islam, modernism, secularization, intellectuals, virtualization of Islam

For citation: Kyrchanoff M. V. Problems of Crisis and Decline of Liberal Islam in Indonesian Muslim Modernism of the Second Half of the 2010s and Beginning of the 2020s. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 42–52. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-042-052

Введение

Индонезия занимает важное место в современном исламском мире, будучи самой населенной мусульманской страной, где доминирует суннитский ислам. Индонезийский ислам, ставший важным фактором государственной жизни, приобрел уникальные культурные особенности, определившие векторы его развития. В стране действуют исламские партии, а элиты, несмотря на светский характер государственности, вынуждены учитывать мнение лидеров уммы, в рамках которой доминирующие позиции занимают «Мухаммадия» и «Нахдлатул Улама» — крупнейшие общественные организации мусульман. В Индонезии активно развивается религиозное образование, представленное школами и университетами. Ислам, таким образом, занимает одно из центральных мест в современной политической, социальной и культурной жизни Индонезии.

Индонезийская умма политически фрагментирована. Большинство мусульман поддерживают светские партии. Их мусульманские соперники, несмотря на стабильную поддержку части населения, в 2000-е — 2010-е гг. практически утратили программные отличия от светских оппонентов, превратившись в профессиональные кадровые партии. Кроме того, мусульмане вынуждены выбирать между двумя противоположными тенденциями в развитии современного индонезийского ислама. С одной стороны, в рамках уммы заметны тенденции модернизации и адаптации к современности. Умеренные модернистские тренды доминируют в активности «Мухаммадии» и «Нахдлатул Улама», а также в контролируемых ими исламских университетах. С другой, практически сразу после начала демократизации в 1998 г. представившимся шансом воспользовались радикалы, что привело к институционализации Фронта защитников ислама, являвшегося до запрещения в декабре 2020 г. крупнейшей легальной радикальной исламистской организацией. Запрет деятельности Фронта не означал завершения истории индонезийского исламизма. В 2020–2022 гг. сторонники радикального ислама попытались создать новые

политические партии. Радикальные тренды в индонезийском исламе представлены Индонезийской народной партией да'ва, Партией уммы и восстановленной партией Машуми. На современном этапе радикальный ислам переживает процесс внутренней реорганизации и адаптации к сложившейся ситуации, связанной с зачисткой политического поля от радикалов накануне выборов 2024 г.

Проправительственные мусульманские организации и система образования стали активными участниками процессов дерадикализации и профилактики радикальных течений в умме, что в определенной степени было связано с опытом развития либерального ислама. Сторонники либерализации ислама представляли крайнее модернистское течение. Важнейшим участником этого сегмента в умме стала Сеть либерального ислама, действовавшая в 2000-е — первой половине 2010-х гг. Сеть прекратила свою активность к середине 2010-х гг., что связано с приходом нового поколения интеллектуалов и ростом консервативной альтернативы, которой либералы оказались не готовы и не в состоянии эффективно противостоять.

Состояние вакуума в либеральном компоненте уммы оказалось временным. С 2016 г. в индонезийском сегменте Интернета был запущен проект tirto.id, ставший реинкарнацией либерального ислама, продвигаемого новым поколением общественных активистов в несколько других формах, что отличает его от Сети либерального ислама.

Цель и задачи статьи

Целью статьи является анализ осмысления кризиса либерального исламского проекта в Индонезии в рамках интеллектуальных практик современных индонезийских мусульманских модернистов. В число задач входит изучение идеологических предпочтений мусульманских либералов на актуальном этапе, выделение особенностей функционирования либерального тренда в рамках уммы, выявление перспектив развития исламского либерализма в современном индонезийском обществе. Достижение этой цели и связанных с ней задач реализуется с привлечением источников, ограниченных по происхождению проектом tirto.id, вокруг которого консолидируются сторонники мусульманского либерализма, настаивающие на необходимости модернизации уммы.

Терминологический аппарат статьи

В представленной статье анализируются некоторые интеллектуальные тренды в современном индонезийском исламе. В центре авторского внимания — культурная рефлексия современных мусульманских умеренных либералов о политических и религиозных процессах в стране, точнее — о собственной маргинальности в их рамках и неспособности стать активными участниками политической жизни. Изучение подобной проблематики, вероятно, требует конкретизации терминов, используемых автором [Кирчанов, 2021c].

Под либеральным исламом понимается совокупность интеллектуальных, политических и культурных тенденций в умме, которые сводятся к пропаганде идей модернизации ислама, его либерализации, адаптации к процессам секуляризации, что мотивируется и оправдывается необходимостью увеличения реакционного (в смысле оперативной реакции на внешние и внутренние вызовы) потенциала уммы. Понятия «либеральный ислам» и «мусульманский либерализм» используются в качестве синонимов. Под либерализацией ислама автор понимает попытки некоторых прозападно ориентированных мусульманских интеллектуалов ассимилировать западные

ценности, которые ассоциируется с демократией, правами человека и защитой меньшинств, что может облекаться в достаточно широкие и «расплывчатые» концепты феминизма, толерантности и мультикультурализма.

Анализируя либеральные и модернистские тренды в современном индонезийском исламе, во внимание следует принимать и то, что в их отношении в обществе существует устойчивое предубеждение и оппозиция, представленная радикалами. Поэтому под радикальным исламом понимается совокупность течений в индонезийском исламе, сторонники которого настаивают как на необходимости сохранения традиционного ислама, так и на противостоянии попыткам его либерализации и модернизации, воспринимаемых в качестве чуждых и противоречащих исторически сложившимся нормам.

Вместе с тем автор отдает себе отчет в том, что понятия «радикальный ислам» и «исламизм» не всегда тождественны. Поэтому в качестве «родового», обобщающего или «зонтичного» определения можно применять дефиницию «политический ислам». Под последним в представленной статье понимается использование или (ре)интерпретация ислама с целью оправдания и продвижения той или иной политической программы или идеологической доктрины, что автоматически придает исламу функции легитимации или делигитимации как политических систем и режимов, действий тех или иных сил в рамках исторически сложившихся обществ в странах, где мусульмане составляют большинство населения.

Историография

Ислам в Индонезии регулярно оказывается в центре исследований, но тематика подобных работ отличается в значительной степени односторонним характером. Как правило, историки и политологи сосредоточены на изучении проблем истории и современного состояния радикального ислама [Platzdasch, 2009]. Подобной специализации исследований содействует то, что активность радикалов не только более заметна [Pringle, 2010], чем деятельность их либеральных оппонентов [Harvey, 2011], но и представляет реальную угрозу для современного индонезийского общества [Haroro, 2014], так как исламизм отрицает центральные принципы современной светской индонезийской государственности [Hisanori Kato, 2016].

В научной литературе активность исламских радикалов [Harsono, 2019] традиционно изучается в большей степени, чем история и современное состояние либерального сегмента уммы [Künkler, 2013]. Поэтому исследования, сфокусированные на либеральном исламе, менее заметны среди статей и монографий, посвященных радикальным тенденциям. Такие факторы, как незначительная степень изученности исламского либерализма, его наличие в общественной и интеллектуальной жизни современной Индонезии [Ефимова, 2018], непрекращающаяся конфронтация между исламистами [Гаджиев, 2020] и либералами [Кирчанов, 2016], указывают на необходимость и актуальность изучения либеральных трендов в современной истории индонезийской уммы [Кирчанов, 2021а].

Проблемы кризиса либерального ислама в мусульманском интеллектуальном дискурсе второй половины 2010-х — начала 2020-х гг.

Одной из первых задач tirto.id стало переосмысление наследие либерального ислама, что привело к попыткам найти ответы на вопросы относительно его неэффективности и неуспешности в сравнении с радикальными исламистскими группами. Для дискуссий по этой

проблематике были привлечены бывшие лидеры Сети либерального ислама, в первую очередь — Улил Абшар Абдалла [Samsudin, Zakaria, 2017]. Попытки понять причины кризиса либерального ислама, существование которого некоторыми исследователями [Ali, 2005] редуцировалось до попытки институционализировать альтернативу радикальным течениям, оказались не очень успешными и продуктивными. Индонезийские интеллектуалы под западным влиянием [Bruinessen, 2013] вынуждены ограничиваться общими комментариями. Например, признается, что ислам в Индонезии пребывает в ситуации институциональной неопределенности. На это, впрочем, еще в начале 2010-х гг. указывал и голландский историк Мартин ван Брейнессен, полагавший, что демократизация привела к кризису либерально-модернистской версии ислама, на смену которой пришли радикальные тренды, основанные на исламизме и фундаментализме [Bruinessen, 2011: 3].

Декларативные заявления, которые сводятся к тому, что «светские националистические партии снижают религиозное насилие», а «Индонезия давно известна своей синкретической формой ислама» [Bruinessen, 2011: 3], не расширили интерпретационные возможности изучения кризиса либерального исламского проекта. Вместе с тем предположения, что политическая активизация ислама в условиях демократизации привела к началу «консервативного поворота» [Bruinessen, 2013] и появлению «более жестких практик» в политическом исламе, также ограничились констатацией того, что «исламистские партии, втянутые в разжигание религиозной напряженности» [Kuipers, Nellis, Weaver, 2019], стали более заметны в Индонезии.

Поэтому даже либералы вынуждены признавать, что непродолжительная история либерального проекта испытала влияние со стороны двух упомянутых выше тенденций. На это, например, указывал признанный лидер Сети либерального ислама Улил Абшар Абдалла, которого в 2002 г. консервативно настроенные богословы приговорили к смертной казни. Улил Абшар Абдалла признает, что либералы в исламе «не были важной организацией, имели мало сторонников и не пользовались поддержкой со стороны политических партий» [Handayani, 2017]. Важность Сети, по его мнению, состояла не в ее политическом участии, но в том, что она создала возможность для размышлений и дискуссий относительно сути и будущего индонезийского ислама. Комментируя опыт развития либерального ислама, Улил Абшар Абдалла вынужденно констатировал его общее несовпадение с доминирующими тенденциями политической жизни 2000–2010-х гг., несмотря на то, что элиты декларировали свою решимость вести «борьбу с исламским радикализмом и защищать права религиозных меньшинств» [Arifianto, 2021] — либеральные мусульмане, вероятно, не входили в число первых и вторых, что и привело к их маргинализации.

Кризис либерального ислама в современной Индонезии фактически актуализировал две точки зрения на религию в общественном мнении. Маулида Шри Хандаяни полагает, что дискуссии внутри уммы могут быть сведены к двум вариантам развития ислама: во-первых, должно ли присутствие ислама быть формализовано в государственном праве; во-вторых, достаточно ли признания того, что именно ислам лежит в основе индонезийской идентичности. Падение «нового порядка» сделало возможным качественно и содержательно новый этап в этих дискуссиях, что привело к появлению либерального ислама, определяемого некоторыми авторами в качестве «довольно провокационного» течения [Handayani, 2018b].

Кризис либерального течения в исламе, которое оказалось не в состоянии предложить ответ, удовлетворивший бы большинство уммы, на два сформулированных выше вопроса, позволил некоторым экспертам утверждать, что «Индонезия не является образцом для мусульманской демократии» [Sumaktoyo, 2019]. Некоторыми аналитиками в 2019 г. прогнозировался «сдвиг в индонезийской политике, когда центр все больше будет характеризоваться религиозной

риторикой» [Kuipers, 2019]. Усиление религиозного дискурса действительно имело место, но в рамках подобной актуализации ислама не нашлось места для его либеральной версии, которая к тому времени оказалась политически маргинализированной, что сделало ее частью интеллектуальных практик.

Вместе с тем как появление, так и кризис либерального ислама вынудили индонезийских интеллектуалов задуматься не только о причинах его провала, но и о его исторических истоках. Вопросы как генезиса, так и упадка либерального ислама современными индонезийскими авторами рассматриваются комплексно. Эка Курниаван, например, полагает, что «голоса исламских группировок в последнее время как будто усилились, но, честно говоря, звучат они уже довольно давно, как в политике, так и в обществе» [Kurniawan, 2019]. Это замечание, правда, относится в первую очередь к радикалам, так как на фоне их стройного политического хора либералов практически не было слышно. Признавая определенные внешние влияния, внутренние причины, связанные, например, с мусульмано-христианским диалогом [Raditya, 2018a], воспринимались как более важные в появлении либерального ислама. Рефлексируя о причинах собственного кризиса, сторонники либерального ислама стремились легитимировать его появление деятельностью индонезийских интеллектуалов прошлого. На статус идейных предтеч либерального ислама претендовали два брата — Абдул Вадуд Карим Амрулла и Абдул Малик Карим Амрулла, известные как Авка и Хамка. Если первый стал католическим священником, то второй в 1975 г. занял пост председателя Совета улемов Индонезии, занимая до этого ведущие позиции в Машуми и Мухаммадии [Raditya, 2017].

Кризис либерального тренда в религиозной мысли Индонезии вынудил его идейных наследников во второй половине 2010-х гг. легитимировать как свое существование, так и поражение поиском идеологических предшественников, что не только легитимировало бы проект, но и наделяло его политическим смыслом. Нахождение подобных предтеч, в свою очередь, должно было укрепить образ либерального ислама как вполне нормальной, вполне легитимной части индонезийской истории идей. Именно в рамках воображения идеальной генеалогии либерального ислама в число его предшественников попали представители мусульманской экономической мысли [Dawam Rahardjo…, 2018], но проблема в том, что они вторичны для выяснения интеллектуальной археологии идей либерального ислама в сравнении с другими фигурами в истории мусульманской уммы XX века, в первую очередь Харуна Насутиона. Поэтому среди своих предшественников исламские либералы склонны видеть Ахмада Дахлана [Raditya, 2017], основателя «Мухаммадии», хотя интеграция последнего в историю либеральных тенденций в умме представляется сомнительной и спорной.

Тем не менее сторонникам либерального течения было крайне важно интегрировать Ахмада Дахлана в свою собственную историю, так как именно он «известен как реформатор ислама в Индонезии, который выдвинул на первый план разум и мысли, а не обычаи, традиции или ритуалы, которые, по его мнению, препятствовали прогрессу мусульман» [Raditya, 2018a]. Выбор либеральными мусульманами своих исторических предшественников в этом контексте не был случайным. Поэтому в их число они стремились интегрировать Махмуда Юнуса [Raditya, 2021], так как его биография отразила важнейшие моменты истории Индонезии XX века, включая антиколониальный национализм, прояпонский коллаборационизм, участие в развитии системы мусульманского образования и строительстве индонезийской государственности.

Выбор именно таких фигур, чей опыт актуализировал центральные моменты истории Индонезии, был призван показать не только неизбежность появления либерального ислама, но и его принадлежность к сложившейся традиции мусульманской мысли, а не искусственность

и привнесенность, на что указывали оппоненты либералов. Попытки современных индонезийских либералов найти своих предшественников неизбежно ставят перед ними вопрос и о причинах неуспешности либерального проекта. В качестве важнейшей причины кризиса либерального ислама (при наличии таких формально благопристойных идеологических предшественников) была признана его неспособность интегрироваться в сложившуюся систему. В такой ситуации некоторые эксперты указывают на то, что политический ислам в Индонезии, радикальный и либеральный, в одинаковой степени испытывает проблемы сотрудничества с режимом. Специфика ситуации состоит в том, что традиционно «исламские партии сигнализируют о прагматическом смещении к центру, чтобы заручиться поддержкой населения», делая это регулярно в период выборов. Либералы такую тактику проигнорировали, что и стало одной из причин их маргинализации [Priamarizki, 2013].

Неудачу либерального проекта современные индонезийские интеллектуалы склонны объяснять историческими особенностями развития ислама в Индонезии. Одна из его характеристик, по их мнению, состояла в том, что для многих мусульманских активистов «путь построения культурного ислама и поощрения нового богословия для плюралистической индонезийской исламской цивилизации, которая поглощает современные западные традиции» [Umam, 2018] оказался более предпочтительным, чем институционализация ислама в государственной системе на либеральных или консервативных началах. Поэтому либеральные интеллектуалы обращаются к наследию Ки Багуса Хадикусомо, одного из инициаторов издания Джакартской хартии. Неудачная попытка придания исламу статуса государственной религии, по мнению Петрика Матанаси, не означала кризиса политического ислама, так как «не заставила Ки Багуса отказаться от своей приверженности идеям нации и государства» [Matanasi, 2019], в чем современные либералы и видят системные препятствия для успеха либерального исламского проекта.

В рамках такой интерпретации новейшей истории ислама одна из возможных причин кризиса либерального мусульманского проекта была локализована в настороженном отношении к участию уммы в политике, сложившемся среди мусульман Индонезии, начиная с середины 1960-х гг. — в период «нового порядка» мусульманские политические активисты были использованы для институционализации авторитарного режима путем их участия в зачистке политического поля от оппонентов власти, а позднее и сами стали ее жертвами. Поэтому современными либералами часто цитируются слова Нурчолиша Маджида, одного из лидеров уммы периода «нового порядка»: «Islam, yes; Partai Islam, no!» («Исламу — да, исламской партии — нет» [Umam, 2018]), датируемые 1970 г. Эта фраза, по мнению либералов, иллюстрирует противоречия присутствия ислама в политике. Поэтому в либеральной версии истории индонезийской уммы ислам наделяется характеристиками важного политического фактора, а генеалогия его либеральной версии непосредственно связывается с историей мусульманской мысли, ее причастностью к развитию национализма и неспособностью уммы достичь высокого уровня собственной консолидации.

Либералы в такой ситуации неизбежно признают свою неспособность занять место в сложившейся политической системе, полагая, что их слабостью воспользовались светские элиты, которые институционализировали ситуацию идеологической фрагментации общества, основанного на сосуществовании «консервативного ислама» и «националистического консерватизма» [Tapsell, 2019]. Такая дихотомия, которая оказалась чрезвычайно устойчивой, фактически обрекала альтернативные тренды, включая либеральный ислам, на маргинализацию. По мнению Улила Абшара Абдаллы, бывшего лидера либеральных мусульман, его гипотетический приход в активную политику фактически означал бы конец исламского либерализма, так как он не смог бы «вести себя как либеральный мыслитель, если не будет говорить на уровне научной

дискуссии, в то время как политик я должен был бы учитывать многие вещи» [Handayani, 2017a], что неизбежно привело бы к кризису и эрозии либерального дискурса в тех формах, в которых его конструировали сторонники либерального ислама.

Поэтому бывшие лидеры либерального ислама признавали и то, что воздействие либералов на политику Индонезии было крайне ограниченным и поверхностным. Например, тот же Улил Абшар Абдалла свою роль в политике описал так: «Я создал пространство для размышлений. Это все, что я на самом деле смог сделать при помощи Twitter и Facebook. Это все. Были еще и лекции. Интеллектуальными задачами являлось просто говорить и писать. Не более того. Это все, что я мог сделать, потому что у меня ничего не было» [Handayani, 2017b]. В ситуации такой фактической маргинальности и неучастия в политике кризис либерального ислама объяснялся радикальностью проекта, его несовместимостью с общими настроениями индонезийского общества, маргинальностью мусульманских либералов из Сети либерального ислама, связанной с их невключенностью в доминирующие политические тренды и фактической чуждостью им.

В 2018 г., размышляя над кризисом либерального проекта, индонезийские интеллектуалы, например Маулида Шри Хандаяни, были вынуждены констатировать, что «индонезийская политика, похоже, все больше определяется исламизмом», который оказался в состоянии интегрироваться в сложившуюся систему. Центральными элементами последней являются полития и умма. Вторая делает выбор в пользу ислама. В этом случае проблема состоит в том, что, по мнению некоторых индонезийских интеллектуалов, «ислам, который широко используется в обществе, превратился в своего рода памятник, он мертв и поэтому не в состоянии идти в ногу с меняющимся временем и контекстом» [Kresna, 2018]. Кроме этого, либеральными авторами было признано и то, что административно-технократический аппарат, который формирует большинство политической элиты, в той или иной степени учитывает мусульманский фактор в его традиционной версии, предпочитая радикальных либералов не замечать [Handayani, 2018a].

В этой ситуации либеральный ислам в Индонезии остался не более чем интеллектуальным проектом незначительного прозападно ориентированного меньшинства в умме. Поэтому либеральный проект исторически, политически и культурно не мог стать центральным элементом современной мусульманской мысли. Это стало следствием инструментализации веры и актуализации инструменталистских функций уммы. Последние фактически делали существование сильного либерального независимого течения ненужным и бессмысленным. Большинство светских политиков в отношении ислама настроены прагматично. Они предпочли не руководствоваться принципами ислама буквально, но лишь использовать его в качестве одного из мобилизационных ресурсов в собственных политических целях. Именно этими принципами элиты и руководствовались в своем отношении к либеральному исламу. Они понимали, что степень его используемости может быть крайне незначительной в силу неготовности общества к восприятию ислама в такой интерпретации. Эти факторы привели к кризису либерального ислама, вынудив его мигрировать из политики в сферу интеллектуальных дебатов. Поэтому присутствие либеральных мусульманских мыслителей в политической сфере 2000–2010-х гг. и без того было минимальным и, как следствие, маргинальным.

Выводы

Таким образом, активность сторонников либерализма в исламе является частным случаем модернизации. В современной идеологии модернизационного ислама в Индонезии особое внимание уделяется вопросам кризиса мусульманского либерализма. Возможные объяснения

неудачи и невозможности институционализации либерального ислама, предлагаемые его идеологическими наследниками, разнообразны. Несмотря на фактический провал эксперимента по утверждению либерального ислама, его апологеты прилагают значительные усилия, направленные на легитимацию либеральной альтернативы радикальному исламу. Поэтому особую важность обретают манипуляции, связанные с историей уммы, так как именно в прошлом сторонники исламского либерализма стремятся найти своих идеологических предшественников, легитимировав тем самым свое существование.

Либеральный ислам для 2000-х — первой половины 2010-х гг. оказался радикальным проектом. Современные мусульманские либералы признают, что общество не стремилось и не хотело воспринимать их идеи. Поэтому признается, что либеральные тенденции получили ограниченное распространение в умме, будучи востребованными почти исключительно интеллектуалами, склонными к секуляризации общества и к модернизации ислама. Поэтому неудивительно, что крупнейшие организации ислама, «Мухаммадия» и «Нахдлатул Улама», оказались оппозиционно настроены в отношении либерального проекта. Одновременное действие этих факторов привело к маргинализации либерального тренда в исламе, его миграции из сферы реальной политики (хотя в ней он был представлен минимально) в виртуальное пространство.

Активность современных либеральных мусульман в Индонезии ограничена обсуждением собственной политической, социальной, культурной и религиозной истории, редуцируемой до попыток их самоописания, точнее — оправдания как непродолжительного существования Сети либерального ислама, так и сетования относительно ее провала. Поэтому интеллектуализация и, как следствие, сужение базы стали основными тенденциями, определившими кризис и последующее падение либерального ислама. Вместе с тем современный либеральный ислам сформировал оригинальный и интересный политический дискурс, но повестка дня, предлагаемая мусульманскими либералами, в большей степени привлекательна и интересна для их светских единомышленников или для интеллектуальной части уммы, склонной к идеям исламского модернизма, что автоматически отсекает либералов как от их консервативных оппонентов, так и от аполитично ориентированного формального мусульманского большинства.

Литература / References

Гаджиев Т. Ф. Еще раз к вопросу об исламизации Индонезии [Once again to the question of the Islamization of Indonesia]. *Ислам в современном мире*. 2020. Т. 16. № 1. С. 193–210 [*Islam in the Modern World*. 2020, 16(1): 193–210] (in Russian).

Другов А. Ю. Мусульманский радикализм и терроризм в современной Индонезии [Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia]. *Религия и общество на Востоке*. 2020. № 4. С. 230–254 [*Religion and Society in the East*. 2020, 4: 230–254] (in Russian).

Ефимова Л. М. Ислам и власть в современной Индонезии [Islam and power in modern Indonesia]. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. Т. 2. № 4. С. 69–87 [*Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2018, 2(4): 69–87] (in Russian).

Кирчанов М. В. Либеральный ислам в современной Индонезии [Liberal Islam in Modern Indonesia]. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2016. № 1. С. 99–110 [*Oriens. Afro-Asian societies: history and modernity*. 2016, (1): 99–110] (in Russian).

Кирчанов М. В. Институционализированные формы радикального ислама в Индонезии 2010-х гг. [Institutionalized Forms of Radical Islam in 2010s Indonesia]. *Minbar. Islamic Studies*. 2021a. Т. 14. № 2. С. 263–283 (in Russian).

Кирчанов М. В. «Изобретенные традиции» индонезийского либерального ислама 2000-х — первой половины 2010-х годов [«Invented Traditions» of Indonesian Liberal Islam in the 2000s — the First Half of the 2010s]. *Исламоведение*. 2021b. Т. 12. № 1. С. 16–29 [*Islamic studies*. 2021b, 12(1): 16–29] (in Russian).

Кирчанов М. В. *Исламизм в современном мире*. Воронеж: Издательство «Ритм», 2021c. 120 с. [Kirchanov M. *Islamism in comtemporary world*. Voronezh: Rhythm Publ., 2021c. 120 p.]

Ali M. The Rise of the Liberal Islam Network (JIL) in Contemporary Indonesia. *American Journal of Islamic Social Sciences*. 2005, 22(1). Pp. 1–27. DOI: http://dx.doi.org/10.35632/ajiss.v22i1.451

Bruinessen M. van, *What happened to the smiling face of Indonesian Islam? Muslim intellectualism and the conservative turn in post-Suharto Indonesia*. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies Singapore, 2011.

Bruinessen M. van, Contemporary Developments in Indonesian Islam and the «Conservative Turn» of the Early Twenty-first Century. *Contemporary Developments in Indonesian Islam: Explaining the «Conservative Turn»*. Singapore: ISEAS Publishing, 2013. Pp. 1–20. DOI: https://doi.org/10.1355/9789814414579–005

Bruinessen M. van, The Survival of Liberal and Progressive Muslim Thought in Indonesia. *Contemporary Developments in Indonesian Islam: Explaining the «Conservative Turn»*. Singapore: ISEAS Publishing, 2013. Pp. 224–232. DOI: https://doi.org/10.1355/9789814414579–011

Haroro I. *The Charismatic Leadership Phenomenon in Radical and Militant Islamism*. Farnham: Ashgate, 2014. 258 p.

Harsono A. *Race, Islam and Power: Ethnic and Religious Violence in Post-Suharto Indonesia*. Monash: Monash University Publishing, 2019. 304 p.

Harvey C. *Muslim Intellectualism in Indonesia: The Liberal Islam Network Controversy*. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 160 p.

Hisanori Kato. *The Clash of Ijtihad Fundamentalist versus Liberal Muslims*. Lithouse: Indian Society for Promoting Christian Knowledge, 2016. 254 p.

Kuipers N., Nellis G., Weaver M. Does Electing Extremist Parties Increase Violence and Intolerance? *British Journal of Political Science*. 2019, 1. Pp. 1–8. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S0007123419000462

Künkler M. *Democracy and Islam in Indonesia*. NY.: Columbia University Press, 2013. 274 p.

Platzdasch B. *Islamism in Indonesia: Politics in the Emerging Democracy*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2009. 452 p.

Pringle R. *Understanding Islam in Indonesia: Politics and Diversity*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2010. 224 p.

Samsudin, Zakaria M. M. Controversy of the Liberal-Islamic Thought about Pluralism of Religions in Indonesia. *Tawarikh: International Journal for Historical Studies*. 2017, 9(1). Pp. 71–80.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Arifianto A. Will Indonesia's new religious affairs minister protect religious minorities? *East Asia Forum*. 2021. January 26. URL.: https://www.eastasiaforum.org/2021/01/26/will-indonesias-new-religious-affairs-minister-protect-religious-minorities/ (дата обращения: 21.05.2022).

Dawam Rahardjo, Sang Pemikir Ekonomi Islam (Давам Рахарджо, исламский экономический мыслитель). *Tirto*. 2018. Mei 29. URL.: https://tirto.id/dawam-rahardjo-sang-pemikir-ekonomi-islam-cKYQ (дата обращения: 21.05.2022).

Handayani M. S. Ulil Abshar: Soal FPI, Sikap Saya Beda dengan JIL Lain (Улил Абшар: Что касается Фронта защитников ислама, мое отношение отличается от других сторонников Сети либерального ислама). *Tirto*. 2017a. September 21. URL.: https://tirto.id/ulil-abshar-soal-fpi-sikap-saya-beda-dengan-jil-lain-cwZS (дата обращения: 21.05.2022).

Handayani M. S. Adian Husaini Melawan Islam Liberal (Адиан Хусайни против либерального ислама). *Tirto*. 2018a. Juni 16. URL.: https://tirto.id/adian-husaini-melawan-islam-liberal-cMnP (дата обращения: 21.05.2022).

Handayani M. S. Soal 212, Greg Fealy: «Islam Gagal Bersatu Jadi Kekuatan Oposisi» (Вопрос 212, Грег Фили: «Ислам не может объединиться как сила оппозиции»). *Tirto*. 2018b. Desembri 18. URL.: https://tirto.id/soal-212-greg-fealy-islam-gagal-bersatu-jadi-kekuatan-oposisi-c8Lc (дата обращения: 21.05.2022).

Kresna M. Ulil, JIL, dan Kritik terhadap Islam yang Mapan (Улил Абшар Абдалла, Сеть либерального ислама и критика устоявшегося ислама). *Tirto*. 2018. Juni 15. URL.: https://tirto.id/ulil-jil-dan-kritik--terhadap-islam-yang-mapan-cMcE (дата обращения: 21.05.2022).

Kuipers N. Who's running on Islam in Indonesia? *New Mandala*. 2019. March 26. URL.: https://www.newmandala.org/whos-running-on-islam-in-indonesia/ (дата обращения: 21.05.2022).

Kurniawan E. Indonesia's Next Election Is in April. *New York Times*. 2019. February 14. URL.: https://www.nytimes.com/2019/02/14/opinion/indonesia-election-religion-islam-islamists.html (дата обращения: 21.05.2022).

Matanasi P. Ki Bagus Hadikusumo, Pendukung Keras Piagam Jakarta (Ки Багус Хадикусумо, стойкий сторонник Джакартской хартии). *Tirto.* 2019. November 4. URL.: https://tirto.id/ki-bagus-hadikusumo-pendukung-keras-piagam-jakarta-cq7q (дата обращения: 21.05.2022).

Priamarizki A. Can Indonesia's Islamists stay competitive? *East Asia Forum*. 2013. February 1. URL.: https://www.eastasiaforum.org/2013/02/01/can-indonesias-islamists-stay-competitive/ (дата обращения: 21.05.2022).

Raditya I. Willy Amrull Sang Pendeta, Adik Buya Hamka (Пастор Вилли Амрулл, брат Буя Хамки). *Tirto*. 2017a. Maret 25. URL.: https://tirto.id/willy-amrull-sang-pendeta-adik-buya-hamka-clvm (дата обращения: 21.05.2022).

Raditya I. Kiai Dahlan dan Muhammadiyah: Usaha Melumat Kejumudan Umat (Кьяи Дахлан и Мухаммадия: усилия по сокрушению влияния уммы). *Tirto*. 2017b. November 18. URL.: https://tirto.id/kiai-dahlan--muhammadiyah-usaha-melumat-kejumudan-umat-cAcw (дата обращения: 21.05.2022).

Raditya I. Memadukan Wahyu dan Akal: Berislam ala Harun Nasution (Сочетание Откровения и Разума: Ислам в стиле Харуна Насутиона). *Tirto*. 2018a. Mei 15. URL.: https://tirto.id/memadukan-wahyu-dan-akal-berislam-ala-harun-nasution-cKpv (дата обращения: 21.05.2022).

Raditya I. Pergolakan Pemikiran Islam: Keresahan-Keresahan Ahmad Wahib (Переворот исламской мысли: тревоги Ахмада Вахиба). *Tirto*. 2018b. Maret 31. URL.: https://tirto.id/pergolakan-pemikiran-islam--keresahan-keresahan-ahmad-wahib-cGJD (дата обращения: 21.05.2022).

Raditya I. Mahmoed Joenoes, Tokoh Pendidikan Islam dari Tanah Datar (Махмуд Джунус, лидер исламского образования из Танах Датар). *Tirto*. 2021. Januari 12. URL.: https://tirto.id/mahmoed-joenoes-tokoh-pendidikan-islam-dari-tanah-datar-cDiz (дата обращения: 21.05.2022).

Sumaktoyo N. How 'moderate' are Indonesian Muslims? *New Mandala*. 2019. March 27. URL.: https://www.newmandala.org/how-moderate-are-indonesian-muslims (дата обращения: 21.05.2022).

Tapsell R. The polarisation paradox in Indonesia's 2019 elections. *New Mandala*. 2019. March 22. URL.: https://www.newmandala.org/the-polarisation-paradox-in-indonesias-2019-elections/ (дата обращения: 21.05.2022).

Umam Z. K. Nurcholish Madjid, Anak Gontor yang Besar sebagai Pembaru Islam (Нурчолиш Маджид, сын Гонтора, выросший исламским реформатором). *Tirto*. 2018. Mei 26. URL.: https://tirto.id/nurcholish--madjid-anak-gontor-yang-besar-sebagai-pembaru-islam-cKvy (дата обращения: 21.05.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-053-062

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИДАТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИМЕННЫМ СКАЗУЕМЫМ–ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Л. Рудницкая[1]

В статье описываются особенности образования именного сказуемого с именной частью — прилагательным в придаточном предложении. Характерная для эвенкийского языка особенность состоит в том, что глагол придаточного может стоять в форме причастия с падежным показателем (например, аккузатива). В именном сказуемом прилагательное или существительное стоит в именительном падеже, не согласуясь с глаголом-связкой в причастной форме, если связка стоит в косвенном падеже. Глагольная связка в эвенкийском может быть нулевой (или стираться). В этом случае к именной части — прилагательному присоединяется тот же падежный показатель, который присоединялся бы к причастной форме ненулевой связки, а с именной частью — существительным такая конструкция невозможна. Этим фактам можно предложить разное объяснение. Мы приводим два объяснения: формальное и функциональное. Формальное объяснение основано на аппарате генеративной грамматики. Оно предполагает, что в предложении с именным сказуемым группа прилагательного (AdjP) стоит в позиции комплемента вершины T (в обычном предложении с полнозначным глаголом V в этой позиции стоит VP). В случае, если вершина T (которая соответствует связке) нулевая, происходит инкорпорация вершины Adj в вершину T. Такой анализ описывает контраст между предложениями с нулевой и с ненулевой связкой. Далее, именное сказуемое с именной частью — существительным строится иначе, чем с именной частью — прилагательным: мы предполагаем, что в случае с существительным NP стоит в позиции комплемента V, а VP, в свою очередь,— комплемент T. Это объясняет контраст, связанный с падежным маркированием, между прилагательным и существительным. Функциональное объяснение основано на существующих исследованиях свойств нулевой связки в русском языке. Оно состоит в том, что статус придаточного предложения (в отличие от главного) маркируется падежным показателем (аккузатива) на причастной форме глагола, и такой показатель необходим даже в предложении, в котором глагол отсутствует. При отсутствии глагола-связки падежный показатель присоединяется к предикативному прилагательному. Рассматривается теоретическая ценность этого объяснения и его применимость к эвенкийскому материалу.

Ключевые слова: эвенкийский язык, придаточное предложение, именное сказуемое, прилагательное, существительное, причастие, согласование, нулевой, связка, инкорпорация

Для цитирования: Рудницкая Е. Л. Особенности образования придаточного предложения с именным сказуемым–прилагательным в эвенкийском языке. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 53–62. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-053-062

[1] Рудницкая Елена Леонидовна, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва; erudnitskaya@gmail.com

Elena L. Rudnitskaya, D. Litt. (Philology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; erudnitskaya@gmail.com.
ORCID: 0000–0002–4455–262X

SUBORDINATE CLAUSE FORMATION IN EVENKI SUBORDINATE CLAUSES WITH ADJECTIVAL PREDICATES

Elena L. Rudnitskaya

In the paper, we discuss special features of subordinate clause formation in Evenki subordinate clauses with adjectival nominal predicates. A special feature of Evenki is that the verb of a subordinate clause can be in the form of a particle with a case marker (e.g. accusative). An adjectival or a nominal predicate is always nominative: it does not agree in case with the verb/ participle. The verbal copula in Evenki can be null (it can be deleted). In this case, the adjective of the adjectival predicate can attach the case marker that the overt copula would have, whereas a similar construction is impossible in case of a nominal predicate. Different explanations can be proposed to account for these facts. We discuss two explanations: a formal one and a functional one. The formal explanation is based on the generative grammar theory. It assumes that, in a clause with an adjectival predicate, the adjective phrase (AdjP) is in the complement position of the T head. If the T head (corresponding to the copula) is null, the Adj head gets incorporated into the T head. Such an analysis accounts for the contrast between clauses with an overt and a null copula. Besides that, the structure of a clause with an adjectival predicate is different from the structure of clause with a nominal predicate: we assume that in the nominal predicate case, the NP is the complement of V, whereas the VP is the complement of T. These structures account for the case marking contrast between adjectival and nominal predicates. The functional explanation is based on existing studies of the properties of the null copula in Russian. A subordinate clause (unlike a matrix clause) is marked with a case marker (accusative) on the verbal participle, and such a marker is necessary even when there is no verb copula. In the absence of the verb copula, this marker attaches to the predicative adjective. The theoretical value of this account and its applicability to the Evenki data are considered.

Keywords: Evenki, subordinate clause, adjectival predicate, nominal predicate, adjective, noun, participle, agreement, null, copula, incorporation

For citation: Rudnitskaya E. L. Subordinate Clause Formation in the Evenki Subordinate Clauses With Adjectival Predicates. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 53–62. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-053-062

Экспериментальные данные

Эвенкийский язык относится к тунгусским языкам внутри алтайской семьи языков. При образовании придаточного предложения может использоваться и причастная форма глагола (с падежным окончанием) (1а), и финитный глагол (1б).

(1) а. *dōldī-rə-Ø* *[əntil-tin* *jōkə-ďə-**rī**-l-wə]*
слышать-NFUT-3PL родитель.PL-PS.3PL закричать-IPFV-**PTCP.SIM**-PL-ACC
{младшие братья и сестры Нади} ‘услышали крики родителей’ (Корпус)

б. *taduk* *hələ* *d’alda-l-čā-w* *[īlə̄* *huru-**d’ə**-m]*
потом вот подумать-INCH-PST-1SG куда идти-**FUTCNT**-1SG
‘…потом вот думать начал, куда поеду’ {когда десять классов закончу} (Корпус)

Наличие и финитных, и нефинитных придаточных предложений характерно для агглютинативных, например, алтайских языков [Гузев, Бурыкин, 2012], см. [Дубовик, 2008, с. 42–43]

о турецком. Наша статья касается именного сказуемого с прилагательным. В главном предложении предикативное прилагательное употребляется вместе со связкой *bi-* ‘быть’ (2а-б), которая может быть опущена (2в).

(2) а. *ahal=da* ***bi-śo-l*** ***ilmakta-l***
женщина=FOC быть-PTCP.ANT-PL молодой-PL
‘Женщины тоже были молодые’ (Корпус)

б. *Hi=kə* ***əŋəhī-śi*** ***bi-hi-ndə***
2SG=FOC сила-ATR быть-PTCP.SIM-2SG
‘Ты же сильный’ (Корпус)

в. *tar* *gūńi-fkī-l* *d’əlī-l* *əkur* *oldon* ***Ø***
тот говорить-PTCP.HAB-PL таймень-PL что-PL рыба быть
aja-mama *tadu*
хороший-INTS там
‘Так говорят, таймени – это рыба очень хорошая там’ (Корпус)

В придаточном предложении с именным сказуемым связка *bi-* ставится в форму причастия (с падежным окончанием), как в (3а-б), или эта связка опускается, как в (3в) — тогда время предложения интерпретируется как настоящее или совпадающее со временем главного предложения[2].

(3) а. *tinəwə* *akin-mi* *olo-in-d’a-na*
вчера брат-PS.1SG перейти.вброд-INCEP-IPFV–CVB.SIM
[*mu* ***gilli*** ***bi-čə-wə-n***]
вода холодный быть-PTCP.ANT-ACC-PS.3SG
mə-də-rə-n
почувствовать-IPFV-NFUT-3SG
‘Входя в воду, мой брат почувствовал, что вода была холодная’ (Анкета)

б. [*mu* *so* ***gilli*** ***bi-hi-wə-n***]
вода очень холодный быть-PTCP.SIM-ACC-PS.3SG
‘…что вода очень холодная’ (Анкета)

в. [*mu* ***gilli-wə(–n)***]
вода холодный-ACC-PS.3SG
‘…что вода холодная’ (Анкета)

В (3в) нет связки, а прилагательное *gilli* ‘холодный’ присоединяет показатель *-wə* ACC. При стандартном допущении о том, что в синтаксическом представлении придаточного предложения

[2] Мы не поднимаем вопрос о том, в каких конкретно случаях стирается связка bi-, как в (3в); для нас важно только то, что опущение связки возможно и не является маркированным. Также важно, что временная точка или промежуток, обозначаемый нулевой связкой (или при стирании связки), в главном предложении — это обычно настоящее время, а в придаточном — анафорическое время [Sohn, 1995, pp. 76–82]. См. п. 3, примеры (7г-д), а также сноску 4.

должна быть глагольная форма, возникает вопрос: какова синтаксическая структура[3] (3в) с нулевой связкой? Рассмотрим (4а)=(3а) и (4б)=(3в).

Если предположить, что показатель аккузатива возникает в (4б) в результате процесса согласования, естественно ожидать, что раз согласование по падежу именной части сказуемого с нулевой связкой происходит в (4б), оно возможно и (с ненулевой связкой) в (4а). Однако в (2а) выше и в (4а) показано, что при ненулевой связке падежное согласование невозможно (возможно только согласование по числу (2а) и посессивности (4а)).

(4) а. *tinəwə akin-mi* *olo-in-d'a-na* (=(3а))
вчера брат-POSS.1SG перейти вброд-INCEP-IPFV–CVB.SIM
[*mu so* √***gilli(–n)*** // ****gilli-wə*** // ****gilli-wə-n***
вода очень холодный-PS холодный-ACC холодный-ACC-PS.3SG
bi-čə-wə-n] *mə-də-rə-n*
быть-PTCP.ANT-ACC-PS.3SG почувствовать-IPFV-NFUT-3SG
'Входя в воду, мой брат почувствовал, что вода была холодная' (Анкета)

б. [*mu so* ***Ø*** ***gilli-wə-n***] // (=(3в))
вода очень быть холодный-ACC-PS.3SG
// [*mu so* ***gilli*** ***Ø-wə-n***]
вода очень холодный быть-ACC-PS.3SG
'…что вода очень холодная'

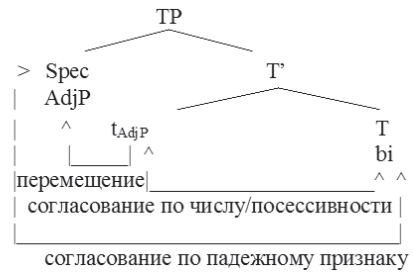
В разделах 2 и 3 эти и дополнительные данные анализируются и предлагается их возможное описание и объяснение.

Описание материала через формальные структуры

Если именная часть сказуемого присоединяет те же показатели, что и связка, это в генеративной грамматике описывается согласованием признаков (см. [Гращенков, 2019, п. 2.2.3.6, (221)—(222)]. Приблизительная схема согласования показана в (5а). П. В. Гращенков отмечает, что согласование по числу и роду происходит *in situ*, до перемещения AdjP из позиции комплемента T в SpecTP. Согласование по падежу, схема которого показана в (5а), происходит после этого перемещения (в конфигурации Spec-Head, между SpecTP и вершиной T). Пример (4а) показывает, что в эвенкийском языке в общем случае падежное согласование невозможно. Значит, происходит только согласование *in situ*, а согласования SpecTP и T (падежного) не происходит, и AdjP остается в позиции комплемента T, не перемещаясь в SpecTP.

[3] Мы используем терминологию и аппарат генеративной грамматики (минимализма, [Chomsky, 1995]). Мы предполагаем, что для эвенкийского характерно ветвление влево, а не вправо. Заметим, что это допущение, а не доказанный вывод, поскольку порядок слов в эвенкийском свободный, см. [Рудницкая, 2019, гл. 1]. Также в нашей схеме связка bi- — это или вершина функциональной проекции TP, как в (5а-в), или вершина глагольной группы (VP), как в (5г). Обе схемы отражают тот факт, что эта связка играет чисто грамматическую роль.

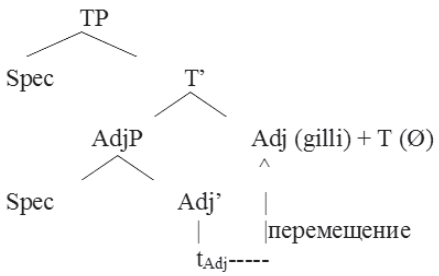
(5) а.



Следующий вопрос состоит в том, как объяснить падежный показатель у *gilli* в (4б). Если AdjP в (5а) не перемещается в SpecTP, прилагательное (Adj) не может согласоваться с T по падежу, как в (4а). Падежный показатель у Adj можно объяснить альтернативным предположением, что происходит инкорпорация Adj в T.

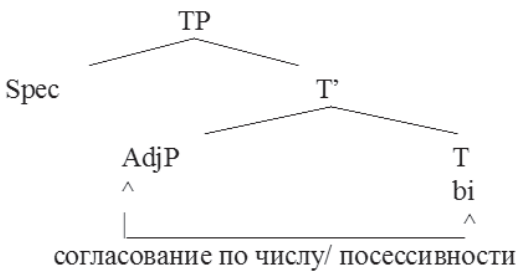
В случае инкорпорации вершины Adj в вершину T (то есть передвижения вершины Adj в позицию T) Adj и T образуют одно слово, поэтому у них общая флексия. Это объясняет отличие (4а), в котором у *gilli* 'холодный' невозможен падежный показатель *-wə* ACC (так как *gilli* и *bi-čə-wə-n* 'быть-PTCP.ANT-ACC-PS.3SG' – это отдельные слова и синтаксические узлы), от (4б), в котором *gilli-wə* 'холодный-ACC' возможно (так как *gilli* + Ø 'холодный + быть' — это одно слово, результат инкорпорации).

(5) б.



Таким образом, если исходить из языковых фактов, для (4а) подходит схема (5в) (без согласования и без инкорпорации), а для (4б) — схема (5б) (без согласования, но с инкорпорацией).

(5) в.



Схемы (5б–в) формально «объясняют» (4а–б), но у этого объяснения есть важные недостатки. Прежде всего такое объяснение противоречит аксиомам генеративной грамматики и общеграмматическим нормам: если в предложении ненулевая связка, у него одна структура, а если нулевая — другая. Различие между нулевой и ненулевой связкой фонологическое: эта связка или произносится, или не произносится, и получается, что фактор фонологии влияет на синтаксическую структуру и даже вызывает перемещение вершины Adj в вершину T (при

инкорпорации). Это недопустимо, поскольку в генеративной грамматике синтаксис независим от фонологии. При порождении предложения в синтаксическую систему поступают лексемы из словаря, и из них в соответствии с синтаксическими правилами строятся предложения. Затем готовые предложения поступают в логическую структуру (которая их интерпретирует) и в фонологическую систему (для создания звучащего предложения).

Если взять общую теорию грамматики, исходное предположение состоит в том, что нулевая связка имеет такое же распределение и семантико-синтаксические свойства, как и ненулевая.

Еще одна проблема с приведенными данными и их формальным объяснением в том, что не любое именное сказуемое характеризуется такими же свойствами, как сказуемое с именной частью — прилагательным. В (6а–в) показано, что у сказуемого с именной частью — существительным другие свойства: именная часть в придаточном предложении в (6б–в) не присоединяет падежных окончаний ни в присутствии ненулевой связки, ни при нулевой связке.

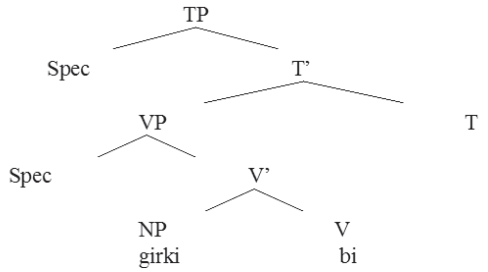
(6) а. *Nuŋa-r-tin* *sa-rə-Ø* [*nuŋan* *akin-dū-m*
он-PL-PS.3PL знать-NFUT-3PL он брат-DAT-PS.3SG
girki ***bi-ŋkī-n***]
друг быть-PSTITER-3SG
‘Они знают, что он (давно) был другом моего брата’ (Анкета)

б. …[*nuŋan* *akin-dū-m* ***girki(*-wə) (\| -n)*** ***bi-hi-wə-n***]
он брат-DAT-PS.1SG друг(–ACC)(–PS.3SG) быть-PTCP.SIM-ACC-3SG
‘…что он друг моего брата’ (Анкета)

в. …[*nuŋan* *akin-dū-m* ***girki(*-wə)(\| -n)*** ***Ø***]
он брат-DAT-PS.1SG друг-ACC(–3SG) быть
‘…что он друг моего брата’ (Анкета)

Последняя проблема может быть решена так: нужно предположить, что у именного сказуемого с именной частью — существительным не такая структура, как в (5в): NP-существительное стоит не в позиции комплемента T, а в позиции комплемента V, как в (5г). Тогда, если N не будет подниматься/ инкорпорироваться в V, а V не будет инкорпорироваться в T (*N → V; *V → T), то не будет согласования существительного (N) со связкой (V) по падежу ни в случае ненулевой, ни в случае нулевой связки.

(5) г.



В общетеоретических терминах различие (5в) vs. (5г) заключается в том, что прилагательное (в отличие от существительного) — это не полностью именная часть речи, а промежуточная между именной и глагольной (в генеративной грамматике прилагательному соответствуют

признаки +V, +N). Поскольку прилагательное обладает признаком +V, оно может, как и глагол, занимать позицию комплемента T, см. (5в). Существительное с признаками –V, +N может занимать только позицию комплемента V, но не T: см. (5г).

Независимые данные говорят о том, что прилагательное в эвенкийском языке образует отдельную часть речи, а не является существительным. У прилагательных те же категории, что и у существительных (число, падеж, посессивность). В эвенкийском есть так называемые «недифференцированные» [Василевич, 1940, с. 42–43] слова, которые могут быть разными частями речи, например, существительным и прилагательным, такие как *ŋonim* ‘высота, высокий’, *həgdy* ‘величина, большой’. Однако большинство прилагательных образуются от существительных с помощью аффиксов: *bira* ‘река’ → *bira-dy* ‘речной’, *mo* ‘дерево’ → *mo-ma* «деревянный».

Само по себе присоединение несогласовательного падежного показателя к прилагательному в (3в)=(4б) может быть расценено как свидетельство наличия у прилагательного причастных (и, соответственно, глагольных) свойств.

Объяснение через морфологическую маркированность

В этом пункте мы хотим предложить для различий между (4б) и (4в) еще одно, основанное на понятии маркированности, объяснение. Мы обсудим, насколько данное объяснение согласуется с формальным аппаратом из п. 2.

В статьях [Летучий, 2013, Letuchiy, 2015] исследуются свойства ненулевой и нулевой связки в русском языке. Результаты опросов и исследования НКРЯ[4], проведенных А. Б. Летучим, говорят о том, что дистрибуция нулевой и ненулевой связок в русском языке неидентична, в то время как нулевая гипотеза состоит в морфосинтаксической идентичности этих двух связок (см. выше). Более конкретно, в определенных конструкциях ненулевая связка невозможна, а нулевая возможна, и наоборот. Нас будет интересовать один из подобных случаев: конструкции с *чем…, тем…*, такие как (7а). В этих конструкциях из-за значения конструкции *чем…, тем…* времена глаголов главного и придаточного предложений в общем случае (хотя есть исключения) должны совпадать: (7б) с придаточным предложением в прошедшем времени и главным в настоящем времени и (7в) с обратным соотношением оба грамматически неправильны.

Для предложения с нулевой связкой возможно отклонение от этого правила. Каноническим примером на конструкцию *чем…, тем…* является предложение с идентичными временными значениями в главной и подчиненной клаузах (7г). Однако в подчиненной клаузе (с *чем…*,) возможна нулевая связка с анафорическим временным значением, то есть со значением, идентичным временному значению в главном предложении при глаголе в прошедшем времени в главной клаузе (7д).

(7) а. *Чем быстрее он ехал, тем больше боялся.*

б. **Чем больше у него* ***становилось*** *денег, тем труднее ему* ***живется*** [Летучий, 2013].

в. **Чем больше у него* ***становится*** *денег, тем труднее ему* ***жилось*** [Летучий, 2013].

г. *Чем ты старше, тем больше друзей.*

д. *Норма, конечно, давалась в соответствии с возрастом, чем старше, тем она была больше.* [library.kat.kg/?author=1&paged=9] [Летучий, 2013].

А. Б. Летучий предлагает такое объяснение контраста между (7в) и (7д): поскольку в (7д), в отличие от (7в), нет глагола (и нет временного показателя), то требование идентичности

[4] Национальный корпус русского языка (https://ruscorpora.ru/) (дата обращения: 20.10.2022).

времени в конструкции *чем…, тем…* не нарушается. Другими словами, хотя отсутствие связки в (7д) это фонологический, а не грамматический факт, это отсутствие влияет на семантико-синтаксические свойства всего предложения[5].

Попробуем применить аналогичную логику к (4а — б). В (4а) статус клаузы ***mu so gilli bi-čə-wə-n*** как придаточного предложения маркируется показателем ***-wə*** ACC на связке ***bi-čə-wə-n***. Если бы придаточное предложение было финитным, оно бы звучало как ***mu so gilli bi-hi-n***; (***–hi*** PRS в данном случае — показатель настоящего времени, ср. ***bi-hi-ndə*** в (2б)). При финитном глаголе в эвенкийском нет специальных показателей, различающих независимое и подчиненное предложение.

В (4б) связка стирается или порождается нулевой: при обеих трактовках показатель ***-wə*** ACC отсутствует, поскольку отсутствует основа ***bi-hi-***. Поэтому статус клаузы ***mu gilli*** как придаточного предложения никак не маркируется. В этом случае можно предположить, что показатель ***-wə*** присоединяется не к ***gilli***, а ко всей клаузе ***mu gilli*** (групповая флексия).

Такое объяснение, с одной стороны, не очень лингвистически обоснованно, потому что в эвенкийском языке падежные показатели, как и все другие словоизменительные показатели, не могут быть групповыми флексиями. Так, факультативность падежных показателей у определения (ср. (8а — б) допускает трактовку этих показателей как групповой флексии, как в схеме (8в). Однако сочинительные конструкции не могут маркироваться одним падежным показателем (8г). Сочинительные конструкции — один из основных тестов на групповую флексию [Zwicky, 1985].

(8) а. ***əwə-dy-wə*** ***prazdnik-wa*** (популярная история эвенков)
эвенк-ATR-**ACC** праздник-**ACC**
{люди праздновали} «эвенкийский праздник» {начало лета и нового года} (КИЭА РАН)

б. ***Bi*** ***aja-t*** ***sa-ča-w*** ***əwə-dy*** ***kəmpəzitər-wə***
я хороший-ADVZ знать-PST-1SG эвенк-ATR композитор-**ACC**
«Я хорошо знал эвенкийского композитора» (Oleg Chapogir) (КИЭА РАН)

в. [***əwə-dy*** ***kəmpəzitər]-wə***
[эвенк-ATR композитор]-**ACC**

г. ***tarba=da*** ***bi-də-rə-Ø*** [***Kitaj****(–**du**)*** ***taduk***
столько=FOC быть-IPFV-NFUT-3PL [Китай*(–ACC) потом/и
Moŋolija*]-*du
Монголия]-**DAT**
«Столько есть в Китае и Монголии» (КИЭА РАН)

С другой стороны, в эвенкийском возможен групповой деривационный аффикс, как в (9), см. [Nikolaeva, 2008] и [Рудницкая, 2022][6].

[5] Если исходить из анализа S.-O. Sohn [Sohn, 1995, pp. 76–82] (см. сноску 2) и распространить на русский язык ее утверждение о том, что ненулевой показатель времени всегда обозначает дейктическое время, а нулевой — анафорическое, то в предложении с нулевой связкой время всегда анафорическое. Так что в этих предложениях семантического несоответствия между временем главного и придаточного предложения быть в принципе не может. Тогда объяснение А. Б. Летучего будет избыточным. В данный момент практически нет исследований об интерпретации нулевого временного показателя в разных языках (S.-O. Sohn исследует только материал корейского языка), так что вопрос остается открытым.

[6] Как отмечает И. Николаева, групповой деривационный аффикс — это само по себе парадокс. С одной стороны, деривационные аффиксы стоят ближе к основе, чем словоизменительные, а с другой, групповые аффиксы должны

(9) *əbəkōn* *əpet* [*hərəkə* *ďukča-**śi***]
бабушка-PS.3SG опять отдельный чумовище-**ATR**
bi-śo tadū
быть-PTCP.ANT там
«Ее бабушка там тоже была с **отдельным чумом**» (Корпус)

Таким образом, в настоящий момент можно заключить, что в эвенкийском языке для падежного показателя быть групповым — маловероятно.

Выводы

В статье были изложены данные по образованию именных придаточных предложений с именной частью — прилагательным, предложено формальное описание этих явлений в терминах генеративной грамматики (обсуждены его плюсы и минусы), а также еще одно объяснение на основе понятия морфологической маркированности.

Наши данные можно интерпретировать так, что в эвенкийском языке прилагательное как часть речи занимает промежуточное место между глаголом и существительным, обнаруживая в некоторых случаях такое же поведение, как причастие (форма глагола). В бинарной системе признаков, по которой проводится классификация частей речи в генеративной грамматике, прилагательные имеют и глагольный признак +V, и именной признак +N.

Отметим, что не все проблемы, связанные с рассмотренными вопросами, удалось решить на данном этапе.

Глоссы:

1, 2, 3 — личные аффиксы 1-го, 2-го, 3-го лица; ACC — аккузатив; ADVZ — показатель адвербиализации; ANT — (причастие) предшествования; ATR — атрибутивизатор; CVB — конверб; DAT — датив; FOC — фокус; HAB — хабитуальный (вид); FUTCNT — ближайшее будущее (время); INCEP — инцептив; INCH — инхоатив; INTS — интенсификатор; IPFV — имперфектив; NFUT — небудущее (время); PL — множественное число; PS — посессивный (аффикс); PST — прошедшее (время); PTCP — причастие; QUAL — (номинализация) постоянного свойства; RES — результативная (номинализация); RFL — рефлексив; SG — единственное число; SLIP — оговорка; SIM — одновременность.

Обозначения генеративной грамматики:

Adj — прилагательное; N — существительное; P — проекция (группа); Spec — спецификатор; T — время; V — глагол.

Литература

Василевич Г. М. *Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка.* Л., 1940 [Vasilevich G. M. *Essays on Evenki (Tungus) grammar. L.*, 1940 (in Russian)].

Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков *Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН.* Т. 3. Ч. 1. СПб, 2012. С. 109–111 [Guzev V. G., Burykin A. A. Common structural features of agglutinative languages] // *Acta linguistica Petropolitana. Works of ILS RAS*. V. 3. Part 1. SPb, 2012. Pp. 109–111 (in Russian)].

стоять в наиболее периферической позиции по отношению к основе (то есть после всех других, в том числе словоизменительных, аффиксов). При наличии в языке групповых деривационных аффиксов словоизменительные аффиксы, которые стоят после них, должны тоже считаться групповыми.

Гращенков П. В. *Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности*. М., 2019 [Grashchenkov P. V. *The grammar of adjectives. The typology of adjectivity and attributivity*. M., 2019 (in Russian)].

Дубовик Е. Л. Сложное предложение в синтаксическом строе турецкого языка. *Веснік БДУ*. Сер. 4. 2008. № 1. С. 41–45 [Dubovik E. L. Slozhnoe predlozhenie v grammaticheskom stroe tureckogo yazyka [Complex sentence in the syntactic structure of Turkish] // *BSU Bulletine*. Series 4. 2008, No. 1, Pp. 41–45 (in Russian)].

Летучий А. Б. Свойства нулевой связки в русском языке в сопоставлении со свойствами выраженного глагола. *Публикации ВШЭ*. М., 2013. URL:

https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/kmxb1d7kpe/85645452.pdf (дата обращения: 10.10.2022) [Letuchiy A. B. Properties of a null copula in Russian in comparison with an overt verb. *Publications of HSE*. M., 2013. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/kmxb1d7kpe/85645452.pdf (accessed: 10.10.2022) (in Russian)].

Рудницкая Е. Л. *Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века*. СПб.: Нестор-история, 2019 [Rudnitskaya E. L. *General characteristics of modern Evenki morphosyntax in the beginning of the XXIth century*. SPb., Nestor-Istoriia, 2019 (in Russian)].

Рудницкая Е. Л. Групповая аффиксация при словообразовании в эвенкийском языке. *Сибирский филологический журнал*. № 2. 2022. С. 162–173 [Rudnitskaya E. L. Group affixation in Evenki word-formaton. *Siberian philology journal*. No. 2. 2022. P. 162–173 (in Russian)].

Chomsky N. (1995). *The Minimalist Program*. MIT Press: Cambridge, Mass.

Letuchiy A. Russian zero copula and lexical verbs: similar or different? Публикации ВШЭ, 2015. 30 p. https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/sc2hiqxuln/178108749.pdf (дата обращения: 10.10. 2022).

Nikolaeva I. 2008. Between nouns and adjectives: a constructional view. Lingua. Vol. 118. P. 969–996.

Sohn S.-O. (1995) *Tense and Aspect in Korean,* Honolulu, Center for Korean Studies, Monograph N. 18.

Zwicky A. M. (1985). «Clitics and particles» // *Language* 61.2, 283–305.

Источники:

Анкета — *Опрос* носителя эвенкийского языка (Галины Сергеевны Николаевой), Усть-Нюкжа, 2022 [Questionnaire — *Survey* of G. S. Nikolaeva, the native speaker. Ust' Njukzha, 2022].

КИЭА РАН — *Корпусы Института этнографии и антропологии РАН*. М., 2014. URL: http:// corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php. (дата обращения: 12.10.2022) [CIEA RAS — *Corpora of the Institute of Ethnology and Antropology RAS*. M., 2014. URL: http:// corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php (accessed: 12.10.2022)].

Корпус — *Малые языки Сибири: наше культурное наследие*. М., 2022. URL: http://minlang.srcc.msu.ru/; поиск: http://gisly.net/corpus/ (дата обращения: 12.10.2022) [Corpus — *Small languages of Siberia. Our cultural heritage*. M., 2022. URL: http://minlang.srcc.msu.ru/; Search: http://gisly.net/corpus/ (accessed: 12.10.2022)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-063-067

АККАДСКО-ЧАДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

О. В. Столбова[1]

В статье отражен очередной этап работы по поиску чадских параллелей к лексике аккадского языка, не имеющей когнатов внутри семитской семьи. Необходимость установления внешних параллелей для изолированной аккадской лексики объясняется особенностями классификационной модели, согласно которой семитские языки делятся на восточную и западную ветви. Восточная ветвь включает аккадский, а западная объединяет все остальные языки. При такой классификации, с одной стороны, данные аккадского языка более значимы по сравнению с данными любого другого семитского языка. С другой стороны, доказать семитское (и афразийское) происхождение изолированной аккадской лексики (которая не помечена в словарях как заимствования из шумерского и других языков) можно только, обнаружив когнаты в других ветвях афразийской макросемьи. По результатам нашего исследования (см. [Столбова, 2002; Столбова, 2018]) можно утверждать, что материал бесписьменных чадских языков оказался чрезвычайно полезен при поиске таких когнатов. В данной статье мы предлагаем чадские параллели даже для нескольких аккадских лексем, которые не только не имеют семитской этимологии, но плохо засвидетельствованы в текстах.

Ключевые слова: семитские языки, аккадский язык, чадские языки, когнат, этимология

Для цитирования: Столбова О. В. Аккадско-чадские лексические параллели. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 63–67. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-063-067

AKKADIAN-CHADIC COGNATES

Olga V. Stolbova

The present paper continues the search of Chadic parallels to Akkadian glosses lacking any Semitic etymology. The need to support numerous isolated Akkadian forms with external cognates follows from the generally accepted classification of Semitic languages. According to this classification, Akkadian comprises the East branch, all other languages — the West branch of the phylum. Such a separation, on the one hand, makes Akkadian data more important than that of any other Semitic language. On the other hand, the archaic (Proto-Semitic and Proto-Afroasiatic) origin of isolated Akkadian glosses (not labelled as borrowings from Sumerian or any other language) can be proved only by cognates in other branches of the Afroasiatic phylum. As comes from our previous research, (see [Stolbova 2002; Stolbova 2018]), the data of unwritten Chadic languages is of special value in providing such a proof. In the present publication we suggest reliable Chadic cognates to some more isolated Akkadian lexemes, including those poorly attested in texts.

[1] Столбова Ольга Валерьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Stolbova.O@yandex.ru

Olga V. Stolbova, DSc (Phililogy), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Stolbova.O@yandex.ru

ORCID: 0000–0002–7589–2854

Keywords: Semitic languages, Akkadian, Chadic languages, cognates, etymology
For citation: Stolbova O. V. Akkadian-Chadic cognates. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 63–67. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-063-067

Специфическое разделение семитской семьи языков на аккадский (восточная ветвь) и все остальные языки (образующие западную ветвь)[2] спровоцировало проблемы этимологического характера. Хотя аккадская лексика в основном восходит к прасемитскому уровню, «отмечается необычно большое количество терминов, для которых не может быть обоснована семитская этимология» [Коган, Лёзов, 2009, с. 172]. Возникла необходимость подтвердить прасемитское происхождение аккадской лексики, не имеющей семитских параллелей и не отмеченной как заимствования. Единственный выход из этой ситуации — найти когнаты для изолированных аккадских слов в несемитских афразийских языках. Заметим, что при этом одновременно подтверждается как афразийская, так и семитская этимология подобной лексики.

Поиск когнатов для изолированной аккадской лексики в чадских языках оказался достаточно успешным. Первые результаты ([Столбова, 2002; Столбова, 2018]) были опубликованы в двух сборниках памяти Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999), выдающегося историка-востоковеда, филолога и лингвиста, ассириолога с мировым именем.

Список изолированных аккадских лексем, к которым удалось обнаружить параллели в чадских и в других афразийских языках[3], включает более ста единиц[4].

Кроме того, было предложено несколько изменений к существующим семитским этимологиям. Например, аккадский глагол *ṣiāḫu, ṣâḫu* ‘to laugh, to smile, to be alluring’ [Gelb et al., ṣ, p. 64] изначально рассматривался семитологами как рефлекс общесемитского корня **ṣḥq* ‘смеяться’, а утрату *q* объясняли плохой сочетаемостью двух эмфатических согласных в одном корне. Позже это сравнение было признано неправомерным, а в качестве возможного когната (с некоторыми оговорками) теперь предлагается глагол ‘кричать’: Arabic *ṣyḥ,* Ugaritic *ṣḥ* [Kogan, 2015, p. 96]. Однако в чадских языках нам удалось обнаружить более точную параллель а именно: **ɬ’Vḥ-* ‘to laugh’[5]: зап. Siri *ɣàɬ’í* (метатеза), центр. Afade *ɬ’à,* Maltam *ɬ’àhà,* Logone *ɬ’áhə́,* и т. д. Подробнее см. [Столбова, 2018, с. 288].

В этой части нашего исследования сделана попытка найти чадские когнаты даже для плохо документированных аккадских глосс. Это лексемы с не вполне надежно установленным значением[6] или так называемые слова *Hapax legomenen*[7], помеченные в словаре звездочкой.

Каждая этимология начинается с аккадской формы, после знака ~ приводится реконструированная прачадская форма под звездочкой и ее предполагаемое значение (по-русски и по-английски). Далее приводятся формы в отдельных языках и их значения, как они даны в источнике[8]. Если параллель для аккадской словоформы пока удалось обнаружить лишь в двух-трех чадских языках, реконструкция на прачадском уровне не приводится. Названия языков даются

[2] См. [Коган, 2009, с. 20–21; Huehnergard, 2006, p. 2].
[3] Афразийскую макросемью образуют семитские, древнеегипетский, берберские, чадские, кушитские и омотские языки.
[4] с учетом этимологий в [Stolbova, forthcoming].
[5] **ɬ̓’* (эмфатическая латеральная аффриката) регулярно соответствует сем. **ṣ̂*.
[6] Например, (a container), (a garment).
[7] из древнегреческого ἅπαξ λεγόμενον «только раз названное».
[8] Список источников по чадским языкам см. в: Столбова О. В. Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск VI. М., 2020. С. 230–240 [Stolbova Olga. Chadic Lexical Database. Issue VI. Moscow, 2020. С. 230–240 (на английском языке с предисловием на русском и английском языках)]. URL: https://book.ivran.ru/book?id=5106&from=1129 (дата обращения: 08.10.2022).

в латинице. Чадская лексика дается в следующем порядке: западная ветвь, центральная, восточная. Необходимый комментарий фонологического характера дается в сносках.

1. Akkadian *allu* (meaning uncertain) NB. «The term a. seems to denote a popular designation of a small but measured amount, like a fistful» [Gelb et al., a_1, p. 358] ~ чад. ***hal(l)-*** 'рука, горсть'/'hand, fistful': центр. Mada *ahaál* 'main, bras, poignée, manche', *hloď hloď* 'par poignées (nourriture)', вост. Mokilko *ʔàllé* 'tenir qqch dans la paume de la main'.

2. Akkadian *dapiʾu* (a bowl or goblet) NA [Gelb et al., d, p. 105] ~ чад. ***daf-*** 'вид сосуда'/'kind of vessel': центр. Fali Mucella *dàfu* 'small water pot', Cinene *dafa* 'small pot', Sakun *dodaf* 'type of pot', вост. Mawa *ďepa* 'jarre (pour transporter l'eau)'. Надежная параллель есть и в древнеегипетском языке: *dfy* 'ein grosser Gefäss' AR [Erman, Grapow, Bd. V, S. 448].

3. Akkadian *daḫru* 'fury' syn. list* [Gelb et al., d, p. 26] ~ Chadic ***dVɣVr-***[9] 'угрожать, гнев'/'to threaten, anger': зап. Mwaghavul *ďòɣòr* 'to frown, look gloomy', Goemai *ďàar* 'to make shiver', Ngas *ďòr* 'anger', Fyer *ďoor* 'anger' (заимствование из языка Ngas), вост. East Dangla *dògìrē* 'menacer'.

4. Akkadian *dakāku* 'to crowd about (of human beings)' OB, Mari, MA [Gelb et al., d, p. 34] ~ чад. ***dVk-*** 'to gather, to group (of human beings), numerous': центр. Bura *dikuku* 'many in a group (used only of men and animals on the move)', Podoko *ndeke* 'to group together', Mada *dék* 'beacoup, nombreux', Masa *dàk* '(se) reunir', Dzepaw *dùkùkù* 'en foule', вост. West Dangla *dáknà* 'beaucoup, très', *dàkìnàw* 'foule' (производное имя).

5. Akkadian *dannatu* 'fortress, fortified place' from OB, OA on [Gelb et al., d, p. 87] ~ чад. ***dVn-*** стена, дом'/'wall, house': зап. Kulere *ⁿdyèn* 'Haus', Zaar *dən* 'compound, house', центр. Mbuko *dədōŋ* 'mur en brique de terre'.

В качестве когнатов (возможно, деноминативов) можно рассматривать и следующие глаголы: центр. Tera *dəni,* Musgoy *ndəŋ* 'build', Daba *ndən* 'construire, faire'.

6. Akkadian *daššu* (a small metal implement) NB*. В словаре приводятся следующие два контекста, в которых встречается эта словоформа: «one silver d. for the top of the wheel(?)»; «one mina of finished bronze objects (consisting of) rings and d.'s for a bed» [Gelb et al., d, p. 120]. Когнатами аккадской формы могут быть словоформы со значением 'серебро' и 'бронза' в двух центр.-чад. языках, а именно: Podoko *díše* 'espèce de métal (argent?)', Lamang *dìsò* 'any adornment made of bronze'.

7. Akkadian *ḫammu* 'head of the family' from OB on [Gelb et al., ḫ, p. 69], *ḫamm-* 'chef de famille' [Cohen, 1993, p. 997] ~ чад. ***ɣVm-***[10] 'вождь'/'chief': зап. Ngas *gʷom* 'name for king', центр. Fali Kiriya *nyàn-nyátm* 'prince', Bachama *hamin,* Jimo *hamo* 'chief', Bata *hóme* 'chef (de village)', Lamang *mɣàm* 'traditional leader, chief, sultan, senior', Hide *məɣàm* 'chief'.

8. Akkadian ***ḫapālu*** (a container) NA only pl. attested [Gelb et al., ḫ, p. 83], *ḫapāl-* 'sorte de récipient' [Cohen, 1993, p. 1013] ~ центр.-чад. (гр. хиги) ***ɣVlVp-*** (метатеза) 'сосуд (для воды)'/'(water)pot': Kapsiki *ɣʷulupe,* Higi Futu *ɣul(u)pu* 'large or small water pot', Fali Kiriya *ɣuləpə* 'clay pot for water, beer', Bana *ɣʷəlpə* 'jarre pour contenir la pierre, instrument musical'.

9. Akkadian *qannu* 'cattle pen' SB, NB [Gelb et al., q, p. 85] ~ чад. ***k/ḳan-***[11] 'ограда, стена'/'fence, wall': зап. Ngas *keen* 'palisade, fence', Zaar *kəŋ* 'defensive stone wall', центр. Marba *kaŋa* 'clôture', Musey *kaŋaa-na* 'la palissade autour du village'.

[9] Звонкий велярный спирант *ɣ регулярно соответствует сем. *ḫ.

[10] См. сноску 8.

[11] Невозможно идентифицировать велярный на прачадском уровне, поскольку во всех четырех чадских языках *ḳ и *k отражаются как *k*.

10. Akkadian *šāru* ‘wind, air, breath’ from OA on [Gelb et al., $š_2$, p. 133; Soden, 1981, s. 1192] ~ зап.-чад. Hausa *sàraarà* ‘cold wind of the harmattan season’, центр. Mafa *łáłár-*[12] ‘faire larmoyer (vent)’ (производный глагол). Отметим, что единственная предлагаемая семитская параллель менее надежна семантически и фонологически: «As far as the meaning «wind» is concerned, the main semantic equivalent (in Akkadian) is *šāru,* perhaps related to Hebrew *ŝəʿārā* ‘storm’ in spite of the irregular reflex of the guttural” [Kogan, 2015, p. 96].

11. Akkadian *takšû* ‘saddle-bag’ OAkk, SB [Gelb et al., t, p. 89]. Когнатами аккадской ‘седельной сумки’ могут быть формы с семантикой ‘корзина’ в двух центр.-чад. языках: Ouldem *tàkʷàsá* ‘panier à vanner’, Zulgo *tàkʷásа* ‘panier renforcé avec des perches’.

12. Akkadian *tegû* (a word for battle); syn. list* [Gelb et al., t, p. 324] ~ зап.-чад. Ngamo *tèegà* ‘wrestling’, Kupto *tìggéy* ‘to attack’.

13. Akkadian *tillû* (a garment) from OB on [Gelb et al., t, p. 412], ‘ein Behang?; драпировка?’ [Soden 1981, S. 1358] ~ чад. **tul-* ‘вид (женской) одежды’/’(woman’s) cloth’: зап. Zul *tu-tul-t,* Geji *tu-túl* ‘woman’s body cloth’ (частичная редупликация), центр. Bura *tuli-mi* ‘cloth’, *tul-ta* ‘to wrap around’, Dari *tùl* ‘cache-sex feminine’.

14. Akkadian *têlu* ‘to pronounce (a word), to tell (proverb, riddle)’ OB [Gelb et al., t, p. 333], *tēltu(m)* ‘Ausspruch, Spruch; Aussprache’ [Soden 1981, S. 1345] ~ чад. **tal-* ‘звать, спрашивать’/’to ask, to call’: зап. Mwaghavul, Goemai *tàl*, Mupun *tāl*, Mushere *tal* ‘to ask’, Mushere *tàl* ‘question’, Gerka *tàl,* Pero *télò* ‘to ask a question’, Karekare *tàl-fu* ‘to answer’, Ngamo *tàalù adàa* ‘howling of a dog’ (*adàa* ‘dog’), Dera *tàlé* ‘to greet’, центр. Ouldem *–tālā má* ‘appeler qqn qui est loin’, вост. Migama *tàalò* ‘nommer’, *tíìló* ‘répondre’.

Как показывает представленный материал, чадские когнаты позволяют подтвердить не вполне надежно установленное значение некоторых аккадских глосс. Это оказалось возможным благодаря семантической устойчивость чадской лексики (т. е., тенденции к сохранению исходной семантики). Кроме того, существенную роль играет и большое количество чадских языков (более 170), а следовательно — и обилие лексического материала. Некоторые из предлагаемых выше схождений пока что основываются на лексике всего двух-трех чадских языков и поэтому не могут претендовать на роль полноценных афразийских этимологий, но они являются основой таких этимологий и стимулом для поиска когнатов в других «хамитских» языках.

Сокращения / Abbreviations

вост. — восточный	центр. — центральный
зап. — западный	чад. — чадский
сем. — семитский	syn. — synonym

Условные обозначения лингвистических периодов

Аккадских язык: OA — староассирийский, OAkk — староаккадский, OB — старовавилонский, MA — среднеассирийский, NA — новоассирийский, NB — нововавилонский, SB — стандартный вавилонский.

Египетский язык: AR — Древнее Царство.

[12] Прачадская латеральная аффриката **ɬ* регулярно соответствует сем. **ŝ* (> *š* в аккадском, *ŝ* в иврите).

Литература / References

Коган Л. Е. Семитские языки. *Языки мира. Семитские языки*. М., 2009. С. 15–112 [Kogan L. Ye. The Semitic Languages. *Languages of the world. The Semitic Languages*. Moscow, 2009. Pp. 15–112 (in Russian)].

Коган Л. Е., Лёзов С. В. Аккадский язык. *Языки мира. Семитские языки*. М., 2009. С. 15–112 [Kogan L. Ye., Lœsov S. V. Akkadian Language. *Languages of the world. The Semitic Languages*. Moscow, 2009. Pp. 113–177 (in Russian)].

Столбова О. В. Аккадско-чадские лексические параллели. *История и языки Древнего Востока. Памяти И. М. Дьяконова*. СПб., 2002. С. 268–280 [Stolbova O. V. Akkadian-Chadic lexical parallels. *History and Languages of the Near East. To the memory of I. M. Diakonoff*. Saint-Petersburg, 2002. Pp. 268–280 (in Russian)].

Столбова О. В. *Этимологический словарь чадских языков*. М., 2016 [Stolbova Olga V. *Chadic Etymological Dictionary*, Moscow, 2016 (in Russian)].

Столбова О. В. Аккадско-чадские лексические параллели. Часть 2. *Труды Государственного Эрмитажа XCV, Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. М. Дьяконова (1915–1999)*. СПб., 2018. С. 285–291 [Stolbova O. V. Akkadian-Chadic lexical parallels. Part 2. *Transactions of the State Hermitage Museum XCV. Proceedings of the International Conference dedicated to the Centenary of I. M. Diakonoff. (1915–1999)*. Saint-Petersburg, 2018. Pp. 285–290 (in Russian)].

Cohen D. *Dictionnaire des racines sémitiques*. III. Fascicule 10, Leuven, 1993.

Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. V. Berlin, 1937.

Gelb I. J., Landsberger B., Oppenheim A. L., Reiner E. (eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Glückstadt, 1957–2010.

Huehnergard J. Proto-Semitic and Proto-Akkadian. *The Akkadian Language in its Semitic Context*. Leiden, 2006. Pp. 1–18.

Kogan L. *Genealogical Classification of Semitic. The Lexical Isoglosses*. Boston/Berlin, 2015.

Soden W. von. *Akkadisches Handwörterbuch*. Bd. 3. Wiesbaden, 1981.

Stolbova O. Akkadian data as a major component of the Proto-Semitic Lexicon. *Syria, Meccopotamia and the Comparative Study of Semitic Languages. Proceedings of the 7th and 8th Meetings of the International Association for Comparative Semitics*. Pennsylvania. Forthcoming.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Столбова О. В. *Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск VI*. М., 2020 [Stolbova Olga. *Chadic Lexical Database. Issue VI*. Moscow, 2020 (на английском языке с предисловием на русском и английском языках)]. URL: https://book.ivran.ru/book?id=5106&from=1129 (дата обращения: 08.10.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-068-074

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ МОНГОЛИИ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ

Б. Х. Кушхов[1*]

В исследовании производится комплексный анализ изменений в численности населения территориальных единиц Монголии. На основании изученных статистических данных, предоставленных информационной системой Национального статистического комитета Монголии, автор приходит к выводу о существовании двух основных трендов в изменении численности населения административных субъектов этой страны: наличие опережающих темпов роста в урбанизированных районах страны, а также непостоянность прироста населения в мало урбанизированных. При этом автором делается заключение о наличии ряда «девиаций», которые невозможно объяснить, пользуясь сугубо теоретическим инструментарием, без привлечения самых разноплановых познаний, связанных с региональной спецификой изучаемой проблемы. Интерпретируя эти аномалии посредством рассмотрения уникальных социальных, культурно-религиозных и экономико-хозяйственных условий Монголии, автор приходит к выводу о существовании таких факторов роста провинциального населения страны, как наличие значительной доли национальных меньшинств (в особенности этот пункт актуален для аймака Баян-Ульгий с его казахским этническим большинством), не склонных к переезду в крупные (преимущественно халхаские по населению) города; наличие доли населения с особой религиозной и культурной этикой в отдельных аймаках (в частности, в аймаках Баян-Ульгий и Ховд); наличие потенциальных месторождений полезных ископаемых; достаточная удаленность от крупнейших городов страны, затрудняющая миграционные перемещения; общее макроэкономическое благополучие в стране; благополучие ситуации в животноводческом секторе экономики. Помимо этого, исследование выделяет несколько факторов, провоцирующих отток или приток населения из сельской местности, таких как значительный падеж рогатого скота и экономическая стагнация (в частности, начала 2000-х годов), порождающих волны миграции в крупнейшие города, а также всплеск активности в горнодобывающем секторе. Предполагается использовать полученные выводы при прогнозировании динамики численности населения отдельных районов Монголии, а также распространить подобный исследовательский подход на аналогичные исследования других государств Востока. Применение достигнутых результатов позволит упредить региональные миграционные и демографические кризисы, а также углубить понимание проблемы «ложной урбанизации» в стране.

Ключевые слова: демография, население, Монголия, миграция, урбанизация, тенденции

Для цитирования: Кушхов Б. Х. Динамика численности населения регионов Монголии: закономерности и ключевые факторы. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 68–74. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-068-074

[1] Кушхов Борис Хабижевич, бакалавр, лаборант-исследователь Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; boris.kushkhov@yandex.ru

Boris Kh. Kushkhov, bachelor, laboratory researcher of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; boris.kushkhov@yandex.ru
ORCID: 0000–0001–5976–7749

DYNAMICS OF MONGOLIAN REGIONS' POPULATION: PATTERNS AND KEY FACTORS

Boris Kh. Kushkhov

The study provides a comprehensive analysis of changes in the population of the territorial units of Mongolia. Based on the studied statistical data provided by the information system of the National Statistical Committee of Mongolia, the author comes to the conclusion that there are two main trends in the change in the population of the administrative entities of this country: the presence of outstripping growth rates in the urbanized regions of the country, as well as the inconsistency of population growth in the less urbanized. At the same time, the author concludes that there are a number of «deviations» that cannot be explained using purely theoretical tools, without involving the most diverse knowledge related to the regional specifics of the problem under study. Interpreting these anomalies by considering the unique social, cultural, religious, economic and economic conditions of Mongolia, the author comes to the conclusion that there are such growth factors for the «provincial» population of the country as the presence of a significant proportion of national minorities (this point is especially relevant for the Bayan-Ulgiy aimag with its Kazakh ethnic majority) to the Kazakh ethnic majority, who are not inclined to move to large cities, predominantly Khalkha in population; the presence of a share of the population with a special religious and cultural ethics in certain aimags (in particular, in Bayan-Ulgiy and Khovd aimags); availability of potential mineral deposits; sufficient remoteness from the largest cities of the country, which hinders migratory movements; overall macroeconomic well-being in the country; the well-being of the situation in the livestock sector of the economy. In addition, the study highlights several factors that provoke the outflow or inflow of population from rural areas, such as a significant loss of cattle and economic stagnation (in particular, the early 2000s), generating waves of migration to the largest cities, as well as a surge in activity in the mining sector. It is supposed to use the obtained conclusions when predicting the dynamics of the population of certain regions of Mongolia, as well as to extend a similar research approach to similar studies of other states of the East. The application of the achieved results will make it possible to prevent regional migration and demographic crises, as well as to deepen the understanding of the problem of «false urbanization» in the country.

Keywords: demography, population, Mongolia, migration, urbanization, trends

For citation: Kushkhov B. Kh. Dynamics of Mongolian Region's Population: patterns and key factors. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 68–74. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-068-074

Введение

Демографические и миграционные процессы в странах Востока зачастую выходят за рамки традиционных представлений, господствующих в научной литературе. Зачастую подобный специфический характер их протекания делает невозможным анализ причин и прогноз возможных последствий на основе сугубо теоретических принципов и концепций. Исследование демографических процессов в Монголии (рубеж XX–XXI вв. — современность), рассматривающее изменение соотношения городского и «худонского» (сельского) населения, долю жителей, проживающих в столице страны — городе Улан-Баторе, динамику прироста или убыли населения ее отдельных регионов и ключевые миграционные потоки внутри страны, требует специального, «регионоведческого» подхода.

Цели и задачи

В данной статье предпринимается попытка произвести подробный анализ динамики основных демографических показателей регионов Монголии, опирающийся на комплексные междисциплинарные знания об этой стране. В качестве основного источника числовых данных используется информация Национального статистического комитета Монголии. Помимо выделения основных тенденций, исследование уделяет внимание поиску и объяснению мотивирующих их факторов. Стоит отметить, что в данной статье не подвергается анализу общая динамика численности населения страны: предполагается, что для ее изучения требуются несколько иные, более классические методы и инструменты. Таким образом, объектом данного исследования выступает не общее население государства Монголия, а демографические показатели его 22 субъектов: всех аймаков страны (всего их 21) и столицы — города Улан-Батора.

Тенденции и закономерности

Основной тенденцией в изменении численности населения отдельных районов Монголии представляется рост числа городского населения. Аймаки страны с наибольшей долей городского населения показывают самый значительный прирост.

(Субъекты приведены в порядке убывания степени урбанизации):

1. Улан-Батор: 828000 (2001) — 1639000 (2021) — рост на 197%;
2. Орхон: 77000 (2001) — 108000 (2021) — рост на 140%;
3. Дархан-Уул: 86000 (2001) — 107000 (2021) — рост на 124%;
4. Говь-Сумбэр: 12300 (2001) — 18100 (2021) — рост на 147%;
5. Дорнод: 74000 (2021) — 84000 (2021) — рост на 113%.

На основании статистических данных по численности населения всех 22 субъектов (изучался двадцатилетний хронологический срез: 2001–2021)[2] был сделан вывод о зависимости роста численности населения в монгольских аймаках от степени их урбанизации. Более того, выборка субъектов с лучшими демографическими показателями демонстрирует нелинейность этой зависимости, которая усиливается применительно к самым урбанизированным аймакам.

Несмотря на наличие подобной закономерности, были также выявлены некоторые «девиации», которые невозможно объяснить, опираясь исключительно на заключение, сделанное выше. Особняком в этом отношении стоит аймак Баян-Ульгий, расположенный на крайнем западе страны: несмотря на низкий уровень урбанизации (33% — ниже среднего по стране даже за вычетом Улан-Батора), население аймака за 20 лет выросло с 89000 до 113000 жителей, что ставит его на четвертое место в стране по приросту с показателем в 127%[3]. Данную аномалию можно объяснить уникальным этническим составом населения аймака: основную массу его жителей (более 70%) составляют алтайские казахи [Дашковский, Цэдэв, Шершнева, 2010,

[2] Population of Mongolia, by region, aimags and the Capital, urban and rural. URL: https://1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_0300_004V1&RESIDENT_select_all=0&RESIDENTSingleSelect=_1&SOUM_select_all=0&SOUMSingleSelect=_183_182_181_185_184_265_264_263_261_262_267_342_345_344_348_346_343_341_421_422_423_511&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=_2021_2017_2013_2009_2005_2001&viewtype=columnchart (дата обращения: 29.10.2022).

[3] Population of Mongolia, by region, aimags and the Capital, urban and rural. URL: https://1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_0300_004V1&RESIDENT_select_all=0&RESIDENTSingleSelect=_1&SOUM_select_all=0&SOUMSingleSelect=_183_182_181_185_184_265_264_263_261_262_267_342_345_344_348_346_343_341_421_422_423_511&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=_2021_2017_2013_2009_2005_2001&viewtype=columnchart (дата обращения: 29.10.2022).

с. 181]. В силу доминирования в их среде традиционных исламских ценностей в регионе более высокая рождаемость, нежели в других аймаках страны [Ракишева, 2015, с. 132]. Вдобавок благодаря географической удаленности Баян-Ульгия от крупнейших городов страны (это самый дальний аймак Монголии от Улан-Батора, от аймачного центра которого до столицы Монголии 1250 километров по прямой), а также различию в этнической композиции аймака и городского населения страны[4] (большинство которого — этнические халхи) результаты его значительного естественного прироста населения не «съедаются» миграцией в города.

Также нестандартная ситуация складывается и в аймаке Умнеговь, где при такой же незначительной доле городского населения численность жителей выросла с 2001 по 2021 годы с 49 до 72 тысяч человек (147%)[5]. Эта аномалия, в свою очередь, может быть объяснена «бумом» горной добычи в аймаке: на его территории находится крупнейшее угольное месторождение страны Таван-Толгой[6], а также медно-золоторудная шахта Оюутолгой[7]. Значительный «скачок» в росте населения этого региона Монголии пришелся как раз на 2009–2013 годы, когда началось активное освоение его природных богатств. Так, за четыре года−с 2009 по 2013-й−население аймака приросло более чем на 10000 человек, что составляет более 40% от всего прироста за пятикратно больший хронологический период[8]. Подобная ситуация, но в менее «контрастных тонах», прослеживается и с аймаком Дорноговь, который показывает более сбалансированные темпы прироста из-за наличия большого количества менее крупных месторождений — в частности, месторождений плавикового шпата, цветных и редких металлов, горючих сланцев, каменного угля, флюорита и нефти, большинство из которых начали разрабатываться в последние несколько десятилетий[9].

Таким образом, «аномальная» ситуация с аймаками Баян-Ульгий, Дорноговь и Умнеговь не противоречит тезису о прямой зависимости прироста населения регионов страны от степени их урбанизации, которая возрастает по мере продвижения по списку к самым урбанизированным аймакам и, соответственно, городу Улан-Батору. Исходя из партикулярного анализа ситуации в аймаках Дорноговь и Умнеговь, можно делать вывод о существовании такого регионального «драйвера» прироста и притока населения в Монголии, как введение в экономический оборот месторождений полезных ископаемых, которое требует от страны переброски значительных для ее масштабов трудовых ресурсов.

Если рассматривать динамику численности населения не по аймакам, а по условным макрорегионам страны (Западный, Хангайский, Восточный и Центральный), становится очевидной еще одна закономерность. Демографические тренды в «провинциальных» районах страны (имеются в виду все субъекты страны за исключением Улан-Батора) за последние 20 с лишним лет значительно изменялись дважды: в 2000–2002 и в 2011–2012 годах[10]. В первом случае численность

[4] How do Mongols treat Kazakhs? URL: https://asiarussia.ru/blogs/22552/ (дата обращения: 04.10.2022).

[5] Population of Mongolia, by region, aimags and the Capital, urban and rural. URL https://1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_0300_004V1&RESIDENT_select_all=0&RESIDENTSingleSelect=_1&SOUM_select_all=0&SOUMSingleSelect=_183_182_181_185_184_265_264_263_261_262_267_342_345_344_348_346_343_341_421_422_423_511&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=_2021_2017_2013_2009_2005_2001&viewtype=columnchart (дата обращения: 03.11.2022).

[6] Ордын түүх. URL: https://www.tavantolgoi.mn/ordiin-tuhai (дата обращения: 31.10.2022).

[7] Тайлан. URL: https://www.ot.mn/тайлан/ (дата обращения: 31.10.2022).

[8] POPULATION OF MONGOLIA, by region, aimags and the Capital, urban and rural. URL: https://1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_0300_004V1&RESIDENT_select_all=0&RESIDENTSingleSelect=_1&SOUM_select_all=0&SOUMSingleSelect=_346_344&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=_2021_2017_2013_2009_2005_2001&viewtype=columnchart (дата обращения: 31.10.2022).

[9] ВОСТОЧНО-ГОБИЙСКИЙ (ДОРНОГОВЬ) АЙМАК. URL: https://legendtour.ru/rus/mongolia/regions/dornogovi-aimag.shtml (дата обращения: 29.10.2022).

[10] POPULATION OF MONGOLIA, by region, aimags and the Capital, urban and rural. URL: https://1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_0300_004V1&RESIDENT_select_all=0&RESIDENTSingleSelect=_1&SOUM_select_all=0&S

«провинциального» населения резко стала сокращаться, в то время как во втором — резко восстановила свой рост. Эти неожиданные преломления, как и исключения из первой выявленной тенденции, требуют сугубо «регионоведческого» объяснения.

Оба «переломных» периода были экономически значимыми для Монголии: в 2000–2002 годах страна испытала на себе эхо Азиатского экономического кризиса[11], а также дефолта в РФ и находилась в состоянии крупной экономической стагнации. В 2011–2012 годах на положении в стране сказался резкий глобальный рост цен на сырье, который активизировал добычу полезных ископаемых в Монголии [Монхбаяр, 2012, с. 13]. Следовательно, причиной резкого сокращения численности населения «вне столицы» послужило бедственное положение в провинциальных районах, которое сложилось в результате экономического кризиса [Ендон, Жалсанова, 2019, с. 54]. В это же время причиной возобновления прироста численности населения вне Улан-Батора стал крупный экономический импульс, мотивировавший введение в экономический оборот большого количества месторождений, рассредоточенных в слаборазвитых районах страны с наименьшей степенью урбанизации [Монхбаяр, 2012, с. 15].

В контексте двух «сдвигов» представляется важным упомянуть еще одно значимое явление, которое, вероятно, спровоцировало как отток населения из сельских районов в 2000–2002 годах, так и восстановление «положительных» показателей роста населения в них в 2011–2012е годах: Так, в 2000–2002 годах наблюдался один из крупнейших «дзутов» в истории современной Монголии[12] («дзутом» — монг. зуд–называется падеж скота). Выделяются разные его категории: «белый дзут» из-за обильных снегопадов, сильных морозов или гололеда, «черный дзут» — из-за отсутствия снега на зимних пастбищах, «копытный дзут», а также «дзут засухи». Предполагается, что за два года падежа, в два с лишним раза превышавшего уровень пяти предшествовавших ему лет (326 тысяч голов, погибших от одних только инфекционных заболеваний в 2001 г. против среднего показателя в 180–200 тысяч в 1996–1999 гг.), многие сельские жители остались без своего домашнего скота и были вынуждены отправиться на заработки в города с целью обеспечения своего пропитания, которое они уже не были в состоянии гарантировать себе в провинциальных районах. Наоборот, 2011–2012 годы стали годами резкого сокращения сезонного падежа в 2,5–3 раза от показателей предшествовавших лет [Гурова, 2011, с. 159], что могло замотивировать сельское население как оставаться в родной им местности, так и, вероятно, вернуться из города, в который они приехали после предыдущего крупного «дзута». Эта теория подтверждается и показателями начала 1990-х годов, когда реструктуризация животноводства привела к многократному росту показателей падежа, которые совпали с крупнейшей волной урбанизации в истории страны[13]. Таким образом, предполагается оправданным тезис о значительной зависимости темпов урбанизации и динамики численности населения в отдельных районах страны от состояния национального поголовья рогатого скота.

Также представляется важным отметить еще один фактор, определивший масштаб оттока населения из различных аймаков страны в 2000-е годы. В частности, географическая близость отдельных аймаков к крупнейшим городам страны — Улан-Батору, Эрдэнэту и Дархану сильнее

OUMSingleSelect=_1_2_3_4&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=_2021_2005_2001_1997_1999_2000_2002_2003_2004_2006&viewtype=columnchart (дата обращения: 29.10.2022).

[11] Азиатский экономический кризис 1997–1998 гг. — региональный кризис экономик стран Юго-Восточной Азии, оказавший значительное влияние на макроэкономические процессы по всему миру.

[12] NUMBER OF HEADS OF ANIMALS WHICH DIED FROM DISAESES, by region, bag, soum, aimag and capital. URL: https://1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_1001_013V3&13999001_select_all=0&13999001SingleSelect=_T1&BAG_select_all=0&BAGSingleSelect=_0&YearY_select_all=1&YearYSingleSelect=&viewtype=columnchart (дата обращения: 28.10.2022).

[13] Ibid.

мотивирует их жителей менять свое место жительства в пользу города. Так, в 2002–2010 годы едва ли не крупнейшее сокращение численности населения в масштабах страны произошло именно в аймаке Туве (монг. Төв), который со всех сторон окружает Улан-Батор. Его население за пять лет — с 2002 по 2006 год — упало с 95 до 82 тысяч человек (на 14% при очевидном естественном приросте)[14].

Заключение

Таким образом, наиболее благоприятные условия для роста численности населения отдельных монгольских аймаков представляются следующими:

1) высокая степень урбанизации (актуально для наиболее урбанизированных аймаков и Улан-Батора);
2) наличие значительной доли национальных меньшинств — в частности, казахов и тувинцев, не склонных к переезду в крупные города, в которых им будет необходимо тесно сосуществовать с халхаским этническим большинством (актуально для наиболее провинциальных аймаков);
3) наличие значительной доли населения с особой религиозной и культурной этикой[15], предполагающей более высокую рождаемость (на примере аймака Баян-Ульгий);
4) наличие потенциальных месторождений полезных ископаемых;
5) достаточная удаленность от крупнейших городов страны, затрудняющая миграционные перемещения;
6) макроэкономическое благополучие в стране;
7) благополучие ситуации в животноводческом секторе экономики (низкий уровень сезонного падежа).

Помимо этого, можно также выделить и несколько неочевидных фактора роста отдельно для городского и сельского населения Монголии. Так, значительный падеж рогатого скота и экономическая стагнация являются важными драйверами притока населения из провинциальных районов в крупнейшие города. В это же время всплеск активности в горнодобывающем секторе, а также нормализация обстановки в животноводческом секторе являются одними из важнейших драйверов оттока населения из городов в провинциальные районы страны.

Данное исследование явственно иллюстрирует ограниченную способность классических демографических теорий объяснить ряд внутринациональных процессов, связанных с изменением численности населения отдельных регионов, «внутристрановой» миграцией и соотношением прироста сельского и городского населения. На подобном уровне анализа, затрагивающем наиболее узкие вопросы регионоведения, представляется необходимым проведение анализа с максимальным учетом уникальных «местных» факторов, имеющих совершенно разную природу — начиная с культурно-религиозной и заканчивая этнической, социальной и экономико-хозяйственной.

[14] POPULATION OF MONGOLIA, by region, aimags and the Capital, urban and rural. URL: https://1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_0300_004V1&RESIDENT_select_all=0&RESIDENTSingleSelect=_1&SOUM_select_all=0&SOUMSingleSelect=_341&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=_2021_2005_2001_1997_1999_2000_2002_2003_2004_2006_2007_2008_2009_2010_2011_2012_2013_2014_2015_2016_2017&viewtype=columnchart (дата обращения: 28.10.2022).

[15] Имеются в виду порядка 3–4% граждан Монголии, исповедующих ислам.

Литература / References

Гурова О. Н. Традиционное животноводство Монголии. *Вестник КрасГАУ*. 2011. № 11. С. 158–162 [Gurova O. N. Mongolian traditional animal husbandry. *Vestnik KrasGAU*. 2011. № 11. Pp. 158–162 (in Russian)].

Дашковский П. К., Цэдэв Н., Шершнева Е. А. Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии. *Народы и религии Евразии*. 2010. № 4. С. 180–186 [Dashkovskij P. K., Cedev N., SHershneva E. A. Some Peculiarities of the Ethno-Confessional Situation in the Bayan-Ulgii Aimag of Mongolia. *Narody i religii Evrazii*. 2010. № 4. Pp. 180–186 (in Russian)].

Ендон У, Жалсанова В. Г. Социологический анализ пространственной сегрегации Улан-Батора. *Теория и практика общественного развития*. 2019. № 4 (134). С. 51–55 [YOndon U, ZHalsanova V. G. Sociological analysis of the spatial segregation of Ulaanbaatar. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2019. № 4 (134). Pp. 51–55 (in Russian)].

Монхбаяр М. Состояние горнорудной промышленности Монголии: проблемы и перспективы развития. *Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития*. 2012. № 2–1. С. 13–18 [Monhbayar M. The state of the mining industry in Mongolia: problems and development prospects. *Ekonomika i upravlenie: analiz tendencij i perspektiv razvitiya*. 2012. № 2–1. Pp. 13–18 (in Russian)].

Ракишева Б. Некоторые аспекты этничности казахов Китая. *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. № 18 (2). С. 128–146 [Rakisheva B. Some aspects of the ethnicity of the Kazakhs in China. *Central'naya Aziya i Kavkaz*. 2015. № 18 (2), Pp. 128–146 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Оюу толгой ХХК сайт. URL: https://www.ot.mn/ (дата обращения: 31.10.2022).

Статистикийн мэдээлийн нэгдсэн сан. URL: https://1212.mn/ (дата обращения: 28.10.2022).

Тавантолгой ХК сайт. URL: https://www.tavantolgoi.mn/ordiin-tuhai (дата обращения: 31.10.2022).

Asia Russia Daily. URL: https://asiarussia.ru/ (дата обращения: 04.10.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-075-082

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ТУНИСА

З. А. Соловьева[1]

В настоящее время тунисская экономика, пережившая снижение по многим показателям из-за пандемии COVID-19, находится в сложной ситуации из-за высокого уровня государственной задолженности. В данной статье автор анализирует некоторые факторы, ставшие причиной хронического бюджетного дефицита Туниса, породившей это негативное явление. В их число входят высокий уровень расходов на неэффективное функционирование госсектора, объемные затраты на фонд зарплат госслужащих, а также нерациональная система субсидирования основных потребительских товаров для населения. Тунисское руководство видит решение проблемы в получении кредитов от международных финансовых организаций, в первую очередь Международного валютного фонда. Однако в качестве условия предоставления финансовой помощи выдвигается введение режима жесткой экономии путем проведения непопулярных реформ, включающих повышение эффективности госпредприятий, введение контроля за ростом зарплат и изменение системы субсидирования, что сложно осуществить в нынешней социально-политической обстановке в стране.

Ключевые слова: Госбюджет, госдолг, государственные предприятия, фонд заработной платы, система субсидирования, внешняя задолженность, займы, Международный валютный фонд

Для цитирования: Соловьева З. А. Некоторые факторы образования государственной задолженности Туниса. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 75–82. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-075-082

SOME FACTORS OF THE FORMATION OF STATE INDEBTEDNESS IN TUNISIA

Zoya A. Solovieva

The Tunisian economy, which has experienced a decline in many indicators due to the COVID-19 pandemic, is currently in a difficult situation due to the high level of public debt. In this article, the author analyzes some of the factors that have caused Tunisia's chronic budget deficit, which has become the main cause of this negative phenomenon. These include the high level of expenditures on the inefficient functioning of the public sector, the voluminous expenditures on the wage fund of civil servants, and the irrational system of subsidizing basic consumer goods for the population. The Tunisian leadership sees the solution in obtaining loans

[1] Соловьева Зоя Александровна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН; zsolov@yandex.ru

Zoya A. Solovieva, PhD (Economy), Researcher, Center for Arab and Islamic studies, Institute of Oriental Studies. zsolov@yandex.ru;
ORCID: 0000–0002–7596–3712

from international financial institutions, primarily the International Monetary Fund. However, the condition for granting financial aid is the introduction of austerity measures through unpopular reforms, including increasing the efficiency of state enterprises, introducing wage growth controls and changing the subsidy system, which is difficult to implement in the complex socio-political situation in the country.

Keywords: State budget, public debt, state-owned enterprises, wage bill, subsidy system, foreign indebtedness, loans, International monetary fund

For citation: Solovieva Z. A. Some Factors of the Formation of State Indebtedness in Tunisia. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 75–82. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-075-082

В конце 2021 г. правительством Туниса был представлен на рассмотрение парламента государственный бюджет страны. Согласно этому документу, для осуществления намеченных планов и обеспечения нормального функционирования экономики понадобится привлечь дополнительно около 6 млрд евро в качестве заимствований. При общей сумме расходов, предусмотренных в размере 57,2 млрд тунисских динаров (ТД) (около 17,6 млрд евро), ожидается бюджетный дефицит в 8,5 млрд ТД (2,6 млрд евро), что приближается к 6,2% ВВП. Таким образом, руководство Туниса собирается получить 12,6 млрд ТД (3,9 млрд евро) в виде внешних займов и 7,3 млрд ТД (2,3 млрд евро) за счет внутренних кредитов. Между тем к 2021 г. госдолг страны уже достиг внушительной суммы в 100 млрд ТД (около 30 млрд евро), что составляет 100% ВВП[2]. Из общего объема долга около 40% приходится на внутренний, 60% — на внешний долг.

Как и в большинстве государств мира, экономика и население Туниса серьезно пострадали от пандемии COVID-19. Сокращение ВВП в наиболее тяжелом 2020 г. составило 8,7% — заметно больше, чем в других странах Магриба (в Алжире аналогичный показатель был равен 5,1%, в Марокко — 6,3%)[3]. При этом объем финансовых ресурсов, направленный из средств госбюджета на различные программы помощи бизнесу и населению, был достаточно значительным: в Тунисе на эти цели было израсходовано 2,3% ВВП, в Марокко–3%, в Алжире — 1,1%[4].

Как известно, наиболее травмирующими факторами в период пандемии стали прекращение работы предприятий, закрытие границ, ограничения в работе транспорта, снижение мобильности населения, нарушения в международных товарных и финансовых потоках. Тунис, обладающий самой открытой экономикой среди государств Магриба (так, по данным на 2018 г. внешнеторговая квота составляла здесь 104% по сравнению с 77% в Марокко и 46% в Алжире)[5], ожидаемо в большей степени пострадал от их воздействия. Свою роль сыграло также преобладание сектора услуг в ВВП страны (более 60%), в том числе транспорта, туризма, гостинично-ресторанного дела. Именно эти сферы хозяйства в полной мере испытали на себе негативное воздействие локдаунов и ограничения товарных и людских потоков. К ним следует добавить экспорториентированные отрасли промышленности, к которым в Тунисе относятся текстильная, электротехническая и механическая, пищевая промышленность, нефтепереработка, спрос на продукцию которых заметно снизился во время пандемии в странах Европы, являющихся

[2] La Tunisie prevoit un endettement de 6 milliards d'euros en 2022. Le Point Afrique. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/la-tunisie-prevoit-un-endettement-de-6-milliards-d-euros-en-2022–28–12–2021–2458400_3826.php (дата обращения: 30.03.2022).

[3] The World Bank Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=DZ-TN-MA (дата обращения: 16.09.2022).

[4] Tunisie. Les reformes economique pour sortir de la crise. Bulletin de conjuncture. Hiver 2021. P. 4. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/909301642180849531/pdf/Tunisia-Economic-Monitor-Economic-Reforms-to-Navigate-Out-of-the-Crisis-Winter-2021.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

[5] The World Bank Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/ (дата обращения: 20.09.2022).

основными тунисскими торговыми партнерами. В 2020 г. падение производства составило 9,3% в отраслях обрабатывающей промышленности (9,5% в целом в промышленном секторе), 13,3% в секторе услуг; небольшой рост (0,4%) наблюдался в сельском хозяйстве. Экспорт Туниса снизился на 27,4%, происходило также сокращение импорта (на 21,9%)[6].

Кризис, вызванный пандемией, увеличил задолженность Туниса до более высоких уровней, в то время как фискальные риски уже вызывали обеспокоенность. В результате подобной ситуации кредитный рейтинг страны ухудшился (Агентство Moody's понизило суверенный рейтинг Туниса в седьмой раз с 2011 г. до B3 (неинвестиционный уровень) с негативным прогнозом), что, в свою очередь, затрудняло получение нового финансирования. Несмотря на недавние успехи в балансировании бюджета, вследствие снижения налоговых поступлений (на 76%) и роста расходов, в том числе на борьбу с последствиями пандемии (на 24%), бюджетный дефицит в 2020 г. достиг 10,4% ВВП, что намного превысило показатели предыдущих лет[7].

Однако необходимо отметить, что проблема задолженности Туниса, ставшая ярким проявлением общего неблагополучия в экономике страны, не возникла внезапно в результате кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Вызвавшие ее причины накапливались постепенно в течение по крайней мере последнего десятилетия.

С 2011 г., когда в стране случились социальные волнения, положившие начало «арабской весне» и приведшие к смене власти, экономика Туниса росла вяло и медленно. В 2011 г. наблюдалось даже падение ВВП на 2%. Максимальные значения наблюдались в 2015–2016 гг. (более 3%), а с 2017 г. и вплоть до начала пандемии ВВП увеличивался ежегодно лишь немногим более чем на 1%[8].

Уже в 2017 г. при принятии закона о госбюджете намечалось 27% расходов профинансировать за счет заемных ресурсов. При этом также планировалось увеличить налоговое бремя путем повышения ряда существующих налогов (в том числе налога на добавленную стоимость) и введения новых (например, т. н. солидарного социального взноса, составляющего 1% от облагаемой суммы дохода и предназначенного для ликвидации задолженности Национального фонда социальной солидарности, достигшей к 2018 г. 5,2 млрд ТД[9]). Отметим, что к этому моменту общая сумма кредитов, полученных Тунисом на нужды экономического развития, уже составила 46 млрд ТД[10].

Руководство страны осознавало необходимость кардинальных перемен в подходе к вопросам экономического развития, в том числе в рационализации доходов и расходов бюджета, но это было трудновыполнимой задачей без структурной перестройки существующей модели хозяйства. Вместе с тем сложная социально-политическая обстановка в Тунисе, наличие мощного оппозиционного движения вызывали опасения новых социальных взрывов в случае принятия непопулярных решений.

---

[6] Tunisie. Les reformes economique pour sortir de la crise. Bulletin de conjuncture. Hiver 2021. P. 14. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/909301642180849531/pdf/Tunisia-Economic-Monitor-Economic-Reforms-to-Navigate-Out-of-the-Crisis-Winter-2021.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

[7] Tunisia Economic Monitor. Navigating out of the crisis. Spring 2021. P.10. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36123 (дата обращения: 21.09.2022).

[8] The World Bank Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=TN (дата обращения: 22.09.2022).

[9] Trabelsi M. La contribution sociale de solidarité n'est pas un impôt spécifique. URL: https://www.webmanagercenter.com/2018/01/26/415338/mohamed-trabelsi-la-contribution-sociale-de-solidarite-nest-pas-un-impot-specifique/ (дата обращения: 21.09.2022).

[10] Delmas B. Tunisie: la loi de finances: debat de societe. URL: https://www.lepoint.fr/economie/tunisie-la-loi-de-finances-un-debat-de-societe-26–11–2017–2175189_28.php (дата обращения: 14.09.2022).

Накануне событий 2011 г. значительная часть национального богатства Туниса, в частности, доходов от различных видов предпринимательской деятельности, была сконцентрирована в руках группы количеством чуть более 100 человек из окружения президента Бен Али. Целая система ограничений создавала препятствия для остальных граждан страны, желавших заняться бизнесом в большинстве сфер хозяйства. Сейчас, спустя более десятилетия после падения режима Бен Али, существовавшие схемы ограничения доступа к свободному предпринимательству по-прежнему функционируют — сменились лишь получатели привилегий. Как и прежде, распространение имеет как облегченный доступ к наиболее выгодным видам бизнеса, так и труднопреодолимые законодательные барьеры, препятствующие конкуренции и организации динамичных частных компаний. По мнению ряда международных экспертов, уровень конкуренции и возможности для возникновения новых видов деятельности даже снизился. Так, в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности, строительстве существует ряд запретов, особых требований, ограничений, принятых более 40 лет назад. В отраслях, куда допускаются частные инвесторы, действует около трех сотен специальных разрешений, лишь небольшая часть которых была упразднена в последние годы. А в некоторые виды деятельности (например, импорт риса, кофе, чая, сахара, переработка говядины) вход для частных предпринимателей практически закрыт.

Правительство также жестко регламентирует ведение бизнеса путем контроля цен на некоторые виды товаров, в том числе продовольствие, табачные изделия, фармацевтическую продукцию, топливо, строительные материалы.

Вместе с тем предприятия и компании госсектора практически выведены из конкурентной среды и пользуются разносторонней поддержкой государства, преимущественно в форме субсидий и прямых трансфертов из бюджета. Государственные предприятия (ГП) занимают важное место в ряде сфер хозяйства Туниса, в том числе в энергетике, сельском хозяйстве, на транспорте, в здравоохранении, образовании, финансовом секторе. На 2019 г. в стране насчитывалось примерно 110 ГП, а доля их продукции и услуг в ВВП составляла 9,5% (по последним имеющимся данным на 2014 г.). Основная проблема госсектора — низкая и постоянно сокращающаяся доходность работы ГП. Так, у 30 крупнейших ГП она особенно заметно упала в период 2017–2019 гг., при этом их суммарная капитализация сократилась за тот же период с 8% до 0,7% ВВП[11].В связи с низкой доходностью ГП возникает необходимость финансирования их затрат из госбюджета, растет задолженность ГП перед государством. По подсчетам экспертов МВФ, в 2019 г. долг 30 самых крупных ГП достиг 40% ВВП Туниса, при этом ежегодные бюджетные трансферты предприятиям составляли 7–8% ВВП. Необходимо отметить, что средние зарплаты работников указанных предприятий были на 50% выше, чем в остальном госсекторе[12]. Таким образом, тунисские ГП не только вытесняют частный сектор из наиболее прибыльных сфер хозяйства, но и пользуются привилегированным положением в экономике, а их финансовые потери ложатся тяжелым бременем на госбюджет и вносят свою лепту в формирование госдолга страны.

Другой фактор, отягощающий государственные финансы страны,— непропорционально высокие расходы на фонд зарплат госслужащих. В стране с населением около 12 млн жителей их численность составляет 680 тыс. человек[13]. За 2011–2021 гг. объем бюджетных затрат на зарплаты

[11] State-Owned Enterprises in Middle East, North Africa, and Central Asia. Role, Performance and Challenges. DP/021/2019. IMF. P.17. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2021/09/17/State-Owned-Enterprises-in-Middle-East-North-Africa-and-Central-Asia-Size-Costs-and-464657 (дата обращения: 20.09.2022).

[12] 2021 Investment Climate Statements: Tunisia. URL: https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/tunisia/ (дата обращения: 15.09.2022).

[13] Jomni M. La crise de la dette en Tunisie dans un contexte pandémique aigu. URL: https://www.aa.com.tr/fr/%C3%A9conomie/la-crise-de-la-dette-en-tunisie-dans-un-contexte-pand%C3%A9mique-aigu/2474219 (дата обращения: 30.03.2022).

госслужащим увеличился с 10,7% до 17,6% ВВП. Это в три раза превышает сумму, направленную на государственные капиталовложения, и в шесть раз — на социальные программы[14]. В существующей сложной социально-политической обстановке в стране, где к тому же присутствует мощное профсоюзное движение, государство не находит других возможностей бороться с безработицей. В середине 2022 г. в результате переговоров с профсоюзным объединением Всеобщее тунисское объединение труда (Union generale tunisienne du travail — UGTT), насчитывающим около полумиллиона членов, было достигнуто соглашение об очередном повышении заработной платы госслужащим на 3,5% в период 2023–2025 гг.[15] Госслужба, таким образом, выступает своего рода «поглотителем» для незанятых рабочих рук, в известной мере способствует частичному рассасыванию безработицы и снижению социальной напряженности. С другой стороны, подобную роль мог бы играть частный сектор при проведении государством соответствующей стимулирующей стратегии, особенно в части организации мелких и средних предприятий.

Еще одной крупной расходной статьей госбюджета страны являются субсидии, компенсирующие населению стоимость основных продовольственных товаров и топлива. Существующая система была организована еще в 70-е годы, когда образовался Всеобщий тунисский компенсационный фонд, предназначенный для поддержания низких цен на основные потребительские товары. В перечень субсидируемых товаров и услуг входят энергоносители и топливо (электричество, газ, бензин), хлеб и другая продукция, производимая из зерна (мука, кускус, макаронные изделия), а также расходы на транспорт и водопотребление. В 2022 г. ожидаемая сумма субсидий достигнет 4,2 млрд ТД (1,39 млрд долл.), в то время как в 2010 г. она была почти в шесть раз меньше (730 млн ТД)[16]. В проекте госбюджета на 2022 г. расходы по данной статье были запланированы в размере 6% ВВП[17].

Вместе с тем, по словам тунисского министра по социальным вопросам, количество обездоленных семей в стране возросло с 310 тыс. в 2010 г. до 960 тыс. в настоящее время, и около половины населения страны находится ниже черты бедности[18]. Более рациональным решением было бы оказание адресной помощи именно наименее обеспеченным группам населения. Иначе при существующем росте цен на продовольствие и энергоносители понадобится существенное увеличение расходов на их компенсацию. Так, например, по оценкам специалистов Всемирного банка, при сохранении мировых цен на нефть на уровне первых пяти месяцев 2022 г. (103 долл. за баррель) понадобится дополнительно почти 4 млрд ТД для субсидирования энергоносителей для населения (госбюджет Туниса был рассчитан исходя из цены 73 долл. за баррель). Аналогично при столь же высоких ценах на зерно на мировом рынке, как в первой половине 2022 г., необходимая сумма на субсидии продовольственных товаров увеличится на 0,5 млрд ТД. А в целом дополнительные расходы бюджета на субсидии возрастут на 3,3% ВВП[19]. Замена субсидирования потребительских цен на зерно и его производные на прямые трансферты домашним хозяйствам

[14] Tunisia Economic Monitor. Navigating out of the crisis. Spring 2021. P.12. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36123 (дата обращения: 21.09.2022).

[15] Tunisia: government agrees to increase state employee wages. URL: https://www.middleeastmonitor.com/20220915-tunisia-government-agrees-to-increase-state-employee-wages/ (дата обращения: 26.09.2022).

[16] Tunisia to start subsidy cuts in 2023: minister. URL: https://english.news.cn/20220608/2d83ddce864a458b90f7986dcb8dedad/c.html#:~: text=The%20spending%20on%20subsidies%20in, said%20at%20a%20press%20conference (дата обращения: 14.09.2022).

[17] Blaise L. Tunisia struggles to reform its unbalanced food subsidies. URL: https://www.lemonde.fr/en/economy/article/2022/05/15/tunisia-struggles-to-reform-its-unbalanced-food-subsidies_5983534_19.html (дата обращения: 27.09.2022).

[18] Signs of a Tunisian economy in trouble. URL: https://www.reuters.com/world/africa/signs-tunisian-economy-trouble-2022–07–24/ (дата обращения: 25.08.2022).

[19] Tunisie. Bulletin de conjuncture. Gerer la crise en temps d'incertitude. Ete 2022. P. 5. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099545309022221695/pdf/IDU0b1b8a29501081041bb0b08a08b06fa08506a.pdf (дата обращения: 27.09.2022).

могла бы сэкономить бюджетные расходы, а также повысить эффективность и устойчивость всей продовольственной системы. Однако подобная реформа является политически и социально чувствительной. При сохраняющейся напряженности в стране и противодействии профсоюзов решение о ее реализации является сложной проблемой для руководства.

К 2022 г. внутренний госдолг Туниса составил 14 млрд долл., внешний долг — почти 21,6 млрд долл.[20] Наличие внешней задолженности снижает кредитный рейтинг страны, что усложняет получение новых внешних займов и приток прямых инвестиций в ее экономику.

Учитывая сохраняющиеся трудности с доступом к международному финансированию, Центральный банк Туниса обращается к выпуску казначейских облигаций, что заметно повышает ликвидность, но способствует росту инфляции, а также, ввиду преимущественного направления финансовых ресурсов государственным предприятиям, снижает возможности кредитования частного сектора. Так, в июне 2022 г. уровень инфляции в Тунисе превысил 8%, — это максимальный показатель за последние 30 лет[21].

Растущая инфляция побудила Центральный банк поднять ключевую процентную ставку на 0,75 базисных пункта, что стало первым повышением с октября 2020 г. Тем не менее процентная ставка остается отрицательной в реальном выражении. Данное мероприятие имело своей целью ограничение кредитования путем увеличения расходов, снижение спроса на импортные товары, сохранение валютных резервов и укрепление динара. Также важной задачей было избежать инфляционной спирали. Эффективность подобной политики будет зависеть от сопутствующих мер, а также от способности руководства инициировать макроэкономическую стабилизацию.

Большую проблему для страны представляет наличие объемного внешнего долга. Среди основных международных кредиторов Туниса следует перечислить Всемирный банк, Международный валютный фонд, Африканский банк развития, Европейский инвестиционный банк; значительные средства на двусторонней основе были получены от Франции, Германии, Алжира, Кувейта, Японии. Положительным моментом является то, что большая часть договоров по тунисскому внешнему долгу заключена на сравнительно благоприятных условиях — на длительный срок и с низкой процентной ставкой.

Еще весной 2021 г. руководство Туниса обратилось в МВФ с просьбой о выделении займа на нужды функционирования экономики в размере 4 млрд долл. Переговоры с фондом продолжились и в первой половине 2022 г. Основную трудность представляет тот факт, что в качестве условия предоставления кредита МВФ выдвигается необходимость принятия программы стабилизации экономики Туниса, предусматривающей жесткие меры экономии. В частности, требования кредиторов включают реформу госсектора, сокращение непропорционально объемного фонда зарплат госслужащих, внесение изменений в систему субсидирования товаров и услуг для населения и налоговую систему. Необходимо заметить, что в 2016 г. правительство Туниса уже обращалось в МВФ с просьбой о предоставлении кредита на сумму 2,8 млрд долл., однако в связи с неспособностью правительства страны обеспечить проведение необходимых, по мнению фонда, реформ фактически было получено лишь 1,6 млрд долл.[22]

---

[20] Ortiz J. Tunisia's long battle to curb its soaring public debt and halt inflation. URL: https://atalayar.com/en/content/tunisias-long-battle-curb-its-soaring-public-debt-and-halt-inflation (дата обращения: 27.09.2022).

[21] Tunisie. Bulletin de conjuncture. Gerer la crise en temps d'incertitude. Ete 2022. P. 7. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099545309022221695/pdf/IDU0b1b8a29501081041bb0b08a08b06fa08506a.pdf (дата обращения: 27.09.2022).

[22] Jomni M. La crise de la dette en Tunisie dans un context pandemique aigu. URL: https://www.aa.com.tr/fr/%C3%A9conomie/la-crise-de-la-dette-en-tunisie-dans-un-contexte-pand%C3%A9mique-aigu/2474219 (дата обращения: 30.03.2022).

Против подобных мер выступает профсоюзное объединение ВТОТ, в частности, организовавшее всеобщую забастовку в июне 2022 г. после того, как правительство объявило о грядущей реформе системы субсидирования. Она была поддержана практически всем населением страны. Однако одним из условий предоставления займа МВФ является проведение социального диалога в обществе и достижение конструктивного согласия всех партнеров на проведение необходимых реформ.

Последние переговоры руководства Туниса с миссией МВФ были проведены в июле 2022 г. В сообщении экспертов фонда, выпущенном по их завершению, отмечалось, что, хотя окончательное решение о выделении кредита еще не принято, в стране существует готовность к проведению необходимых экономических реформ, которые должны быть поддержаны международными организациями. «Власти продвигают программу экономических реформ для поддержания макроэкономической стабильности, поддержки инклюзивного роста и укрепления систем социальной защиты, а также налоговой справедливости. Мы приветствуем открытость правительства и социальных партнеров для конструктивного диалога по реализации социально ориентированной и благоприятной для роста программы реформ»[23]— говорится в сделанной по итогам работы экспертов декларации.

Действительно, в середине августа было объявлено, что достигнуто соглашение между правительством и представителями основных профсоюзных организаций Туниса, в том числе ВТОТ, о заключении «социального контракта» с целью осуществления необходимых реформ. Необходимо отметить, что обнародованная еще в июне 2022 г. программа реформирования экономики страны носит более широкий и всеобъемлющий характер. Так, в ней намечены несколько основных целей: развитие инициативы и конкуренции; поддержание устойчивости финансового сектора; улучшение функционирования госсектора; внедрение цифровизации; создание оптимальной среды для развития человеческих ресурсов; социальная вовлеченность населения в процесс устойчивого развития. Представляется, однако, что указанные цели носят достаточно декларативный и общий характер, а их конкретное осуществление нуждается в дальнейшей практической разработке и финансовой подпитке, что в существующей ситуации трудноосуществимо.

Регулярное использование внешних заемных средств вряд ли способно решить проблемы хронического дефицита государственного бюджета и финансирования развития экономики страны. В данной ситуации необходимо проведение макроэкономических реформ, направленных на повышение эффективности госсектора, конкурентоспособности частного предпринимательства и улучшение общего состояния деловой активности.

Литература / References

Руденко Л. Н. *Арабские страны в условиях новой экономической реальности (2010-е годы*). М., 2019 [Rudenko L. N. *The Arab Countries in the New Economic Reality (in the 2010s).* Moscow, 2019 (in Russian)].

Руденко Л. Н. Социально-экономические проблемы Туниса (2010-е годы). *Арабский Восток. Аграрное развитие и социально-экономические тренды*. Отв. ред. Филоник А. О. М., 2020. С. 324–356 [Rudenko L. N. Economic and Social Problems of Tunisia (in the 2010s). *The Arab East. The Agrarian Development and Socio-Economic Trends*. Moscow, 2020. Pp. 324–356 (in Russian)].

Соловьева З. А. Экономическая безопасность в странах Магриба. *Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность. Труды I Института востоковедения РАН*. Вып. 11. М., 2018. С. 117–149 [Solovieva Z. A. The Economic Security of the Maghreb. *The Arab East and Economic Challenges. The multifaced reality.* Proceedings of the Institute of Oriental Studies. Issue 11. Moscow, 2018. Pp. 117–149 (in Russian)].

[23] IMF Staff Concludes Mission to Tunisia with Good Progress. URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/07/19/pr22267-tunisia-imf-staff-concludes-mission-to-tunisia-with-good-progress (дата обращения: 11.09.2022).

Электронные ресурсы / Electronic sources

Blaise L. Tunisia struggles to reform its unbalanced food subsidies. *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/en/economy/article/2022/05/15/tunisia-struggles-to-reform-its-unbalanced-food-subsidies_5983534_19.html (дата обращения: 27.09.2022).

Delmas B. Tunisie: la loi de finances: debat de societe. *Le Point Economie*. URL: https://www.lepoint.fr/economie/tunisie-la-loi-de-finances-un-debat-de-societe-26–11–2017–2175189_28.php (дата обращения: 14.09.2022).

IMF Staff Concludes Mission to Tunisia with Good Progress. *International Monetary Fund*. URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/07/19/pr22267-tunisia-imf-staff-concludes-mission-to-tunisia-with-good-progress (дата обращения: 11.09.2022).

Jomni M.. La crise de la dette en Tunisie dans un contexte pandémique aigu. *Anadolu Agency*. URL: https://www.aa.com.tr/fr/%C3%A9conomie/la-crise-de-la-dette-en-tunisie-dans-un-contexte-pand%C3%A9mique-aigu/2474219 (дата обращения: 30.03.2022).

Ortiz J. Tunisia's long battle to curb its soaring public debt and halt inflation. *Atalayar*. URL: https://atalayar.com/en/content/tunisias-long-battle-curb-its-soaring-public-debt-and-halt-inflation (дата обращения: 27.09.2022).

State-Owned Enterprises in Middle East, North Africa, and Central Asia. Role, Performance and Challenges. DP/021/2019. *International Monetary Fund*. P. 17. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2021/09/17/State-Owned-Enterprises-in-Middle-East-North-Africa-and-Central-Asia-Size-Costs-and-464657 (дата обращения: 20.09.2022).

Trabelsi M. La contribution sociale de solidarité n'est pas un impôt spécifique. *Webmanagercenter*. URL: https://www.webmanagercenter.com/2018/01/26/415338/mohamed-trabelsi-la-contribution- sociale-de-solidarite-nest-pas-un-impot-specifique/ (дата обращения: 21.09.2022).

Tunisia: government agrees to increase state employee wages. *Middle East Monitor*. URL: https://www.middleeastmonitor.com/20220915-tunisia-government-agrees-to-increase-state-employee-wages/ (дата обращения: 26.09.2022).

Tunisia Economic Monitor. Navigating out of the crisis. Bulletin de conjuncture. Spring 2021. The World Bank. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36123 (дата обращения: 21.09.2022).

Tunisia to start subsidy cuts in 2023: minister. *Xinhua*, 2022–06–08. URL: https://english.news.cn/20220608/2d83ddce864a458b90f7986dcb8dedad/c.html#:~: text=The%20spending%20on%20subsidies%20in, said%20at%20a%20press%20conference (дата обращения: 14.09.2022).

Tunisie. *Gerer la crise en temps d'incertitude*. Bulletin de conjuncture. The World Bank. Ete 2022. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099545309022221695/pdf/IDU0b1b8a29501081041bb0b08a08b06fa08506a.pdf (дата обращения: 27.09.2022).

Tunisie. *Les reformes economique pour sortir de la crise*. Bulletin de conjuncture. The World Bank. Hiver 2021. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/909301642180849531/pdf/Tunisia- Economic-Monitor-Economic-Reforms-to-Navigate-Out-of-the-Crisis-Winter-2021.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

The World Bank Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=TN (дата обращения: 22.09.2022).

2021 Investment Climate Statements: Tunisia. *US Department of State*. URL: https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/tunisia/ (дата обращения: 15.09.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-083-092

РОЛЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРЕСНОЙ ВОДЫ НА ВОСТОКЕ

М. Г. Борисов[1]

Во многих регионах мира нехватка пресной воды начинает приобретать катастрофический характер. Восток здесь выделяется особой остротой проблемы. Многие государства с целью покрытия дефицита пресной воды возводят новые опреснительные установки. Однако это противоречит принятым этими странами в рамках Парижских соглашений обязательствам по декарбонизации экономики, поскольку опреснение, будучи крайне энергоемким, сопряжено со значительным «углеродным следом». Единственным путем разрешения этого противоречия может стать интеграция опреснения в быстро развертывающийся в мире энергетический переход, основным содержанием которого является декарбонизация.

Ключевые слова: опреснение, декарбонизация, энергетический переход, возобновляемые источники энергии, распределенная энергетика, Парижские соглашения

Для цитирования: Борисов М. Г. Роль энергетического перехода в решении проблемы пресной воды на Востоке. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 83–92. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-083-092

THE ROLE OF ENERY TRANSITION IN SOLVING THE PROBLEM OF FRESH WATER SCARCITY IN THE EAST

Mikhail G. Borisov

The shortage of fresh water in many regions of the world is turning into a disaster. This problem in the East is especially acute. To cover the shortage of fresh water many countries are building new desalination facilities. This process, however, contradicts these countries' obligations under the Paris agreement to decarbonize their economies since the traditional desalination — being extremely energy consuming — is fraught with a considerable carbon footprint. The only way to solve this problem is to integrate desalination into the rapidly going energy transition based on decarbonization.

Keywords: desalination, decarbonization, energy transition, renewable energy sources, distributed energy, Paris agreement

For citation: Borisov M. G. The Role of Energy Transition in Solving the Problem of Fresh Water Scarcity in the East. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 83–92. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-083-092

[1] Борисов Михаил Глебович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва; mg.borisov@yandex.ru.

Mikhail G. Borisov, PhD in Economics, Senior Researcher, Economic Research Dept., Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; mg.borisov@yandex.ru

ORCID: 0000–0002–7660–7410

В настоящее время 4 млрд человек в мире испытывают нехватку пресной воды, 66% этого количества тяжело страдает от ее недостатка минимум один месяц в году[2]. Каждый третий житель Земли не имеет доступа к безопасной питьевой воде[3]. В 17 странах (четверть населения мира) нехватка воды носит катастрофический характер[4]. Недостаток воды стоит некоторым странам до 6% их ВВП[5]. Эксперты ООН полагают, что при имеющейся эффективности водопользования потребление воды возрастет в период 2020–2040 гг. на 40%, а существующие темпы увеличения эффективности использования воды «закроют» лишь 20% объема этого увеличения[6].

Климатические изменения последнего времени добавят остроты водной проблеме, особенно в самом вододефицитном регионе мира — на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Дефицит пресной воды здесь будет возрастать самыми большими темпами — за период 2020–2050 гг. он увеличится более чем в пять раз[7] (Табл. 1).

Таблица 1. Общая потребность и не удовлетворенная собственными ресурсами потребность в пресной воде в вододефицитных странах Востока (куб. км)

Страна	Общая потребность		Потребность, не удовлетворенная собственным производством	
	2020–2030	2040–2050	2020–2030	2040–2050
Алжир	8,8	12,3	0	3,9
Бахрейн	0,3	0,4	0,3	0,4
Египет	70,4	87,7	22,3	31,7
Иран	84,1	87,1	21,8	40,0
Ирак	67,2	83,9	34,4	54,9
Израиль	3,4	4,2	2,6	3,5
Иордания	1,5	2,3	1,3	2,1
Кувейт	0,8	1,3	0,5	0,8
Ливан	1,5	1,9	0,5	0,9
Ливия	5,0	6,0	1,3	3,7
Марокко	19,3	24,2	9,1	15,4
Катар	0,3	0,4	0,2	0,3

[2] Four billion people facing severe water scarcity. https://pubmed.nebi.nlm.nih.gov/26933676/ (дата обращения: 13.01.2022).

[3] Fresh water; fresh ideas. Can renewable energy be the future of desalination. https://alj.com/en/perspective/fresh-water-fresh-ideas-can-renewable-energy-be-the-future-of-desalination/ (дата обращения: 04.01.2022).

[4] World Bank Group. The Role of Desalination in an Increasingly Water-Scare World. https://idadesal.org/wp-content/uploads/2019/04/World-Bank-Report-2019.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

[5] Fresh water; fresh ideas. Can renewable energy be the future of desalination. https://alj.com/en/perspective/fresh-water-fresh-ideas-can-renewable-energy-be-the-future-of-desalination/ (дата обращения: 04.01.2022).

[6] United Nations Environment Programme. Options for Developing Economic Growth from Water Use and Water Pollution. https://resourcepanel.org/reports/options-decoupling-economic-growth-water-use-and-water-pollution (дата обращения: 23.01.2022).

[7] World Bank. Renewable Energy Desalination. An Emerging Solution to Close the Water Gap in the Middle East and North Africa. https://www.google.ru/books/edition/Renewable_Energy_Desalination/Q6VEZSUv3eoC?hl=en&gbpv=18printsec=fronteover (дата обращения: 15.01.2022).

Страна	Общая потребность		Потребность, не удовлетворенная собственным производством	
	2020–2030	2040–2050	2020–2030	2040–2050
Сауд. Аравия	22,7	26,7	14,4	20,3
Сирия	17,8	21,3	3,2	7,1
Тунис	3,2	4,5	0	0,9
ОАЭ	3,5	3,6	3,2	3,5
Йемен	17,1	20,7	2,6	8,5
Всего	319,1	393,1	119,4	199,2

Источник: World Bank. Renewable Energy Desalination. An Emerging Solution to Close the Water Gap in the Middle East and North Africa. https://www.google.ru/books/edition/Renewable_Energy_Desalination/Q6VEZSUv3eoC?hl=en&gbpv=18printsec=frontcover (дата обращения: 15.01.2022).

Существующие доступные запасы пресной воды будут не в состоянии обеспечить рост водопотребления, что приведет к быстрому увеличению цены воды. Цена на природную воду будет приближаться к ценам на очищенную рециклированную воду в промышленности и ЖКХ, а также на опресненную воду из Мирового океана.

Физическая нехватка воды вынуждает все большее число стран рассматривать Мировой океан в качестве единственно возможного источника покрытия дефицита, а наметившаяся тенденция сближения цен природной и опресненной воды может превратить его в конкурента традиционных источников.

В 2020 г. стран, для которых опреснение морской воды являлось жизненной необходимостью, было 156[8]. Более 300 млн чел. зависят от опресненной воды. Опресненная вода использовалась: 66% — в сфере ЖКХ, 26% — в промышленности, 6% — в тепловых электростанциях, 2% — для ирригации[9]. В мире существует 17 тыс. опреснительных установок, ежедневно производящих 107 млн кубометров пресной воды[10].

В настоящее время для опреснения соленой воды применяются две технологии: термическая, представляющая из себя выпаривание с последующей конденсацией пара, и мембранная, при которой соленая вода под давлением пропускается сквозь мембрану, задерживающую крупные ионы солей и пропускающую молекулы воды. Эти технологии могут быть реализованы несколькими способами. Термическая технология может иметь вид многоступенчатой дистилляции (Multistage flash distillation — MSF), множественной дистилляции (Multi-effect distillation — MED), сжатия пара (Vapor compression — VP), теплового и механического сжатия (Thermal and mechanical compression — TMVC). Мембранная технология, помимо мембранной дистилляции (Membrane distillation — MD), включает в себя два основных метода — обратного осмоса (Reverse osmosis — RO) и электродиализа (Electrodialysis — ED). Преобладают мембранные технологии как более производительные, менее энергоемкие (термические методы производят горячую воду) и постоянно совершенствующиеся (Табл. 2).

[8] The Role of Renewable Energy Resources in Sustainability of Water Desalination as a Potential Fresh-Water Source. https://sustainability-12–05–233-v2%20(2).pdf (дата обращения: 14.01.2022).

[9] The Role of Renewable Energy Resources in Sustainability of Water Desalination as a Potential Fresh-Water Source. https://sustainability-12–05–233-v2%20(2).pdf (дата обращения: 14.01.2022).

[10] World Bank Group. The Role of Desalination in an Increasingly Water-Scare World. https://idadesal.org/wp-content/uploads/2019/04/World-Bank-Report-2019.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

Таблица 2. Доля различных методов в опреснении соленых вод

Метод	Доля (%)
Обратный осмос	69
Электродиализ	6
Многоступенчатая дистилляция	18
Множественная дистилляция	7

Источник: The Role of Renewable Energy Resources in Sustainability of Water Desalination as a Potential Fresh-Water Source. https://sustainability-12–05–233-v2%20(2).pdf (дата обращения: 14.01.2022).

Опреснение — процесс крайне энергоемкий и экологически грязный. На производство одного кубометра пресной воды расходуется 12,5 тыс. кВтч электроэнергии[11]. Для производства 1 тыс. кубометров необходимо сжечь 37 баррелей нефти, эмитировав в атмосферу 10 тонн диоксида углерода[12]. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), доля генерируемой электрической энергии, идущая на опреснение, в странах Ближнего Востока возрастет с 9% в 2016 г. до 16% в 2040 г. с почти двукратным увеличением эмиссии диоксида углерода[13]. Некоторые страны региона Персидского залива тратят на опреснение более половины вырабатываемой электроэнергии[14]. При быстром росте доли вырабатываемой электроэнергии, затрачиваемой на опреснение, водопотребление на тепловых электростанциях, обеспечивающих этот процесс, возрастет за указанный период на 60%[15]. Таким образом, сектор опреснения, функционирующий на ископаемом топливе, сам косвенно становится крупным потребителем пресной воды.

Глобальная эмиссия диоксида углерода сектора опреснения соизмерима с суммарными выбросами энергетики и транспорта крупной страны. В 2020 г. она составила 2018 млн т[16]. Превращение сектора опреснения в постоянно растущего поставщика углерода в атмосферу противоречит Парижским соглашениям, принятым к исполнению в том числе и странами, испытывающими нехватку пресной воды. Единственным путем разрешения этого противоречия является подключение к стремительно разворачивающемуся в мире энергетическому переходу (energy transition), основным содержанием которого является декарбонизация в первую очередь энергетики. Более того, растущие масштабы опреснения, сопряженные с ростом потребления первичной энергии, могут оказаться не под силу многим странам, причем не только государствам-импортерам ископаемого топлива, но и его экспортерам. Выходом из складывающейся ситуации может стать интеграция процесса опреснения в энергетический переход.

Увеличение объемов опреснения морской воды обязательно потребует масштабных мер экологического характера. Сброс в море остающегося после опреснения морской воды рассола, как показывает практика, совершенно неприемлем, так как он губителен для морских

[11] World Bank Group. The Role of Desalination in an Increasingly Water-Scare World. https://idadesal.org/wp-content/uploads/2019/04/World-Bank-Report-2019.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

[12] A review of the water desalination systems integrated with the renewable energy. https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S1876610217301686?toren=6756D3BFF2E4A766E91420635B998F0F2B08… (дата обращения: 04.01.2022).

[13] IEA. World Energy Outlook 2016. https://www.oecd-ilibrary.org/energy/world-energy-outlook-2016_weo-2016-en (дата обращения: 15.01.2022).

[14] Desalination with Renewable Energy: A 24 Hours Operation Solution. https://intechopen.com/books/water-and-wastewater-treatment/desalination-with-renewable-energy-a24-hours-operation-solution (дата обращения: 29.12.2021).

[15] Ibid.

[16] Fresh water; fresh ideas. Can renewable energy be the future of desalination. https://alj.com/en/perspective/fresh-water-fresh-ideas-can-renewable-energy-be-the-future-of-desalination/ (дата обращения: 04.01.2022).

организмов и кораллов. Утилизация этого рассола в резервуарах-испарителях и глубоких колодцах (ниже уровня грунтовых вод) будет «добавлять» к цене одного кубометра опресненной воды еще 1,5–2,5 долл., делая такую воду неконкурентоспособной, поскольку значительно дешевле будут выходить поставки пресной воды за тысячи километров из водоизбыточных регионов[17]. Львиная доля в этой «прибавке» будет приходиться на энергию. Поэтому переход на «бесплатную» энергию от ВИЭ — безальтернативный путь разрешения этой проблемы.

Все регионы Востока заинтересованы в декарбонизации своей энергетики, что нашло отражение в многочисленных национальных программах. Помимо обязательств в рамках Парижских соглашений, стремления снизить затраты на энергетический импорт (для импортеров) и освободить как можно больше энергоресурсов для экспорта (для экспортеров), многие государства подталкивает к этому введение Европейским союзом углеродного налога, который существенно ухудшит конкурентные позиции их экспортных товаров.

В декарбонизации энергетики (а с ней — систем опреснения на ВИЭ) в наибольшей степени заинтересованы, как это ни парадоксально, Ближний Восток и Северная Африка**.** Существующая здесь многие годы модель энергопотребления может стать препятствием экономическому росту как в странах нетто-экспортерах энергоресурсов, так и в государствах-импортерах. Этот регион — не только основной поставщик первичных энергоносителей и главный «хранитель» мировых запасов ископаемого топлива, но и главный «энергорасточитель» и один из главных поставщиков углерода в атмосферу, поскольку региональные правительства, во-первых, субсидируют цену на энергию вопреки законам рынка, поощряя неумеренное потребление, во-вторых, реализуют чрезвычайно энергоемкие и водоемкие проекты индустриализации и диверсификации, опираясь на низкую себестоимость местных энергоресурсов. Реализация такой хозяйственной модели требует огромных ежегодных инвестиций, и их доля в ВВП постоянно растет, так как за счет стагнации или даже уменьшения экспорта первичных энергоносителей сокращается основной источник формирования регионального ВВП — энергосырьевой экспорт.

К 2050 г. годовая потребность региона Ближнего Востока и Северной Африки в опресненной воде составит 200 куб. км.[18] Если этот объем будет получен опреснением при помощи ископаемого топлива, то ежегодные выбросы диоксида углерода составят 360 млн т, то есть около 20% нынешних кумулятивных выбросов региона[19]. При этом ежедневное внутреннее потребление нефти, например, в Саудовской Аравии может достичь 8 млн баррелей (из добываемых 12 млн баррелей)[20].

Развитие альтернативной энергетики — единственный способ избежать «энергетического проклятия» изобилующего самыми дешевыми энергоресурсами региона. Условия для этого исключительно благоприятны: на регион приходится 26% солнечной энергии, достигающей поверхности Земли[21]. На один квадратный километр территории здесь в течение года поступает лучистая энергия, эквивалентная 2 млн баррелей нефти[22]. Каждый квадратный метр

[17] Esmaeilion 2020. Hybrid Renewable Energy Systems for Desalination. https://link.springer.com/article/10.1007/s13201–020–1168–5 (дата обращения: 14.01.2022).

[18] World Bank. Renewable Energy Desalination. An Emerging Solution to Close the Water Gap in the Middle East and North Africa. https://www.google.ru/books/edition/Renewable_Energy_Desalination/Q6VEZSUv3eoC?hl=en&gbpv=18printsec=fronteover (дата обращения: 15.01.2022).

[19] Ibid.

[20] Ibid.

[21] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. URL: https:// www.cleanenenergypipeline.com/…/the%20future%20for%20r (дата обращения: 08.09.2020).

[22] Ibid.

поверхности в регионе получает 5–7 тыс. кВтч[23]. солнечной энергии (в пересчете на электрическую энергию) в день. Чтобы выработать такое количество электроэнергии, необходимо сжечь 0,7–0,8 т СПГ, выбросив в атмосферу 0,9–1,2 т диоксида углерода[24]. Эта «бесплатная» энергия способна обеспечить выработку 650–900 кубических метров опресненной воды[25].

Регион изобилует свободными незаселенными и неиспользуемыми площадями, что важно для развития альтернативной энергетики. Территория площадью 10х10 км в Аравийской пустыне способна обеспечить энергией опреснение 1 куб. км воды[26]. Гелиоэнергетический потенциал БСВ и СА в 350 раз превышает нынешние потребности региона в электрической энергии[27].

Суммарный ветровой потенциал региона также крупнейший в мире. Он в состоянии на 25% обеспечить его нынешнее энергопотребление[28].

В большинстве регионов муссонной Азии (Южная, Восточная, Юго-Восточная Азия) также начинает ощущаться нехватка пресной воды в сухой сезон. Это связано с их быстрой индустриализацией и ростом численности населения крупных городов, расположенных в основном вблизи побережья. Вместе с тем все эти регионы являются энергодефицитными, и наращивание мощностей традиционного опреснения будет сопряжено с увеличением импорта энергоносителей. Для поддержания высоких темпов экономического роста азиатским странам необходимо иметь резко положительное сальдо внешнеторгового баланса, притом что энергоносители составляют значительную долю в их импорте. Поэтому государства региона в своих планах первоочередное место отводят развитию возобновляемой энергетики. Природные предпосылки для этого весьма благоприятны. Многие азиатские страны являются лидерами энергетического перехода, охватывающего все большее число отраслей и секторов экономики — энергетику, промышленность, транспорт, ЖКХ. Сектор опреснения, очевидно, не избежит аналогичной трансформации.

В настоящее время с помощью возобновляемых источников энергии получают лишь 0,2% опресненной воды[29]. Единственной причиной этого длительное время являлась неконкурентоспособность ВИЭ. Однако в последние годы стоимость электроэнергии, выработанной от ВИЭ, практически сравнялась со стоимостью тепловой электрогенерации во многих регионах мира, что и обусловило начало энергетического перехода. Если стоимость опресненной воды, полученной традиционным способом, остается практически неизменной — 0,8–0,9 долл. за кубометр, то цена пресной воды, произведенной при помощи ВИЭ, неуклонно снижается — с 2,5–2,7 долл. за кубометр в 2013 г. до 1,3 долл. в 2019 г.[30] При этом по мере амортизации опреснительных установок на основе ВИЭ цена производимой пресной воды снижается, поскольку в структуре стоимости такой воды преобладают капитальные инвестиционные затраты при практически нулевых затратах на энергию (Табл. 3). Согласно прогнозам

[23] Energy and Air Emission Effects of Water Supply. https://pubs.acs.org/doi/10.1021/es801802h (дата обращения: 15.12.2020).
[24] Ibid.
[25] Ibid.
[26] World Bank. Renewable Energy Desalination. An Emerging Solution to Close the Water Gap in the Middle East and North Africa. https://www.google.ru/books/edition/Renewable_Energy_Desalination/Q6VEZSUv3eoC?hl=en&gbpv=18printsec=fronteover (дата обращения: 15.01.2022).
[27] Ibid.
[28] Ibid.
[29] Water Desalination Using Renewable Energy. http://documents1.worldbank.org/curated/en/476041552622967264/pdf/135312-WP-PUBLIC-14–3–2019–12–3–35-W.pdf (дата обращения: 14.01.2022).
[30] Esmaeilion 2020. Hybrid Renewable Energy Systems for Desalination. https://link.springer.com/article/10.1007/s13201–020–1168–5 (дата обращения: 14.01.2022).

Мирового банка, к 2050 г. большая часть опреснительных установок в мире будет функционировать от ВИЭ, а средняя стоимость опресненной воды составит 0,9 долл. (в ценах 2015 г.)[31].

Таблица 3. Структура стоимости воды, опресненной при помощи электроэнергии от тепловых электростанций и от возобновляемых источников энергии

Способ опреснения	Инвестиционные затраты (%)	Операционные затраты (%)	Энергетические затраты (%)
С помощью ТЭС	22–27	14–15	59–63
С помощью ВИЭ	30–90	10–30	0–10

Источник: Esmaeilion 2020. Hybrid Renewable Energy Systems for Desalination. https://link.springer.com/article/10.1007/s13201–020–1168–5 (дата обращения: 14.01.2022).

Во многих афро-азиатских регионах, где немало населенных участков побережья лишены одновременно топливных и водных ресурсов, транспортировка ископаемого топлива выходит дороже, чем установка там мощностей ВИЭ, и еще дороже обходится транспортировка туда воды с опреснительных установок, работающих на ископаемом топливе (Табл. 4). В вододефицитных странах на транспортировку воды от ее источников расходуется до 4% генерируемой электроэнергии[32]. Ближневосточный город с населением около 50 тыс. чел. расходует на свое водоснабжение порядка 2 млн кВтч в год (1,6 млн кВтч потребляют насосы)[33]. Опреснение не только морской, но и засоленной грунтовой воды на основе распределенной генерации позволит сократить огромное количество потребляемой электроэнергии и удешевить воду.

Таблица 4. Цена транспортировки опресненной морской воды до некоторых населенных пунктов Востока

Город	Расстояние до побережья (км)	Высота над уровнем моря (м)	Расходы на транспортировку воды (долл./куб. м)
Пекин	135	100	1,1
Сана	135	2500	2,2
Эр-Рияд	350	750	1,6
Нью-Дели	1050	500	1,9

Источник: The Role of Renewable Energy Resources in Sustainability of Water Desalination as a Potential Fresh-Water Source. https://sustainability-12–05–233-v2%20(2).pdf (дата обращения: 14.01.2022).

Распределенная энергетика развивается значительно быстрее энергетики централизованной. К 2030 г. 75% новых подключений, по мнению Международного энергетического агентства

[31] World Bank Group. The Role of Desalination in an Increasingly Water-Scare World. https://idadesal.org/wp-content/uploads/2019/04/World-Bank-Report-2019.pdf (дата обращения: 05.01.2022).
[32] World Bank. Renewable Energy Desalination. An Emerging Solution to Close the Water Gap in the Middle East and North Africa. https://www.google.ru/books/edition/Renewable_Energy_Desalination/Q6VEZSUv3eoC?hl=en&gbpv=18printsec=fronteover (дата обращения: 15.01.2022).
[33] Ibid.

(МЭА), будет приходиться на распределенные источники[34]. Развитие распределенной энергетики на 98% идет за счет афро-азиатских стран[35].

Причиной опережающего роста распределенной энергетики на основе ВИЭ в Азии и Африке является необходимость скорейшей электрификации с минимальными затратами многочисленных обширных малоосвоенных удаленных территорий. Эти же территории более других ощущают нехватку пресной воды. Дальнейшее их развитие требует не только электрификации, но и формирования систем водоснабжения. Таким образом, создание опреснительных систем на основе ВИЭ — непременный атрибут будущей экономической динамики таких регионов. Децентрализованное, автономное развитие в них возобновляемой энергетики имеет целый ряд неоспоримых выгод. Поскольку агрегаты ВИЭ компактны и уже готовы к эксплуатации, нет необходимости в масштабном строительстве, подвозе габаритного оборудования и стройматериалов, специальном строительстве дорог, а главное — подвозе топлива. Нет также необходимости в строительстве ЛЭП, что снижает капитальные затраты, а также потери в сетях (которые доходят до 20% генерируемой электроэнергии).

Распределенное опреснение имеет важное экологическое преимущество. Небольшие распределенные опреснительные установки могут оптимально использовать природные условия избранной локации, нанося минимальный урон морской биоте, поскольку забор больших объемов морской воды мощными традиционными опреснительными станциями является еще одним «углеродным следом» опреснения на базе тепловой электрогенерации, так как уничтожаемый фитопланктон — важнейший продуцент кислорода и поглотитель диоксида углерода.

Среди методов опреснения на основе ВИЭ еще более, чем в случае традиционного опреснения, преобладают технологии обратного осмоса, а среди поставщиков энергии доминируют солнечные установки, поскольку они предоставляют наибольшие возможности для мелкомасштабного распределенного опреснения (Табл. 5).

Таблица 5. Доли различных методов опреснения на основе возобновляемых источников энергии

Методы опреснения	Доля в опреснении (%)
Обратный осмос на основе фотовольтаники	43
Обратный осмос на основе гелиотермальной энергетики	7
Многоступенчатая дистилляция на основе гелиотермальной энергетики	20
Обратный осмос на основе ветряной энергетики	20
Гибридный метод	10

Источник: Esmaeilion 2020. Hybrid Renewable Energy Systems for Desalination. https://link.springer.com/article/10.1007/s13201–020–1168–5 (дата обращения: 14.01.2022).

Тенденция к росту объемов опреснения преимущественно от солнечной и ветряной электрогенерации коррелирует со структурой потенциала ВИЭ в большинстве стран Востока (Табл. 6). В соответствии с государственными программами гелио- и ветроэнергетика развиваются

[34] EIA. International Energy Outlook. URL: https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/ieo2019.pdf (дата обращения: 19.09.2020).
[35] Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploands/2019/05/gsr_2019_full_report.en.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

во многих странах региона (Марокко, ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия, Иордания, Египет, КНР, Индия) наивысшими в мире темпами.

Таблица 6. Структура возобновляемого энергопотенциала стран Востока (ТВтч)

Страна	Энергетический потенциал					
	Солнечный общий	Фотовольтанический	Ветряной	Геотермальный	Гидравлический	Биомасса
Алжир	136	21	35	5	0	12
Ливия	83	18	15	0	0	2
Сауд. Аравия	76	21	20	71	0	10
Египет	57	54	125	26	50	14
Иран	32	54	12	11	48	24
Ирак	25	35	20	0	67	7
Оман	14	4	8	0	0	1
Сирия	8	17	15	0	4	5
Марокко	18	17	35	10	4	14
Иордания	6	7	5	0	0	2
Тунис	6	4	8	3	0	3
Кувейт	3	4	5	0	0	1
Катар	5	1	5	0	0	0
ОАЭ	6	9	0	0	0	1
Джибути	3	5	1	0	0	0
Израиль	2	6	1	0	7	2
Бахрейн	1	1	1	0	0	0
Ливан	1	0	1	1	1	1
Йемен	8	19	3	107	0	10
Всего:	471	252	302	233	181	111

Источник: World Bank. Renewable Energy Desalination. An Emerging Solution to Close the Water Gap in the Middle East and North Africa. https://www.google.ru/books/edition/Renewable_Energy_Desalination/Q6VEZSUv3eoC?hl=en&gbpv=18printsec=fronteover (дата обращения: 15.01.2022).

В существующих экономических условиях, а также при наметившейся тенденции к повышению испаряемости и иссушению крупных регионов Востока форсированное развитие систем опреснения в вододефицитных странах представляется необходимым и неизбежным. По оценкам Мирового банка, компенсация ежегодного дефицита пресной воды в 200 куб. км будет обходиться в 104 млрд долл., а бездействие в решении водной проблемы будет «стоить» еще 300–400 млрд долл.[36] Следование традиционным путем ликвидации дефицита пресной воды неприемлемо с экономической и экологической сторон. Реальная альтернатива — интеграция систем опреснения в энергетический переход.

[36] World Bank. Renewable Energy Desalination. An Emerging Solution to Close the Water Gap in the Middle East and North Africa. https://www.google.ru/books/edition/Renewable_Energy_Desalination/Q6VEZSUv3eoC?hl=en&gbpv=18printsec=fronteover (дата обращения: 15.01.2022).

Электронные ресурсы / Electronic sources

A review of the water desalination systems integrated with the renewable energy. https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S1876610217301686?toren=6756D3BFF2E4A766E91420635B998F0F2B08… (дата обращения: 04.01.2022).

Desalination with Renewable Energy: A 24 Hours Operation Solution. https://intechopen.com/books/water-and-wastewater-treatment/desalination-with-renewable-energy-a24-hours-operation-solution (дата обращения: 29.12.2021).

EIA. International Energy Outlook. URL: https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/ieo2019.pdf (дата обращения: 19.09.2020).

Esmaeilion 2020. Hybrid Renewable Energy Systems for Desalination. https://link.springer.com/article/10.1007/s13201–020–1168–5 (дата обращения: 14.01.2022).

Energy and Air Emission Effects of Water Supply. https://pubs.acs.org/doi/10.1021/es801802h (дата обращения: 15.12.2020).

Fresh water; fresh ideas. Can renewable energy be the future of desalination. https://alj.com/en/perspective/fresh- water-fresh-ideas-can-renewable-energy-be-the-future-of-desalination/ (дата обращения: 04.01.2022).

IEA. World Energy Outlook 2016. https://www.oecd-ilibrary.org/energy/world-energy-outlook-2016_weo-2016-en (дата обращения: 15.01.2022).

Ren 21. Renewables 2019. Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploands/2019/05/gsr_2019_full_report.en.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. URL: https:// www.cleanenenergypipeline.com/…/the%20future%20for%20r (дата обращения: 08.09.2020).

The Role of Renewable Energy Resources in Sustainability of Water Desalination as a Potential Fresh-Water Source. https://sustainability-12–05–233-v2%20(2).pdf (дата обращения: 14.01.2022).

United Nations Environment Programme. Options for Developing Economic Growth from Water Use and Water Pollution. https://resourcepanel.org/reports/options-decoupling-economic-growth-water-use-and-water-pollution (дата обращения: 23.01.2022).

World Bank Group. The Role of Desalination in an Increasingly Water-Scare World. https://idadesal.org/wp-content/uploads/2019/04/World-Bank-Report-2019.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

Water Desalination Using Renewable Energy. http://documents1.worldbank.org/curated/en/476041552622967264/pdf/135312-WP-PUBLIC-14–3–2019–12–3–35-W.pdf (дата обращения: 14.01.2022). World Bank. Renewable Energy Desalination. An Emerging Solution to Close the Water Gap in the Middle East and North Africa. https://www.google.ru/books/edition/Renewable_Energy_Desalination/Q6VEZSUv3eoC?hl=en&gbpv=18printsec=fronteover (дата обращения: 15.01.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-093-099

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ НЕФТИ В ИНДИЮ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

С. В. Чеснокова[1]

После введения санкций против России начался очередной передел мирового энергетического рынка. Европейские страны существенно сократили объем закупки нефти у РФ. Однако страна продолжила получать высокий уровень доходов от продажи нефти за счет возросших цен на сырье и переориентации поставок в другие страны, прежде всего восточные. В этой ситуации одним из крупнейших импортеров российской нефти стала Индия, которая во много раз увеличила объем закупок. Она пошла на такой шаг, исходя из своих экономических соображений, несмотря на недовольство США. Российская нефть марки Urals продается со значительной скидкой, что делает импорт рентабельным для индийской стороны, даже с учетом транспортных расходов. Доля российской нефти в общем объеме индийского импорта этого энергоресурса выросла с 1% в феврале до 18% в июне 2022 года. В октябре 2022 года одобрен восьмой пакет санкций против РФ, который включает в себя введение потолка цен на российскую нефть. Можно предположить, что экспорт российской нефти в Индию продолжится, и экономическая целесообразность по-прежнему будет превалировать над политическими обстоятельствами.

Ключевые слова: нефть, Индия, санкции, экспорт, импорт, скидки, логистика

Для цитирования: Чеснокова С. В. Российский экспорт нефти в Индию в условиях санкционного давления. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 93–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-093-099

RUSSIAN OIL EXPORTS TO INDIA UNDER THE SANCTIONS PRESSURE

Svetlana V. Chesnokova

After the beginning of sanctions against Russia, another redistribution of the world energy market began. European countries have significantly reduced the volume of oil purchases from Russia. However, Russia continued to receive a high volume of revenues from oil sales due to increased prices of raw materials and reorientation of supplies to other countries, primarily to Eastern countries. In this situation, one of the largest importers of Russian oil became India, which many times increased the volume of purchases. The country has taken this step based on its economic considerations despite the dissatisfaction of the USA. Russian Urals crude is sold at a significant discount which makes the imports cost effective for the Indian side even taking into account transportation costs. The share of Russian oil in total Indian imports of this energy resource increased from 1% in February to 18% in June 2022. In October 2022, the eighth package of sanctions against Russia

[1] Светлана Викторовна Чеснокова, научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН; csv7@mail.ru.

Svetlana V. Chesnokova, Scientific Researcher, Department of Economic Studies IOS RAS; csv7@mail.ru.
ORCID: 0000–0001–6875–6144

was introduced. It includes the introduction of a cap on Russian oil prices. It can be assumed that Russian oil exports to India will continue and economic expediency will still prevail over political circumstances.

Keywords: oil, India, sanctions, exports, imports, discounts, logistics

For citation: Chesnokova S. V. Russian Oil Exports to India Under the Sanctions Pressure. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 93–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-093-099

После введения санкций против России начался очередной передел мирового энергетического рынка. В частности, США, Великобритания, Канада и ряд других государств отказались от импорта российской нефти. До этого США импортировали из России около 700 тыс. баррелей в день сырой нефти и переработанных нефтепродуктов. По данным Управления энергетической информации США, на российское сырье приходилось в 2021 году около 3% всех поставок сырой нефти[2]. В Великобритании этот показатель был почти в два раза выше. По данным Национального бюро статистики страны, в 2021 году на российский импорт приходилось 5,9% всех поставок сырой нефти в Великобританию и 24,1% — переработанной. В июне 2022 г. этот показатель упал до нуля[3]. Отказ Канады от российской нефти воспринимается скорее как символический жест — страна не импортирует российское топливо с 2019 года[4].

Большинство европейских стран заметно сократило объемы закупок нефти у России. Так, за первые восемь месяцев 2022 года экспорт нефти из РФ в страны Евросоюза и Великобританию снизился более чем на 34% — с 2,6 млн до 1,7 млн баррелей в день.

Несмотря на это, Россия продолжила получать большой объем доходов от продажи нефти за счет возросших цен на сырье и переориентации поставок в другие страны, прежде всего восточные. По данным Министерства финансов РФ, с января по сентябрь 2022 года Россия заработала на экспорте нефти и нефтепродуктов 7,57 трлн рублей — на 49% больше, чем за аналогичный период 2021-го года[5].

В этой ситуации Индия, которую связывают давние партнерские отношения с нашей страной, стала одним из крупнейших импортеров российской нефти, многократно увеличив закупки. В марте 2022 года ежедневные поставки нефти в страну увеличились в 4 раза по сравнению с аналогичным показателем 2021 года. А в июне 2022 года объем импорта из России вырос в 50 раз по сравнению с апрельскими показателями и составил около 950 тыс. баррелей нефти в день[6]. С февраля по июнь 2022 года Индия закупила 34 млн баррелей российской нефти.

В процентном отношении динамика экспорта нефти в Индию выглядит следующим образом: в 2021 и в начале 2022 года доля российского сырья в общем импорте нефти Индии была лишь на уровне 0,2%[7], в феврале 2022 года она не превышала 1%, в апреле этот показатель вырос до 8%, в мае — до 14% и в июне — до 18%. В стоимостном выражении индийский

[2] США и Великобритания объявили о запрете импорта российских нефти и газа. 08.03.2022. https://www.forbes.ru/biznes/458305-ssa-i-velikobritania-ob-avili-o-zaprete-importa-rossijskih-nefti-i-gaza (дата обращения: 20.10.2022).

[3] Великобритания прекратила импорт российского топлива впервые с 1997 года. 24.08.2022. https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/24/937411-velikobritaniya-prekratila-import-topliva (дата обращения: 20.10.2022).

[4] США и Великобритания объявили о запрете импорта российских нефти и газа. 08.03.2022. https://www.forbes.ru/biznes/458305-ssa-i-velikobritania-ob-avili-o-zaprete-importa-rossijskih-nefti-i-gaza (дата обращения: 20.10.2022).

[5] «В реальности не будет соблюдаться»: Евросоюз одобрил введение потолка цен на российскую нефть. 06.10.2022. https://russian.rt.com/business/article/1057792-evropa-rossiya-sankcii-neft-ceny-potolok (дата обращения: 08.10.2022).

[6] Россия нарастила экспорт нефти в Индию до 950 тыс. баррелей в сутки. Бизнес-портал NEDRADV. 12.07.2022 https://nedradv.ru/nedradv/ru/page_news?obj=6c744a2b6ca17d48b98905a27a45073e (дата обращения: 25.07.2022).

[7] India's Russian oil imports jump 50 times; now accounts for 10% of all import: Official The Economic Times. 23.06.2022. https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/indias-russian-oil-imports-jump-50-times-now-accounts-for-10-of-all-import-official/articleshow/92417120.cms (дата обращения: 15.07.2022).

импорт нефти из России за период апрель — июль составил 8,95 млрд долларов. Для сравнения, за весь 2022-й финансовый год этот показатель равнялся 9,87 млрд долларов[8].

В июне 2022 года Россия была вторым крупнейшим поставщиком нефти в Индию, обогнав Саудовскую Аравию. Это произошло благодаря предоставлению существенных скидок на российскую нефть. При этом в 2021 году Саудовская Аравия была на второй позиции по этому показателю, а Россия — на девятой. Крупнейшим поставщиком в июне оставался Ирак[9].

В июле 2022 года импорт российской нефти в Индию составлял около 18% от общего объема (в стоимостном выражении) или 2,88 млрд долларов, что на 0,4% меньше июньского показателя в 2,89 млрд долларов[10]. Одна из причин небольшого снижения поставок — попытка Ирака подорвать позиции России, поставляя нефть дешевле российской на 9 долларов за баррель. В результате в июле Россия опустилась на третье место в списке крупнейших экспортеров нефти в Индию, пропустив вперед Саудовскую Аравию и Ирак. В августе Индия импортировала из России 738 тыс. баррелей нефти в день, что на 18% меньше, чем в июле[11].

Однако в сентябре 2022 года импорт российской нефти в Индию вырос на 18,5% по сравнению с августом. Он составил 879 тыс. баррелей в день и стал вторым по величине показателем (после 950 тыс. баррелей в день в июне)[12]. В сентябре тройку лидеров-экспортеров нефти в Индию возглавила Саудовская Аравия. Россия заняла вторую позицию, а Ирак переместился на третью.

85% потребностей Индии в сырой нефти покрываются за счет импорта. Она является вторым по величине импортером в Азии. При этом до 2021 года включительно индийские компании закупали лишь небольшой объем нефти у России, что во многом объясняется логистическими трудностями. Крупнейшими поставщиками в Индию были страны Ближнего Востока, на которые приходилось более 60% импорта[13].

По данным ФТС, в 2020 году Россия экспортировала в Индию 1,7 млн тонн черного золота (в 2019 году — 3,3 млн тонн). В конце 2021 года было достигнуто соглашение об увеличении поставок нефти на 2 млн тонн по сравнению с уровнем 2019 года. Это должно было привести к увеличению экспорта до 5,3 млн тонн в 2022 году[14]. Но, как видим, ситуация резко изменилась.

Индия решила увеличить закупки российской нефти, несмотря на недовольство США. В марте 2022 года администрация Джо Байдена заявила, что Индия не должна нарушать американские санкции и покупать российскую нефть, невзирая даже на большие скидки. Однако

---

[8] Кремль опроверг сообщения о дешевой нефти для Индии взамен на отказ от потолка цен. 12.09.2022. https://www.forbes.ru/biznes/476863-kreml-oproverg-soobsenia-o-desevoj-nefti-dla-indii-vzamen-na-otkaz-ot-potolka-cen (дата обращения: 03.10.2022).

[9] Russia undercuts Saudi oil in India as competition heats up. The Economic Times. 05.08.2022. https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/russia-undercuts-saudi-oil-in-india-as-competition-heats-up/articleshow/93357402.cms (дата обращения: 17.08.2022).

[10] India's Russian oil imports jump 50 times; now accounts for 10% of all import: Official The Economic Times. 23.06.2022. https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/indias-russian-oil-imports-jump-50-times-now-accounts-for-10-of-all-import-official/articleshow/92417120.cms (дата обращения: 15.07.2022).

[11] Кремль опроверг сообщения о дешевой нефти для Индии взамен на отказ от потолка цен. 12.09.2022. https://www.forbes.ru/biznes/476863-kreml-oproverg-soobsenia-o-desevoj-nefti-dla-indii-vzamen-na-otkaz-ot-potolka-cen (дата обращения: 03.10.2022).

[12] Russia becomes India's 2nd-largest crude supplier. 4.10.2022. https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/russia-becomes-indias-2nd-largest-crude-supplier/articleshow/94628529.cms (дата обращения: 06.10.2022).

[13] Индийская MRPL закупила 1 млн баррелей российской нефти сорта Urals. Neftegaz.ru. 04.04.2022. https://neftegaz.ru/news/finance/732522-indiyskaya-mrpl-zakupila-1-mln-barreley-rossiyskoy-nefti-urals/ (дата обращения: 20.08.2022).

[14] Россия увеличивает экспорт нефти на самый неудобный для себя рынок. Российская газета. 07.12.2021. https://rg.ru/2021/12/07/rossiia-uvelichivaet-eksport-nefti-na-samyj-neudobnyj-dlia-sebia-rynok.html (дата обращения: 15.08.2022).

представитель Министерства иностранных дел Индии заявил, что Нью-Дели всегда готов использовать любые возможности для обеспечения растущих потребностей страны в «черном золоте»[15].

Поставки российских энергоресурсов в настоящее время чрезвычайно выгодны для Индии, поскольку они осуществляются с большим дисконтом. При этом в Нью-Дели убеждены, что экономические отношения не должны политизироваться. Представитель правительства Индии сообщил изданию The Economic Times, что антироссийские санкции не являются препятствием для Индии, которая будет выбирать поставщиков энергоносителей, исходя из своей экономической целесообразности[16].

Индия является третьей страной в мире по потреблению энергии. При этом, как уже было отмечено выше, страна на 85% зависит от поставок нефти из-за рубежа. В первом полугодии 2022 года общий объем импорта нефти в Индию существенно вырос относительно показателей 2021 года, что связано с восстановлением индийской экономики после завершения пандемии коронавируса. Индийские нефтеперерабатывающие заводы наращивают объемы производства, чтобы обеспечить растущий спрос на нефтепродукты — прежде всего на моторное топливо[17].

При импорте энергоносителей из России стороны рассматривают возможность использовать для расчетов банки, которые не были отключены от SWIFT[18]. Кроме того, изучается возможность использования национальных валют вместо доллара США. Индийские официальные лица заявили, что центральный банк и правительство страны рассматривают возможности создания механизма торговли в рупиях и рублях. По их словам, Россия также предложила проводить платежи в рублях с использованием российской системы обмена финансовыми сообщениями СПФС[19].

Раньше Индия в основном импортировала из России нефть марки CPC Blend[20]. В марте 2022 года произошло значительное увеличение поставок российской нефти марки Urals[21], на которую экспортеры предоставляют существенные скидки, доходящие до 30 долларов за баррель. При этом фрахтовые расходы добавляют всего 3–4 доллара за баррель. Очевидно, что такие условия делают импорт из России рентабельным для Индии[22].

Ряд крупнейших индийских корпораций достигли соглашения о покупке российской нефти марки Urals. Это — компания Hindustan Petroleum Corp., индийская государственная корпорация Mangalore Refinery and Petrochemicals Ltd (MRPL)[23]и компания Bharat Petroleum Corp.

У государственной компании Indian Oil Corp. также есть соглашение с «Роснефтью» на поставку до двух миллионов тонн, или 14,7 миллионов баррелей в 2022 году. Этот контракт был подписан еще до февраля 2022 года.

Нефтегазовая корпорация Indian Oil Corporation (IOC) является крупнейшей компанией современной Индии и специализируется на нефтепереработке и дистрибуции ее продуктов. Она была создана в 1964 году в результате слияния двух компаний: Indian Oil Company Ltd. и Indian

---

[15] В Индии рассматривают все варианты импорта нефти, в том числе из России. ТАСС. 17.03.2022. https://tass.ru/ekonomika/14104983?utm_source=rfinance (дата обращения: 25.03.2022).

[16] У России начали скупать подешевевшую нефть. Агентство экономической информации ПРАЙМ. 19.03.2022. https://1prime.ru/energy/20220319/836430493.html (дата обращения: 28.03.2022)

[17] Там же.

[18] Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications — сервис обмена сообщениями о финансовых операциях.

[19] Российский сервис, альтернативный SWIFT.

[20] Смесь казахстанской и российской легкой нефти, выводимая на рынок Каспийским трубопроводным консорциумом.

[21] Russian oil exports to India surge as Europe shuns cargoes. Financial Times. 18.03.2022. https://www.ft.com/content/5efc6338–3f01–4015-aedf-53a4a1944ca8 (дата обращения: 20.04.2022).

[22] Ibid.

[23] Cheap Russian Urals Crude Is Finding Willing Buyers in India. Bloomberg 21.03.2022. https://www.bloomberg.com/news/articles/2022–03–21/cheap-russian-urals-crude-is-finding-willing-buyers-in-india (дата обращения: 21.08.2022).

Refineries Ltd. IOC и ее дочерние предприятия занимают 47% индийского рынка нефтепродуктов и контролируют 40% нефтеперерабатывающих и 67% нефтепроводных мощностей страны. Компании принадлежит 10 из 20 индийских НПЗ суммарной мощностью 60,2 млн тонн нефти в год. IOC управляет крупнейшей сетью автомобильных заправочных станций в стране (17 606 АЗС). Также компания начинает развивать сеть автомобильных газозаправочных станций (АГЗС). IOC поставляет газ для бытовых нужд более чем в 47,5 млн домашних хозяйств[24].

Одним из важнейших факторов в международной торговле нефтью является транспортировка товара. В Индию не протянуты нефтепроводы и газопроводы из России, а железнодорожное сообщение — транспортный коридор «Север-Юг» — находится в стадии становления. Единственный путь доставки наших углеводородов в Индию — морем. С запада — из балтийских и черноморских портов, а с востока — из портов Дальнего Востока. До недавнего времени экспортные поставки нефти марки Urals осуществлялись в основном через морские порты Новороссийск (40% экспорта) и Приморск (Ленинградская область) (25% экспорта), а также по системе нефтепроводов «Дружба». По логистическим соображениям поставки из портов Дальнего Востока были бы предпочтительнее, т.к. нефть может быть доставлена оттуда на нефтеперерабатывающие заводы восточного побережья Индии менее чем за 20 дней. Однако в любом случае транспортировка нефти в Индию из стран Ближнего Востока стоит дешевле, чем доставка из России[25].

Сейчас некоторые танкерные компании не хотят перевозить российскую нефть из-за проблем, возникших после введения санкций. В то же время определенные крупные корпорации и трейдеры юридически обязаны продолжать работы по контрактам.

6 октября 2022 года Европейский союз утвердил восьмой пакет экономических санкций против России, который включает в себя введение потолка цен на российскую нефть. Он предусматривает запрет на морские перевозки в третьи страны российской нефти, цена которой будет выше установленного потолка. Запрещено будет оказание всех связанных с такой транспортировкой услуг — например, страхование судов. Евросоюз вместе с G7 планируют таким образом снизить доходы, получаемые Россией от экспорта нефти. Однако на Западе нет полной уверенности в том, что этот никогда ранее не применявшийся механизм сработает[26].

Сам потолок цен недавно одобрен странами Евросоюза. Уже с 5 декабря 2022 года соответствующий запрет на перевозки заработал, а с 5 февраля 2023 года должен распространиться и на нефтепродукты. Предполагается, что ограничения затронут лишь морские поставки, а не трубопроводные.

В правительстве РФ полагают, что подобные действия могут нарушить все рыночные механизмы и привести к еще большему удорожанию топлива на глобальном рынке. При этом Россия не собирается торговать по навязанным ей правилам и продавать нефть себе в убыток. Об этом неоднократно говорили представители российского руководства.

По мнению ряда аналитиков, потолок цен никогда прежде не использовался в мировой торговле, и воплотить это решение в жизнь будет очень сложно[27]. Новые ограничения не касаются самих стран ЕС, поскольку Евросоюз планирует полностью отказаться от закупок

[24] https://iocl.com/ (дата обращения: 10.09.2022).

[25] Россия увеличивает экспорт нефти на самый неудобный для себя рынок. Российская газета. 07.12.2021. https://rg.ru/2021/12/07/rossiia-uvelichivaet-eksport-nefti-na-samyj-neudobnyj-dlia-sebia-rynok.html (дата обращения: 15.08.2022).

[26] Ограничение цены на нефть и запрет на оказание IT-услуг для организаций из РФ. В ЕС согласовали очередной пакет санкций против России. 05.10.2022. https://rg.ru/2022/10/06/potolok-bez-detalej.html (дата обращения: 07.10.2022).

[27] «В реальности не будет соблюдаться»: Евросоюз одобрил введение потолка цен на российскую нефть. 06.10.2022. https://russian.rt.com/business/article/1057792-evropa-rossiya-sankcii-neft-ceny-potolok (дата обращения: 09.10.2022).

российской нефти. При этом другие государства — потребители российской нефти, включая Индию, вряд ли поддержат данную инициативу. Индия и Китай пока не высказывали готовности участвовать в этом. А страны ОПЕК выступают против введения ценового потолка для России, поскольку опасаются, что в будущем аналогичные меры могут быть приняты и против них.

Некоторые эксперты считают рискованным для самого ЕС его решение отказаться от закупок нефти у России. Так, в настоящее время ведущие позиции в морских перевозках нефти занимают компании из Греции, Кипра и Мальты, а после установления ценового потолка Россия может полностью отказаться от их услуг. Тогда эти страны рискуют потерять важную статью своих доходов. Еще одной проблемой для стран ЕС является то обстоятельство, что многие нефтеперерабатывающие заводы Европы могут работать только с российским сырьем из-за особенностей его состава, а переоснащение предприятий потребует больших затрат[28].

Санкции против России в энергетической сфере могут привести к существенному удорожанию сырья на мировом рынке, что, в свою очередь, может вызвать еще больший рост инфляции в ЕС и увеличение расходов бизнеса и населения.

В то же самое время при возросших мировых ценах на нефть Россия может увеличить скидки для других покупателей и все равно остаться в плюсе. Так, например, Индия за счет дополнительных скидок могла бы еще больше увеличить объем закупок нефти у РФ и после ее переработки на своих НПЗ перепродавать тем же странам ЕС, но уже по рыночным ценам.

19 октября 2022 года министр нефти и природного газа Индии Хардип Сингх Пури заявил, что страна рассмотрит предложение западных стран о введении предельной цены на нефть из России. При этом Indian Oil Corp уже планирует поставку 3–4 грузов российской нефти после 5 декабря, а Bharat Petroleum Corp находится в процессе окончательного согласования грузов для поставки в декабре. Однако эти компании ожидают ясности по таким вопросам, как условия оплаты, страхования и доставки[29].

21 октября появились первые конкретные данные о предельной цене на российскую нефть. По данным агентства Bloomberg, США намерены добиваться установления потолка цен выше 60 долларов за баррель. Вашингтон полагает, что предельная цена должна покрывать производственные издержки, с тем чтобы Россия не ушла окончательно с мирового рынка. Ранее речь шла о коридоре цен от 40 до 60 долларов за баррель[30].

Позиция Индии в отношении потолка цен вызывает пристальное внимание во всем мире. От решений индийского руководства во многом зависит, насколько эффективным окажется план по ограничению нефтяных доходов России. Индия — крупный игрок на мировом рынке, на позицию которого могут ориентироваться и другие страны.

Можно предположить, что экспорт российской нефти в Индию будет продолжаться, а экономическая целесообразность по-прежнему будет превалировать над политическими обстоятельствами. Потенциал для наращивания экспорта российской нефти в Индию велик. Продолжение такого сотрудничества может оказаться дополнительным фактором укрепления суверенной и независимой позиции Индии на мировой арене.

---

[28] «В реальности не будет соблюдаться»: Евросоюз одобрил введение потолка цен на российскую нефть. 06.10.2022. https://russian.rt.com/business/article/1057792-evropa-rossiya-sankcii-neft-ceny-potolok (дата обращения: 09.10.2022).

[29] India to examine Russia oil price cap; its refiners line up Dec crude buys. 19.10.2022. https://www.reuters.com/business/energy/india-examine-price-cap-proposal-russian-crude-2022–10–19/ (дата обращения: 20.10.2022).

[30] US Eyes Russia Oil Price Cap Above $60 to Keep Supply Flowing. 21.10.2022. https://www.bloomberg.com/news/articles/2022–10–21/us-eyes-russia-oil-cap-above-60-in-bid-to-keep-supply-flowing (дата обращения: 21.10.2022).

Электронные ресурсы / Electronic sources

В Индии рассматривают все варианты импорта нефти, в том числе из России. ТАСС. 17.03.2022. https://tass.ru/ekonomika/14104983?utm_source=rfinance (дата обращения: 25.03.2022).

«В реальности не будет соблюдаться»: Евросоюз одобрил введение потолка цен на российскую нефть. 06.10.2022. https://russian.rt.com/business/article/1057792-evropa-rossiya-sankcii-neft-ceny-potolok (дата обращения: 08.10.2022).

Великобритания прекратила импорт российского топлива впервые с 1997 года. 24.08.2022. https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/24/937411-velikobritaniya-prekratila-import-topliva (дата обращения: 20.10.2022).

Индийская MRPL закупила 1 млн баррелей российской нефти сорта Urals. Neftegaz.ru. 4.04.2022. https://neftegaz.ru/news/finance/732522-indiyskaya-mrpl-zakupila-1-mln-barreley-rossiyskoy-nefti-urals/ (дата обращения: 20.08.2022).

Кремль опроверг сообщения о дешевой нефти для Индии взамен на отказ от потолка цен. 12.09.2022. https://www.forbes.ru/biznes/476863-kreml-oproverg-soobsenia-o-desevoj-nefti-dla-indii-vzamen-na-otkaz-ot-potolka-cen https://www.interfax.ru/business/806900 (дата обращения: 03.10.2022).

Ограничение цены на нефть и запрет на оказание IT-услуг для организаций из РФ. В ЕС согласовали очередной пакет санкций против России. 05.10.2022. https://rg.ru/2022/10/06/potolok-bez-detalej.html (дата обращения: 09.10.2022).

Россия нарастила экспорт нефти в Индию до 950 тыс. баррелей в сутки. Бизнес-портал NEDRADV. 12.07.2022. https://nedradv.ru/nedradv/ru/page_news?obj=6c744a2b6ca17d48b98905a27a45073e (дата обращения: 25.07.2022).

Россия увеличивает экспорт нефти на самый неудобный для себя рынок. Российская газета. 07.12.2021. https://rg.ru/2021/12/07/rossiia-uvelichivaet-eksport-nefti-na-samyj-neudobnyj-dlia-sebia-rynok.html (дата обращения: 15.08.2022).

США и Великобритания объявили о запрете импорта российских нефти и газа. 08 марта 2022 г. https://www.forbes.ru/biznes/458305-ssa-i-velikobritania-ob-avili-o-zaprete-importa-rossijskih-nefti-i-gaza (дата обращения: 20.10.2022).

У России начали скупать подешевевшую нефть. Агентство экономической информации ПРАЙМ. 19.03.2022. https://1prime.ru/energy/20220319/836430493.html (дата обращения: 28.03.2022).

Cheap Russian Urals Crude Is Finding Willing Buyers in India. Bloomberg 21.03.2022. https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-21/cheap-russian-urals-crude-is-finding-willing-buyers-in-india (дата обращения: 21.08.2022).

https://iocl.com/ (дата обращения: 10.09.2022).

India's Russian oil imports jump 50 times; now accounts for 10% of all import: Official. The Economic Times. 23.06.2022. https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/indias-russian-oil-imports-jump-50-times-now-accounts-for-10-of-all-import-official/articleshow/92417120.cms (дата обращения: 15.07.2022).

India to examine Russia oil price cap; its refiners line up Dec crude buys. 19.10.2022. https://www.reuters.com/business/energy/india-examine-price-cap-proposal-russian-crude-2022-10-19/ (дата обращения: 20.10.2022).

Russia becomes India's 2nd-largest crude supplier. 4.10.2022. https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/russia-becomes-indias-2nd-largest-crude-supplier/articleshow/94628529.cms (дата обращения: 07.10.2022).

Russia undercuts Saudi oil in India as competition heats up The Economic Times. 05.08.2022. https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/russia-undercuts-saudi-oil-in-india-as-competition-heats-up/articleshow/93357402.cms (дата обращения: 17.08.2022).

Russian oil exports to India surge as Europe shuns cargoes. Financial Times. 18.03.2022. https://www.ft.com/content/5efc6338-3f01-4015-aedf-53a4a1944ca8 (дата обращения: 20.04.2022).

US Eyes Russia Oil Price Cap Above $60 to Keep Supply Flowing. 21.10.2022. https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-21/us-eyes-russia-oil-cap-above-60-in-bid-to-keep-supply-flowing (дата обращения: 21.10.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-100-109

ЧАЙТЬЯ В ТРЕХ ВЕРСИЯХ «ЛАЛИТАВИСТАРЫ»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕКСТА И ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Н. В. Александрова[1]

В этой работе анализируется употребление слова *чайтья* (в буддийском значении «ступа») в трех версиях «Лалитавистары» — раннебуддийского агиографического текста. Существование трех версий — санскритской (IX в.) и двух более ранних китайских (IV и VII вв.) — позволяет проследить динамику изменений как в наборе и последовательности эпизодов предания, так и в словоупотреблении. Обращает на себя внимание, что встречаемость слова *чайтья* идет по нарастающей от ранней версии к более поздним. Со временем возникает особый контекст его употребления — появляется завершающая деталь при изложении отдельных эпизодов предания о Будде с упоминанием «ныне существующих» ступ, что выглядит как свидетельство о взаимодействии текста с реально существовавшей паломнической практикой. Совпадение таких свидетельств индийской литературы с указаниями китайских паломников, видевших эти культовые места своими глазами, показывает, насколько была связана с реальностью эта тенденция вносить дополнения в житийный текст. В этом можно видеть проявление взаимопроникновения буддийской паломнической практики и жития. При том, что строительство ступ и сложение сакральной географии буддизма происходило под воздействием развивающейся агиографической традиции, сформировавшаяся культовая реальность оказывала и обратное воздействие на житийный текст. Интересно, что увеличение упоминаний «пришедших с карты» ступ в житийном тексте «Лалитавистары» наблюдается именно в это время, в VII–IX вв. По-видимому, потребность «закрепить» на реальной географической карте житийные ассоциации симптоматична для последнего периода существования буддизма в Индии, когда он уже соперничал с иными религиозными тенденциями и практиками.

Ключевые слова: буддизм, буддийская литература, агиография, паломничество, буддийская ступа

Для цитирования: Александрова Н. В. Чайтья в трех версиях «Лалитавистары»: взаимодействие текста и паломнической традиции. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 100–109. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-100-109

CAITTYA IN THREE VERSIONS OF LALITAVISTARA: INTERACTION BETWEEN TEXT AND PILGRIMAGE TRADITION

Natalia V. Aleksandrova

[1] Александрова Наталия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент, старший научный сотрудник Института классического востоковедения и античности ВШЭ; surnevo@mail.ru, nalexandrova@hse.ru

Natalia V. Aleksandrova, PhD (in History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute for Oriental and Classical Studies HSE; surnevo@mail.ru, nalexandrova@hse.ru
ORCID: 0000–0001–6350–7245

This paper analyzes the use of the word *caitya* in three versions of Sanskrit «Lalitavistara», one of the main Buddhist hagiographic texts. The fact of the existence of three versions, one Sanskrit version (IX c.) and two Chinese versions (IV and VII c.) allows you to track the dynamics of changes both in the set and sequence of episodes of the legend, and in word usage. It is noteworthy that the occurrence of the word *caitya* grows from earlier version to later; over time, a special context for its use arises: «currently existing» stupas are mentioned as a final detail in the narration of some episodes of the legend of the Buddha. This looks like evidence of the interaction of the text with the real-life pilgrimage practice. The coincidence of such evidence from Indian literature with the indications of Chinese pilgrims (who saw these places of worship with their own eyes) shows how this tendency of making additions to the hagiographic text was connected with reality. This can be seen as a manifestation of the interpenetration of Buddhist pilgrimage practice and literature. The development of building stupas under the influence of the developing hagiographic tradition also has a reverse effect on the hagiographic text. It is interesting that the increase in the mention of stupas «coming from the map» in the hagiographic text of Lalitavistara is found in the 7th-9th centuries. Apparently, the need to «fix» hagiographic associations on a real geographical map is symptomatic of the last period of the existence of Buddhism in India when it was already competing with other religious tendencies and practices.

Keywords: Buddhism, Buddhist literature, hagiography, pilgrimage, Buddhist stupa

For citation: Aleksandrova N. V. Caitya in Three Versions of Lalitavistara: Interaction Between Text and Pilgrimage Tradition. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 100–109. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-100-109

Обращаясь к санскритской «Лалитавистаре» (IX в.) как к важнейшему памятнику буддийской литературы и сравнивая его с иными житийными текстами индийского буддизма, исследователь постоянно отмечает характерное для него словоупотребление. Повторяемость слов, относящихся как к буддийскому дискурсу, так и к общеиндийскому, а также их включение в определенный контекст может служить показателем различных явлений и преобразований, происходивших в религиозной культуре.

Выявление значимых слов и анализ их встречаемости дает возможность не только проследить их функционирование внутри текста и их смысловые взаимосвязи внутри своего круга литературы, но и обнаружить различного рода зависимость текста от процессов, внешних по отношению к текстопорождению. В религиозной традиции индийского буддизма текст при всей его консервативности и склонности к воспроизведению прежде наработанных шаблонов может быть достаточно чувствителен к происходящему в культовой и паломнической сфере, воспринимая развивающиеся тенденции.

Традиция «Лалитавистары» в этом отношении находится в особом положении, поскольку она представлена несколькими сохранившимися вариантами, из которых наиболее значимы собственно санскритская версия (IX в.) и две более ранние китайские (IV и VII вв., переводчиками названы соответственно Фа-ху и Дивакара[2]), входящие в состав китайского буддийского канона (T0186 и T0187). Это позволяет проследить изменения в употреблении интересующих нас понятий и предположить, в какой связи это происходит.

Интерес представляет встречающийся в этих памятниках термин *caitya* (и его китайские аналоги — 塔, 塔廟), имеющий прямое отношение к теме паломничества. Этим словом

[2] Включенные в китайскую «Трипитаку» буддийские тексты приписаны определенным переводчикам зачастую условно и могли быть результатом работы разных групп древних ученых-текстологов [Nattier, 2008, p. 19–20; Boucher, 2011, p. 88–92]. Наиболее ранняя из анализируемых здесь версий «Лалитавистары», отмеченная именем Фа-ху, значительно отличается от санскритского варианта; тексты Фа-ху достаточно сложны по языку, что обусловило необходимость создания отдельного словаря [Karashima, 1998].

в буддийском контексте обозначается ступа, воздвигаемая над реликвиями Будды или святых. Ступа становится основным объектом почитания и основным центром притяжения паломничества — паломник движется от ступы к ступе, что составляет и главный принцип движения текста китайских пилигримов, странствовавших по Индии. Они наблюдали расположение ступ на мысленной карте буддийского паломнического мира и соотносили их с сюжетами предания, что представляет собой ценность при сопоставлении их свидетельств с нарративами индийской литературы буддизма. Как можно будет показать, такие сопоставления иногда удается сделать, и они бывают показательны для понимания процессов взаимодействия текстовой и паломнической традиции. При этом надо иметь в виду, что китайский путешественник следовал по тем путям, которые были выработаны именно индийским паломничеством, и в своем рассказе воспроизводит то, что выработано в индийской литературе и в монашеской устной традиции. Следовательно, это взаимодействие происходило внутри индийской монастырской среды, той самой среды, которая вместе с мирской частью общины отправляла культ почитания *чайтьи*, передавала предания о *чайтье* и, наконец, переводила это предание в текстовый нарратив.

В санскритской «Лалитавистаре» слово caitya встречается всего несколько раз, и тем более показательна та роль, которую оно играет в соответствующих контекстах. Сразу можно обратить внимание на нетипичные случаи, чтобы затем сосредоточиться на более закономерных. Так, лишь один случай употребления этого слова можно видеть в главе «Чистота рода» (*kulapariśuddhi*), повествующей о том, как Бодхисаттва, восседающий на небесах, выбирает страну, где ему предстоит родиться, а также свой будущий род, отца и мать. При перечислении достоинств, которыми обладает выбранный род, отмечено такое качество, как «почитающий *чайтьи*» (*caityapūjakaṃ ca tatkulaṃ bhavati*). Эта характеристика стоит в ряду других схожих качеств «достойного рода» — «тот род бывает почитающим риши, тот род бывает почитающим богов, тот род бывает почитающим святилища, тот род бывает почитающим предков» (*ṛṣipūjakaṃ ca tatkulaṃ bhavati / devatāpūjakaṃ ca tatkulaṃ bhavati / caityapūjakaṃ ca tatkulaṃ bhavati / pūrvapretapūjakaṃ ca tatkulaṃ bhavati*) [Lalitavistara, 1987, p. 18; Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 220]. Поскольку возникновение буддийского учения — и тем более культа — предание мыслит лишь в будущем, то очевидно, что слово «*чайтья*» здесь имеет более общее значение «святилище» по сравнению с тем употреблением, которое предстоит в дальнейшем тексте, где речь идет о сооружении именно буддийских святынь. В добуддийском (или внебуддийском) контексте так обозначалось почитаемое место, обычно представлявшее собой святилище у дерева, имеющее ограду,— например, словом caitya названы священные деревья в надписях Бхархутской ступы [Cunningham, 1998, p. 108].

Новое, буддийское значение слова как будто предвосхищается упоминанием *чайтьи* в главе «Схождение в утробу» (*garbhāvakrānti*) в том эпизоде, когда боги преподносят Бодхисаттве «каплю силы» — божественное питье, которое может проглотить лишь сверхъестественное существо. Утверждается, что Бодхисаттва может получить это необыкновенное угощение в силу того, что в своих прежних рождениях он всегда проявлял щедрость и «лучшие плоды, лучшее питье всегда подносил татхагатам, *чайтьям* татхагат (*tathāgatacaityebhyaḥ*)» [Lalitavistara, 1987, p. 53; Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 385]. Эта аргументация присутствует лишь в санскритской версии «Лалитавистары» и в китайском переводе VII века (здесь это выражение передано как «ступы будд» 佛塔廟)[3], в ранней же китайской версии этого пассажа нет. В этом рассуждении, появившемся в развитых версиях текста, проявилось соотнесение *чайтьи*

[3] T0187.03.0550b07–03.0550b09 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

с «татхагатами», буддами прошлых эпох, места почитания которых посещал будущий будда Шакьямуни,— происходит некая проекция буддийского культа в мифологическое прошлое.

Иное соотношение с развитием культа приобретают те случаи употребления слова, которые связаны уже с дальнейшими эпизодами жития. Первый такой эпизод — почитание *ратнавьюхи* в уже упоминавшейся главе «Схождение в утробу». После того как Бодхисаттва совершает нисхождение с небес, находясь внутри *ратнавьюхи* — особого сооружения, созданного из драгоценностей,— он продолжает находиться внутри него во время пребывания в утробе матери. Затем бог Брахма снова возносит *ратнавьюху* на небеса «ради создания *чайтьи*» (*brahmā sahāpatiḥ punareva brahmaloke samāropya pratiṣṭhāpayati sma caityārthaṃ*) [Lalitavistara, 1987, p. 58; Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 392 — здесь caitya переведено как «святилище»]. Именно это–«ради создания *чайтьи*» (*caityārthaṃ*) — становится типовым выражением, которое является признаком развитого буддийского культа, однако здесь этот культ проецируется на небесный мир: Брахма приносит реликвию на небеса для возведения ступы. В данном случае реликвия относится к категории *pāribhogikadhātu*, т. е. является вещной реликвией, принадлежностью Будды. Такого рода проекция культа на небеса отмечена в работе Дж. Стронга [Strong, 2007, p. 65, 67] — впрочем, не на этом примере, а на другом, который как раз не подходит для такого вывода, что еще будет обсуждено ниже.

Здесь интересно отметить, что идея сооружения ступы в этом эпизоде имеется только в наиболее поздней из имеющихся версий «Лалитавистары» и даже в китайском переводе VII века нет упоминания ступы — Шакра и Брахма просто забирают *ратнавьюху* на небеса, дальнейшие подробности отсутствуют. В ранней же китайской версии вообще нет рассказа об отправке *ратнавьюхи* на небо. Таким образом, преобразование эпизода выглядит как наращивание атрибутов: в варианте IV в. про отправку *ратнавьюхи* на небо ничего не говорится, в варианте VII в. это действо появляется и происходит возвращение ее на небо Брахмы, и в конце концов в санскритской «Лалитавистаре» мы видим добавление выражения *caityārthaṃ*, обозначающего цель перенесения этой реликвии — устройство *чайтьи*. Эта последовательность «прибавлений» дает пример развития сюжета, который отражает постепенные изменения не только в представлениях об «устройстве небесного мира», но и, по-видимому, во все большем акценте на культе *чайтьи*, требующем все большей мультипликации в тестовой культуре.

Следующий эпизод в «Лалитавистаре», в котором встречается слово *caitya*, если следить по ходу развития событий жития,— это *абхинишкрамана*, уход Бодхисаттвы из родного дома и преображение его в странника. Здесь три последовательных действия героя сопровождаются упоминаем *чайтьи*, и все три случая оформлены однотипно. Это завершающие события *абхинишкраманы* — возвращение домой верного слуги Чхандаки, срезание волос и перемена одежды. Все происходит уже после передвижения из города в лес, где Бодхисаттва прощается с конем и конюхом и меняет свой облик царевича на облик подвижника.

В первую очередь речь идет об уходе Чхандаки вместе с конем. В завершение этого действия говорится о сооружении *чайтьи*: «На том месте, откуда Чхандака пошел вспять, была установлена ступа» (*yatra ca pradeśe chandako nivṛttastatra caityaṃ sthāpitamabhūt*). Далее идет немаловажное замечание: «Ныне эта *чайтья* известна под названием Уход Чхандаки» (*adyāpi taccaityaṃ chandakanivartanamiti jñāyate*) [Lalitavistara, 1987, p. 186]. Здесь надо отметить, что эта и далее упоминаемые ступы должны относиться к другой категории по сравнению с предыдущим случаем, когда возведение ступы происходило при обретении какой-либо вещной реликвии. Теперь мы имеем дело со ступами, называемыми *uddeśica*, которые возводились на местах, связанных с событиями жития [Bénisti, 2003, p. 18].

Такое же указание на «ныне существующую» *чайтью* мы наблюдаем в следующем эпизоде «срезания волос». Бодхисаттва берет меч, отрезает *cūḍā* (вихор на голове) и бросает его ввысь. Боги на небесах подхватывают их и оставляют у себя, получив таким образом реликвию для поклонения. Далее следует утверждение «и теперь у богов [небес] Траястримша существует праздник [почитания] *чуды*» (*adyāpi ca trāyatriṃśatsu deveṣu cūḍāmaho vartate*), и лишь затем идет фраза, аналогичная той, что завершает эпизод ухода Чхандаки: «Там была воздвигнута ступа. Ныне она известна под названием Унесение Волос» (*tatrāpi caityaṃ sthāpitamabhūt / adyāpi ca taccūḍāpratigrahaṇamiti jñāyate*) [Lalitavistara, 1987, p. 186].

Это упоминание о строительстве *чайтьи* заслуживает отдельного внимания. Дж. Стронг опирается именно на данный текст, утверждая, что речь идет о строительстве ступы в мире богов [Strong, 2007, p. 65, 67]. Такое понимание фразы *tatrāpi caityaṃ sthāpitamabhūt* не вызывает доверия, поскольку далее текст продолжается следующим образом: «И ныне эта *чайтья* известна под названием Унесение Волос» (*adyāpi ca taccūḍāpratigrahaṇamiti jñāyate*). Бросается в глаза, что эта фраза является полной калькой высказывания из предшествующего эпизода ухода Чхандаки, также завершающейся сооружением ступы (*adyāpi taccaityaṃ chandakanivartanamiti jñāyate*). Слово adya «ныне», «сегодня», «в настоящее время», а также глагол *jñāyate* указывают на существующие, известные людям святыни, обозначающие в паломническом пространстве те локусы, которые увязываются с событиями жития. Соответствующие названия (*cūḍāpratigrahaṇa, chandakanivartana*) отсылают читателя одновременно к житийному эпизоду и месту на паломнической карте.

Фраза о строительстве *чайтьи* выглядит прибавленной к тексту именно на этом этапе его развития. Об этом свидетельствует в первую очередь отсутствие ее в переводе VII века — текст заканчивается ровно перед этой фразой: боги забирают волосы на небеса, и здесь повествование обрывается[4]. Если обратиться к передаче этого эпизода в «Махавасту», то текст точно так же останавливается на «празднике богов» и не содержит упоминания ступы:

Бодхисаттве подумалось: «Как же так — [я ухожу] в отшельничество и [оставляю] волосы?» Бодхисаттва лезвием меча срезал волосы, и те волосы были подхвачены Шакрой, Индрой среди богов, который стал совершать им поклонение на небесах Траястримша и установил «праздник волос» [Mahāvastu Avadāna, 2003, p. 110; The Mahāvastu, 1952, p. 161].

Третий эпизод, непосредственно следующий за «обрезанием волос»,— это «унесение одежды» (*kāṣāyagrahaṇam*), и точно таким же образом он завершается типовой концовкой «Там была воздвигнута ступа. Ныне он известна под названием Унесение Одежды» (*tatrāpi caityaṃ sthāpitam / adyāpi taccaityaṃ kāṣāyagrahaṇamityevaṃ jñāyate*) [Lalitavistara, 1987, p. 186].

Обращаясь к циклу *абхинишкраманы* в изложении, данном в китайском переводе VII в. (глава «Уход из дома» 出家), можно отметить, что «расстановка ступ» здесь тоже присутствует, однако расположение их совпадает не полностью: упоминается строительство ступы на том месте, где Бодхисаттва покинул дворец, на том месте, где он расстался с Чхандакой, и на том месте, где сменил одежду[5]. Таким образом, на этом срезе мы также видим включение в нарратив культовых мест, и примечательно, каким образом это выражено в тексте: «впоследствии люди здесь возвели ступу» (爾後眾人於此起塔) — с другим заходом, чем в санскритском варианте, где акцент сделан на «нынешнем» (*adya*) существовании ступы. При этом в обоих случаях речь идет уже не о событиях предания, а о событиях реальной жизни, происходивших в этих местах.

[4] T0187.03.0576c03–03.0576c07 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

[5] T0187.03.0575c29–03.0576a01, 03.0576c27–03.0576c28, T0187.03.0576c21–03.0576c22 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

В наиболее же ранней версии Фа-ху в повествовании об «уходе из дома», включенном в главу XIII («Разговор с Чхандакой»), нет ни одного упоминания о ступах.

Дополнение текстов этих эпизодов «строительством ступы», которое, видимо, было сделано на основании паломнических сведений, проникнувших в текст жития, можно проиллюстрировать текстом реальных паломников. Действительно, обратившись к Сюань-цзану, странствовавшему по таким местам и последовательно их разыскивавшему, обнаруживаем рассказ о тех самых ступах.

Так, мы находим у Сюань-цзана соответствие «ступе возвращения Чхандаки» из «Лалитавистары»:

…прошел на восток через большой лес около 100 ли и прибыл к большой ступе, построенной царем Ашокой. Здесь то самое место, куда, проследовав через город, пришел царевич, где он снял дорогую одежду, выбросил ожерелья и повелел слуге вернуться домой… На этом же месте он в последний раз сошел с коня… Чандака сказал: «С каким же сердцем я вернусь, ведя пустого коня?» Царевич добрыми словами утешил его, и тот в растроганных чувствах вернулся домой [Сюань-цзан, 2012, с. 169][6].

Дальнейший путь паломника ведет к ступе, построенной на месте, где Бодхисаттва сменил одежду:

К востоку от Ступы Возвращения Коня есть дерево джамбу. Хотя ветви и листья его увяли, ствол все еще сохраняется. Рядом с ним есть малая ступа. Здесь место, где царевич поменял свою дорогую одежду на одежду из оленьей шкуры… [Сюань-цзан, 2012, с. 169][7].

Здесь же неподалеку он находит ступу на месте обрезания волос:

Недалеко в сторону от Смены Одежды есть ступа, построенная царем Ашокой. Здесь место, где царевич сбрил волосы. Царевич, взяв нож у Чхандаки, сам обрезал себе волосы, и небесный владыка Шакра унес их в небесный дворец, чтобы совершать поклонение… [Сюань-цзан 2012, с. 169–170][8].

Здесь можно наблюдать, что все три ступы, упоминаемые в «Лалитавистаре» как «ныне существующие», были посещены Сюань-цзаном и, следовательно, им оказывалось почитание в VII веке. Как в «Лалитавистаре» три эпизода плотно следуют один за другим, так и у Сюань-цзана три ступы находятся в непосредственной близости друг от друга. Все это в совокупности с отсутствием упоминания ступ в более ранних версиях жития говорит о воздействии паломнических реалий на житийный текст и продолжении комплектования текста именно таким способом.

Возможно предположить также, что реальное строительство ступ тоже продолжалось со временем, поскольку при обращении к более раннему паломническому тексту, составленному по следам путешествия Фа-сяня и относящемуся к V веку, мы видим упоминание только одной из этих ступ: «От места рождения Будды шли на восток 5 *йоджан*. Здесь — страна, называемая Рама <…> Отсюда шли на восток 3 *йоджаны* — здесь царевич отослал конюха Чхандаку

[6] T2087.51.0903a16–51.0903a18 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).
[7] T2087.51.0903a07–51.0903a15 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).
[8] T2087.51.0903a16–51.0903a18 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

и белого коня. На этом месте построена ступа» [Александрова, 2008, с. 132]. Развитие строительства ступ в соответствии с текстовой традицией было другой стороной процесса взаимодействия между культом и текстом.

Похожий мотив с упоминаем святого места присутствует и в XVIII главе «Лалитавистары», называемой «Найранджана». Бодхисаттва совершает омовение в реке Найранджане, при этом боги наполняют воды реки благовониями и цветами, а затем уносят в свои дворцы «ради [устройства] *чайтьи* и ради поклонения» (*svakasvakāni bhavanāni nayanti sma caityārthaṃ pūjārthaṃ ca*) [Lalitavistara, 1987, p. 223]. Мы видим здесь случай, аналогичный «унесению на небо *ратнавьюхи*» — с такой же формулировкой о *чайтьях*. И точно так же, как в случае с *ратнавьюхой*, никакого упоминания *чайтьи* нет в китайском переводе VII века, довольно точно передающем окружающий текст за исключением этого момента — боги просто уносят воды реки в свои небесные дворцы[9].

Далее идет продолжение действия — Суджата, дочь деревенского старосты, которая принесла свою чашу с подношением Бодхисаттве, забирает его волосы и бороду, которые он отстриг, и уносит их опять же «ради [устройства] *чайтьи* и ради поклонения» [Lalitavistara, 1987, p. 223]. На сей раз в переводе VII века мы также видим «строительство ступы»: «получив бороду и волосы, она воздвигла ступу (塔), чтобы совершать им поклонение»[10]. И в санскритском, и в китайском тексте нет отсылки к «нынешнему существованию ступы».

В следующем далее эпизоде с поклонением нагов *чайтья* фигурирует похожим образом. Когда Бодхисаттва, поев из чаши, поднесенной Суджатой, бросает эту чашу в реку, царь нагов Сагара забирает ее. Но великий Гаруда (по версии Дивакары — Индра отнимает ее и уносит на небеса Траястримша «ради [устройства] *чайтьи* и ради поклонения» (*caityārthaṃ pūjārthaṃ*), а «благое сиденье», на котором восседал Бодхисаттва, уносит дочь нага — тоже «ради [устройства] *чайтьи* и ради поклонения» [Lalitavistara, Vaidya, 1987, p. 223–224].

В переводе VII века на сей раз присутствуют эти упоминания ступы (塔), причем в эпизоде с нагами (龍) добавлено, что они унесли реликвию во дворец, а вместо Гаруды здесь действует Индра (釋提桓因 *śakro devānāṃ indraḥ* [Hirakawa, 1997, p. 1178])[11]. Таким образом действия нагов становятся запараллеленными с действиями Индры — как при небесных дворцах возводится ступа, так и во дворцах в глубине вод возводится ступа. Этот последний случай наряду с почитанием *ратнавьюхи* на небесах, где сооружается *чайтья*, конечно, отражает практики создания паломнических локусов, лишь перенесенные в мифологическое пространство, причем здесь делается акцент на всеохватность этого пространства — с одной стороны, это «верхний мир», где обитают боги, с другой — «нижний мир», где обитают наги.

Эпизод с омовением, Суджатой и почитанием нагов — единственный, где рассказ о возведении ступы имеется и в раннем китайском переводе, принадлежащем Фа-ху, — здесь дочь наги возводит храм (寺), а дочь деревенского старосты, как здесь называют Суджату, возводит ступу (塔) над реликвиями волос и ногтей, которые она получает. Если снова обратиться к Сюань-цзану, то он отмечает только ступу на берегу Найранджаны — на месте омовения и получения каши от деревенской девушки.

[9] T0187.03.0583c24–03.0583c26 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

[10] T0187.03.0583c26 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

[11] T0187.03.0583c28–03.0584a06 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

Практика включения в житийный текст сведений о паломнических локусах может быть прослежена и в другом эпизоде из главы «Найранджана», хотя и не связанном со строительством *чайтьи*. Здесь повествуется о действиях Бодхисаттвы накануне обретения просветления. Действия эти выстроены в некую последовательность, отчасти напоминающую последовательность действий в ходе *абхинишкраманы* — сходным образом герой меняет свой облик, готовясь к переходу в иной статус. Так же, как после ухода из дома, он меняет свою одежду, и на этот раз ищет такое одеяние, которое еще более решительно подчеркивало бы его аскетичность. Выбор падает на ветхую, пыльную ткань (*pāṃśukūla*), в которую облачена умершая нищенка. Взяв эту ткань, он стирает ее и затем сшивает. Оба действия приобретают сакральный статус, и это особо отмечено через сакрализацию тех мест, где они совершались: пруд, созданный божеством, чтобы Бодхисаттва мог стирать ткань, получает название Удар Рукой (*pāṇihata*) — пруд образовался на месте, где бог ударил рукой, а место, где подвижник шил, названо Шитье Пыльной Ткани (*pāṃśukūlaṃ sīvanam*). При этом те фразы, которые соединяют эти названия с сегодняшним днем (*adya*), очень напоминают утверждения о «нынешнем» существовании ступ в разобранных выше эпизодах *абхинишкраманы*: «И сегодня этот лотосовый пруд называется Удар Рукой» (*adyāpi sā pāṇihateti puṣkariṇī saṃjñāyate*), «И сегодня то [место] называется Шитье Пыльной Ткани» (*adyāpi tat pāṃśukūlaṃ sīvanamityevaṃ saṃjñāyate*) [Lalitavistara, 1987, p. 221; Александрова, Русанов, 2012, с. 31–32]. Отсылка к реально существующим паломническим местам здесь также очевидна. Показательно, что соотношение версии санскритской «Лалитавистары» и версии Дивакары в пересказе этого эпизода таково же, как и в большинстве уже перечисленных случаев с упоминанием «ныне почитаемых» локусов. В версии Дивакары нет таких упоминаний в соответствующих местах в конце описания действия — притом что последовательность развития событий такова же[12]. В ранней версии Фа-ху этот эпизод с одеждой отсутствует, в соответствующей главе (XV) речь идет только о поднесении каши. Остается предположить, что подобные пояснения, связанные с паломнической практикой, были добавлены на более поздней стадии формирования текста.

Интересно видеть, насколько точно такие «добавки» совпадают с той картиной святых мест и расстановкой ступ, которую дает посетивший их паломник:

Далее к югу — озеро, которое сотворил для Будды владыка дэвов Шакра, когда в прошлом Татхагата только что достиг правильного просветления и пожелал здесь совершить омовение. По западную сторону озера есть камень, который перенес сюда из Снежных Гор владыка дэвов Шакра, когда Будда выстирал свою одежду и пожелал здесь ее просушить. Рядом стоит ступа. На этом месте Татхагата сшивал ветхую ткань. Далее на юг, посреди рощи — ступа на том месте, где Татхагата принял ветхую ткань, которую преподнесла ему бедная старуха [Сюань-цзан, 2012, с. 229][13].

Как можно видеть на примере этих фрагментов «Лалитавистары» и ее переводных версий, употребление слова «*чайтья*» (*caitya*, 塔, 塔廟) имеет значение не только в соответствии с контекстом предания, но и в связи с воздействиями извне, отражая те процессы, которые происходили в религиозной сфере, в данном случае — продолжающееся распространение и развитие культа буддийской *чайтьи*. Даже в пределах отслеживаемой эволюции текстов, относящихся

[12] T0187.03.0583b04–03.0583b22 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).
[13] T2087.51.0917b08–51.0917b12 // The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

к традиции «Лалитавистары», мы наблюдаем, как прибавляются все новые случаи употребления этого слова, все чаще проникающего в повествование и встраиваемого в ткань житийного текста. Так, культ *чайтьи* проецируется на мифологическое пространство (боги забирают реликвии на небеса и строят *чайтьи* при своей небесной обители) или на мифологические времена (Будда в прошлых рождениях почитает «*чайтьи* татхагат») — в таких контекстах слово «*чайтья*» встречается лишь в поздних вариантах нарратива, дополняя сюжет новой деталью «строительства». Однако среди перечисленных случаев упоминания *чайтьи* следует обратить особое внимание на те, где есть пометка «ныне известны под таким-то названием» — все они также встречаются лишь в наиболее поздней версии. Можно отметить, что все эти подразумеваемые локусы относятся только к двум ареалам, с которыми предание связывает события из цикла *абхинишкраманы* и цикла просветления,— несомненно, особо важным с точки зрения паломника.

Уникальная возможность отследить «на местности» упоминаемые в житии ступы предоставлена китайским паломником, путешествовавшим по буддийским памятным местам и видевшим те самые ступы своими глазами. Сравнивая житийный и паломнический текст, можно отследить прямые соответствия между «нарративной» и реальной ступой, при этом последняя была центром реального паломничества. Здесь нашел свое отражение некий вторичный процесс, при котором существование святынь в реальном пространстве оказывало свое обратное воздействие на текст. Несомненно, что само создание паломнических локусов происходило как перенесение событий буддийского предания на сакральную карту, где формировался «пространственный нарратив»: передвижение главного героя предания отмечалось сооружением все новых ступ, при этом каждое житийное событие, обраставшее новыми подробностями, создавало целые группы этих памятных мест. Достаточно проследить продвигающееся от ступы к ступе описание Сюань-цзана, чтобы наблюдать, как «сгущаются» *чайтьи* в пределах той местности, которая связана с каким-либо из ключевых эпизодов жития, и каждая из них влечет за собой рассказ об очередном действии, которое совершает герой, даже если оно «проходное» (единство связанного со ступой культа и буддийского нарратива — предмет отдельного рассмотрения [Walters, 2009, p. 252–259]). Однако, как можно убедиться на наших примерах, происходит и обратный процесс — так сказать, рикошетом, и отзвуки существования реальных ступ проникают в житийный текст. Таким образом, проблема соотношения сакрального паломнического пространства и житийного текста предстает перед нами в более сложной форме — как процесс взаимодействия и взаимопополнения. Интересно, что при всей длительной истории буддийских ступ, которая к тому времени насчитывала уже около тысячелетия, активный приток упоминаний «пришедших с карты» ступ в житийном тексте «Лалитавистары» наблюдается именно в это время, в VII–IX вв. Складывается впечатление, что возникает необходимость акцентировать внимание на реальном существовании ступ, отмечающих памятные места, связанные с житием Будды как основным буддийским преданием. Потребность напомнить о том, что «места, где прошел Будда», доступны для посещения, как будто «закрепить» на реальной географической карте житийные ассоциации — симптоматична для последнего периода существования буддизма в Индии[14], уже соперничавшего с иными религиозными тенденциями и практиками.

[14] В сознании буддиста «угасание учения» может принимать форму такой последовательности, при которой последней стадией паринирваны Будды становится dhātuparinibbana, т. е. «исчезновение реликвий» [Gombrich, 2008, p. 341–342], что, по-видимому, мыслится и как исчезновение ступ. Предчувствие такой перспективы с необходимостью должно было способствовать акцентуации на их существовании.

Литература / References

Александрова Н. В. *Путь и текст. Китайские паломники в Индии*. М., 2008 [Aleksandrova N. V. *The Path and the Text: Chinese Pilgrims in India*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Александрова Н. В., Русанов М. А. Бодхисаттва на берегу Найранджаны: история развития сюжета // *Indologica. Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой*. Кн. 2. *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности*. Вып. XL. М., 2012. С. 21–62 [Aleksandrova N. V., Rusanov M. A. Bodhisattva on the Bank of Nairanjana: the Story of the Development of the Plot // *Indologica. Collected Articles in Memory of T. Ya. Elizarenkova*. T. 2. *Orientalia et Classica. Proceedings of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity*. Vol. XL. Moscow, 2012. Pp. 21–62 (in Russian)].

Александрова Н. В., Русанов М. А., Комиссаров Д. А. *Лалитавистара. Сутра о жизни Будды. Рождение*. М., 2017 [Aleksandrova N., Rusanov M., Komissarov D. *Lalitavistāra. The Sutra of Buddha's Life. The Birth*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Сюань-цзан. *Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан*. Введение, перевод с китайского и комментарий Н. В. Александровой. М., 2012 [*Xuan-zang. Notes on the Western Lands [Composed under] the Great Tang*. Introduction, Translation and Commentary by N. Aleksandrova. Moscow, 2012 (in Russian)].

Bénisti M. *Stilistics of Buddhist Art in India*. Vol. I. N. Delhi, 2003.

Boucher D. *Bodhisattvas of the Forest and the Formation of the Mahāyāna. A Study and Translation of the RAX[rapālaparipṛcchā-sūtra*. Delhi, 2011 (first publ. 2008).

Cunningham A. *The Stupa of Bharhut: a Buddhist Monument Ornamented with Numerous Sculptures illustrative Buddhist Legend and History in the Third Century B. C.* N. Delhi, 1998 (First Ed. 1879).

Gombrich R. F. *Buddhist Precept and Practice. Traditional Buddhism in the Rural Highlands of Ceylon*. Delhi, 2008.

Hirakawa Akira. *Buddhist Chinese-Sanskrit Dictionary*. Tokyo, 1997.

Karashima Seishi. *A Glossary of Dharmarakṣa's Translation of the Lotus Sutra*. Bibliotheca Philologica et Philosophica Buddhica I. Tokyo, 1998.

Lalitavistara. First edition ed. by P. L. Vaidya, second edition ed. by Shridhar Tripathi. Darbhanga, 1987.

Mahāvastu Avadāna. Ed. by Dr. S. Bagchi. Vol. II. Darbhanga, 2003.

The Mahāvastu. Tr. from the Buddhist Sanskrit by J. J. Jones. Vol. II. L., 1952.

Nattier J. A Guide to the Earliest Chinese Buddhist Translations. Texts from the Eastern Han 東漢 and Three Kingdoms 三國 Periods. Tokio, 2008.

Strong, J. *Relics of the Buddha*. Delhi, 2007.

Walters J. S. Stūpa, Story and Empire: Constructions of Buddha Biography in Early Post-Aśokan India // *Buddhist Stupas in South Asia. Resent Arcaeological, Art-Historical, and Historical Perspectives*. Oxford, 2009.

Электронные ресурсы / Electronic sources

*The SAT Daizōkyō Text Databas*e. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения: 25.10.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-110-119

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ «НАРОДНЫЙ БУДДИЗМ» В РЕЛИГИОВЕДЕНИИ ЯПОНИИ

Е. О. Новосёлова[1]

В любом религиозном течении условно можно выделить два направления — элитарное (также используются термины «теоретическое» и «схоластическое») и простонародное. Последнее отличают высокая приспособляемость и большая подверженность влиянию местного фольклора и верований. То есть именно учение массовой направленности при взаимодействии с устоявшимися народными верованиями ассимилируется и порождает явление, называемое религиозным синкретизмом. Народной религии свойственна меньшая степень упорядоченности и большая степень эклектичности, а ритуал зачастую довлеет над догматикой. Такая форма религии синкретична и имплицитна по своей природе, хотя в зависимости от того, о какой религиозной системе идет речь, элитарное и народное направления могут иметь ряд особенностей. В случае Японии, где синто, буддизм и региональные верования формируют тесные синкретические отношения, вопрос о разграничении «элитарного» и «народного» течения становится особенно актуальным. Тем более что именно к этой эпохе относят становление буддизма в качестве общенародной религии, а не только привилегии высших сословий. Общепринятого решения о рамках того, что попадает под понятие массового или, как чаще его называют, народного буддизма тем не менее среди исследователей нет, что затрудняет его изучение. Вопрос, впрочем, неоднократно поднимается для обсуждения.

Цель данной статьи — показать разные взгляды японских, западных и отечественных исследователей на основные проблемы классификации и попытаться выявить примерный охват понятия «народный буддизм» в религиоведении Японии. Для чего необходимо затронуть три важных аспекта: проблему соотношения религиозного и магического в простонародном буддизме, а также религиозный ригоризм и социальную стратификацию как важные факторы в разграничении элитарного и массового течений буддизма в Японии.

Ключевые слова: Япония, буддизм, народная религия, религиоведение, ритуал

Для цитирования: Новосёлова Е. О. Проблема понятия «народный буддизм» в религиоведении Японии. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 110–119. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-110-119

THE PROBLEMATICS OF 'POPULAR BUDDHISM' CONCEPT IN THE RELIGION STUDIES OF JAPAN

Evgenia O. Novoselova

[1] Новосёлова Евгения Олеговна, аспирант Института востоковедения РАН, Москва; estelens@mail.ru
Evgenia O. Novoselova, Postgraduate student of Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; estelens@mail.ru
ORCID: 0000–0003–1376–8871

Any religion can be conditionally divided into two subcategories: the elite (the terms 'theoretical' and 'scholastic' are also applied) and the popular religions. The latter is characterized by high adaptability and great exposure to the influence of local folklore and beliefs. Thus, it is the mass-oriented teaching that by interacting with established folk beliefs assimilates and gives rise to a phenomenon called religious syncretism. Folk religion tends to be less organized and more eclectic; the ritual often prevails over dogmatics. Such form of religion is syncretic and implicit in nature, although depending on what kind of religious system we are considering, the elite and popular categories may have a number of common features. In the case of Japan, where Shinto, Buddhism and regional folklore had formed close syncretic relations, the issue of delimiting the 'elite' and 'popular' currents becomes especially relevant. Moreover, it is to this era that the formation of Buddhism as a public religion, and not just the privilege of the upper classes, is attributed. Nevertheless, there is no generally accepted decision on the framework of what falls under the concept of popular, or as it is more often called, folk Buddhism among researchers, which makes it difficult to study. The question, however, is repeatedly raised for discussion.

The purpose of this article is to show the different views of Japanese, Western and Russian researchers on the main problems of classification and try to identify the approximate scope of the concept of 'popular Buddhism' in the religious studies of Japan. For this, it is necessary to touch upon three important aspects: the problem of the relationship between the religious and the magical aspects in the folk Buddhism, along with religious austerity and social stratification, as important factors in distinguishing between the elite and popular categories of Buddhism in Japan.

Keywords: Japan, Buddhism, popular religion, religion studies, ritual

For citation: Novoselova E. O. The Problematics of the "Popular Buddhism" Concept in the Religion Studies in Japan. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 100–119. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-100-119

Простонародная религия и простонародные верования

Для обозначения простонародной религии в Японии используется термин «сёмин синко» (庶民信仰) или «минкан синко» (民間信仰). Впервые его употребил в отношении буддизма в 1897 году японский исследователь Анэсаки Масахару (1873–1949) (姉崎正治) в статье «Простонародные верования в кругу служащих Среднего покоя» («Накаоку-но минкан синко»;中奥の民間信仰) в журнале «Философия» («Тэцугаку дзасси»; 哲学雑誌) [Анэсаки, 1897, p. 996]. Анэсаки определял простонародную религию как синкретический комплекс верований, основанный на синто, буддизме, конфуцианстве и региональном шаманизме, для которого характерна ориентация преимущественно на сезонные ритуалы, связанные с почитанием предков, прошением урожая и похоронами. Он также характеризовал такую форму религиозности как «спонтанную» в противоположность религиозности организованной. Кусуноки Масахиро (1921–2009)(楠正弘) разработал концепцию Анэсаки еще глубже, выделив 8 направлений ритуальных практик, существующих в рамках сёмин синко: ритуалы на удачу; ритуалы, связанные с карьерой; проклятия; похоронные ритуалы; ритуалы изгнания нечисти; извинительные ритуалы; очистительные ритуалы; охранительные ритуалы. Кусуноки также отмечает такие черты простонародной религии, как сочетание текстовой и нетекстовой традиции (одновременная опора на письменные религиозные источники и устную традицию), синтез религиозного и магического, выраженная функциональность ритуалов [Hartoro, Lawanda, 2019, p. 3].

С другой стороны, Токутаро Сакурай (1917–2007)(桜井徳太郎) в 1977 году предлагает рассматривать минкан синко как региональные фольклорные верования, а для народной религии вводит термин «миндзоку синко» (民族信仰), как более широкий. Если пытаться очертить более четкие границы между минкан синко и миндзоку синко, то первое понятие, как пишет исследователь Синно Тосикадзу, зачастую предполагает закрепление определенных религиозных

традиций за общиной или регионом. В этом смысле оно противопоставляется религиозным течениям с конкретным основателем. Миндзоку синко же может охватывать широкий спектр верований синкретического характера и не имеет привязки к общине. Верования и обряды спорадического характера также попадут в эту категорию.

На сегодняшний день среди японских исследователей в отношении народной религии используются оба термина [Shinno, Swenson, 1993, p. 189–194]. Однако исследователь Симадзоно Сусуму, который впервые подметил терминологический транзит, сделал вывод, что термин «миндзоку синко» со временем стал активнее применяться в отношении синто и исконных японских религий, буддизм же словно отходит на второй план. Сам Симадзоно предлагает более емкий термин «сюго сю: кё:» (習合宗教) — «синкретическая религия» [Shimazono, 2004, p. 46]. Попытки разграничения сферы использования терминов в контексте японского религиоведения вполне ясны — само понятие «религии» в ее европейском восприятии, «сю: кё:», довольно позднее, родом из эпохи Мэйдзи (1868–1912). В этом контексте верования — синко и религия — сю: кё: также часто противопоставляются [Pye, 2003, p. 2]. Акцент на синто перетекает и в зарубежные исследования. Например, «Словарь религий, обрядов и верований» Элиаде Мирчи дает следующее определение: «Японскую народную религию (минкан синко) не следует путать с народным синтоизмом, хотя у них много сходных черт. Минкан синко–это комплекс искупительных, сезонных и спорадических обрядов, заимствованных из всех трех главных религий Японии. Не случайно говорят, что японец живет как конфуцианец, женится как синтоист и умирает как буддист» [Элиаде, Кулиано, 1997, с. 39].

Западные ученые разделяют «народный» («folk») и «популярный» («popular») буддизм. Народный буддизм определяется как комплекс практик, не имеющий выраженно буддийской коннотации. Этот термин охватывает широкий спектр явлений, в том числе поклонение местным божествам, лечебные практики, экзорцизм, подношения предкам, чтобы принести им утешение в загробной жизни (так называемый «культ могил»). Сюда же относятся гадания и другие ритуальные действия, направленные на удачу, здоровье или спасение [Boswell, 2003, p. 329].

Иными словами, с точки зрения западного исследователя это устойчивое, многогранное, синкретическое воплощение буддийской традиции прагматической направленности. Зачастую такой комплекс верований поддерживается на уровне общины, поэтому его можно сопоставить с «минкан синко». «Популярный» буддизм, с другой стороны, это «народная религия мирян в религиозной общине, отличная от религии духовенства, которое является носителем ученой традиции, обычно основанной на престиже грамотности» [Long, 2018, p. 132]. Тем не менее, если говорить о народном буддизме в контексте противопоставления элитарному, термины также часто взаимозаменяемы. Так, Эсбен Андреасен в своей книге «Popular Buddhism in Japan: Shin Buddhist Religion and culture» включает в разряд популярного буддизма, например, последователей Синрана, среди которых многие деятели имели статус монсю (門主) — глав монастырей, что не подходит под определение «религии людей без ученой традиции». Аналогично Джеймс Форд называет «популярным буддизмом» школу Иппэна [Andreasen, 2014, p. 179; Foard, 1979, p. 24].

В отечественном религиоведении термин «народный буддизм» используется в основном в связке с литературоведением, где он также иногда называется «низовым» или «популярным», исходя из тех же категорий, что и в западной религиоведческой сфере, при этом он более емкий. Например, Е. А. Торчинов, опираясь на «Трактат о пяти учениях» Фа-цзана (法藏)(643–712), уравнивает учение народного буддизма с учением о карме и проводит анализ разных течений буддизма, исходя из их отношения к концепции «я» и дхармы. Важным критерием

народного буддизма у него становится ориентация на благое перерождение вместо Просветления и освобождения из сансары [Торчинов, 2018, с. 288]. Д. Кикнадзе, используя в качестве источника памятник прозаического жанра сэцува (説話) — «Рассказы, собранные в Удзи» («Удзи сюи моногатари»; 宇治拾遺物語), выделяет примеры конкретных форм верований в народном буддизме. Среди них почитание бодхисаттв Канон и Дзидзо, практика копирования Лотосовой сутры, вырезание и почитание статуй, культ будды Амиды и вера в его Чистую землю, деятельность бродячих монахов-хидзири (聖), спорадические верования и ритуалы, связанные с почитанием Будды Шакьямуни, и народная демонология [Кикнадзе, 2016, с. 36]. Последняя классификация подводит к следующей проблеме.

Проблема соотношения религиозного и магического в народном буддизме

Известный социолог М. Вебер использовал термин «народная религиозность» в своем труде «Социология религии», где выделил магическую и религиозную составляющие народных верований. Традиции, связанные с прошениями и поклонениями, он относит к «религиозному» компоненту, ритуалы, связанные с насильственным воздействием,— к «магическому» [Вебер, 1994, p. 96]. Проблема такого подхода в случае народного буддизма, тем не менее, заключается в противопоставлении двух категорий, в то время как они нередко сосуществуют в синкретических отношениях. Например, в категорию бродячих монахов-хидзири, которые были основными распространителями буддийских идей в народных массах, попадали зачастую как горные отшельники, так и гадатели и экзорцисты. У отечественного исследователя Аринина Е. И. в монографии «Философия религии. Принципы сущностного анализа» представлено разделение функций магии и религии, как на утилитарное и этическое, что выглядит более целостным делением [Аринин, 1998, с. 75].

Среди отечественных исследователей необходимо отметить в первую очередь вклад О. О. Розенберга, известного подробной систематизацией основных буддийских концепций. Именно Розенберг в своем труде 1918 года «Проблемы буддийской философии» впервые выявил наличие народного и элитарного течений в буддизме и попытался их систематизировать. Народный буддизм в Японии Розенберг разделяет на простонародную веру в сверхъестественное, абсорбировавшую буддийский компонент, и веру в спасение силой Будд и Бодхисаттв [Розенберг, 1991, с. 79].

М. Е. Ермаков считает основным разграничителем элитарного и простонародного буддизма ориентацию на просветление, которая для массового буддизма не характерна [Ермаков, 1994, с. 4–6]. Действительно, если привести в качестве примера одно из самых популярных направлений простонародного буддизма, амидаизм, то он прекрасно отвечает категоризации и Ермакова, и Розенберга. По категории Розенберга амидаизм будет отнесен к вере в спасение «силой другого» в лице Будды Амиды. Чистая Земля, место, где спасенные могут готовиться к истинному Просветлению без отвлечения на мирское, в массовом сознании воспринимается как место, где нет боли и страданий, хотя в среде китайских, а за ними и японских амидаистов предпринимались попытки сопоставить Чистую Землю с Нирваной [Янгутов, 2011, с. 20–21]. Таким образом, амидаизм отвечает характеристикам «народной религии» и по категоризации Ермакова.

Здесь важно также отметить теорию Е. А. Островской, которая выделяет два важных аспекта народной религии и ее «магического» компонента — спонтанность возникновения традиции, обезличенность и отсутствие письменной традиции [Островская, 2008, с. 12]. Это действительно очень важные характеристики народной религии, но Островская пишет в первую

очередь про Тибет, в случае же Японии с последним пунктом возникают проблемы. Обезличенность традиции тоже зачастую оказывается условной, если под «лицом» течения понимать не конкретного религиозного деятеля, но школу. Например, пришедшие из Ваджраяны «тайные учения» миккё (密教), которые практикуются в школах Сингон, Тэндай и Кэгон, были долгое время элитарными. А вот выросшее из миккё аскетическое учение сюгэндо (修験道) является уже синкретическим, и в народном сознании адепты сюгэндо, как и хидзири, наделяются магическими свойствами [Островская, 2008, с. 12]. К периоду Токугава (1603–1868) произошел полный «поворот колеса» с интеграцией сюгэндо назад в Тэндай и Сингон. Так в конечном итоге у учения даже появилась письменная традиция [Gorai, 1989, p. 117–142]. Эту важную черту подмечают японские исследователи Миякэ Хитоси (宮家準) и Горай Сигэру (五来重) [Миякэ, 1994, p. 135].

Если обратиться к упомянутой выше практике копирования сутр, выделяется еще одно интересное явление — амидаистские легенды о перерождении в Чистой Земле, одзёдэн (往生伝). Практика чтения, переписывания (с изменениями или без) и пересказ житий праведных амидаистов, возродившихся в Чистой Земле Будды Амиды, должна была повысить шансы исполняющего практику достичь благого перерождения. Здесь мы имеем и письменную традицию, и фиксированную практику, которая родилась в виде сборников религиозных рассказов, которые составляли монахи или религиозные представители аристократии, затем рассказы ушли в народные массы. Не говоря уже об интеграции в народные верования практик из гадательной традиции оммёдо (陰陽道) с даосскими корнями, которая также пришла в народную традицию из придворного ведомства соответствующей специализации. Иными словами, многие практики условно «магической» направленности пришли из элитарных кругов.

Таким образом, проблема понимания народного буддизма как течения, где преобладает магическое измерение, в случае Японии становится очевидной, если попытаться очертить то, что выделяют в «магическое» в простонародных верованиях. Японские исследователи, несмотря на популярность Вебера в японском религиоведении и социологии, не наследуют его подход к магическому/религиозному, потому что сопоставление народного и элитарного как более «магического» и более «религиозного» в случае Японии будет не совсем корректно [Sakurai, 1968, p. 23]. Дихотомия Вебера опирается в первую очередь на европейское понимание религии. Но, как уже упоминалось выше, понятие «сю: кё:», наиболее близкое к нему по смысловому наполнению, современное, а как полагает религиовед Исомаэ Дзюнъити, и вовсе напрямую заимствованное из западного религиоведения [Isomae, 2007, p. 93–95]. Японцы, жившие до Мэйдзи, понимали религию иначе, нежели европейцы, и не обязательно проводили жесткие разграничения между «магическим» и «религиозным». Поэтому сам вопрос о целесообразности применения такой классификации к буддизму остается открытым. Тем не менее у западных и отечественных исследователей проблема разграничения аспектов остается важным препятствием при попытке выделения народного буддизма, так как подразумевается необходимость общеприменимых категорий в религиоведческом аппарате.

Социальная стратификация и религиозный ригоризм как разграничивающие факторы элитарного и народного буддизма

Еще один фактор разграничения массового и элитарного буддизма — строгость практик, где элитарный монашеский буддизм предполагается как более строгий, а сами практики элитарных кругов–как более сложные. Здесь мнения западных и отечественных ученых разнятся. Тем не менее известный отечественный исследователь Н. С. Капустин в своем труде «Особенности

эволюции религии» справедливо отмечает, что синкретическое взаимодействие религиозных традиций происходит не только по принципу внедрения более сложных форм в костяк более простых, но и наоборот [Капустин, 1984, с. 54].

Западная исследовательница Жаклин Стоун, с другой стороны, отмечает, что многие компоненты ритуалистики простонародного буддизма все равно формировались в элитарных кругах или в соприкосновении с ними, поэтому категоричное разграничение не совсем корректно [Stone, 2016, p. 104]. Рубен Хабито и Джозеф Китагава придерживаются мнения, что в японском буддизме «простонародными» следует называть, в первую очередь, новые камакурские школы как развившиеся на фундаменте национальной культуры, а не под внешним влиянием, в противовес «старым» школам» [Habito, 1996, с. 23]. Китагава также особо отмечает курс на секуляризацию и более строгое отношение к практикам, чем в школах старого образца, хотя обычно религиозный ригоризм приписывают элитарному направлению [Kitagawa, 1987, с. 520–538]. Фабио Рамбелли и вовсе выделяет радикальный амидаизм как логическое продолжение идей камакурских школ. Здесь апогей обмирщения учения — отказ от любых практик и упование на спасение по факту принадлежности к школе [Rambelli, 2019, p. 178]. Японский исследователь Мацунами Кодо (松濤弘道) называет это явление «хэймин буккё» — «пролетарский буддизм» (平民仏教を) [Мацунами, 2002, с. 280]. С другой стороны, как аргументирует Н. В. Абаев, схожий радикализм в чань-буддизме (и дзэн-буддизме соответственно) не мешает относить его к элитарному направлению из-за выраженного сотереологического компонента [Абаев, 1983, с. 74].

В японском религиоведении важнейшую роль играет теория «тайного и явного» (кэммицу тайсэй рон; 顕密体制論)(или, как ее еще называют, теория «врат власти») Ихара Кэсао (井原今朝男) и Курода Тосио (黒田俊雄), рассматривающая параллельное формирование политических блоков и становление экзотерических и эзотерических религиозных школ. Впервые эта теория была описана в статье «Развитие системы тайного и явного в Средневековье» («Тюсэй ни окэру кэммицу тайсэй-но тэнкай»; 中世における顕密体制の展開), опубликованной в сборнике «Религия и государство в средневековой Японии» («Нихон тюсэй-но кокка то сю: кё:»;日本中世の国家と宗教) в 1975 году. «Школьное» и «народное» течения в ее рамках выделяются немного иначе. С одной стороны, буддизм «элитарный» представлен школами, входящими в систему кэммицу, и включает в себя преимущественно «элитную восьмерку» в лице шести школ Нара, Тэндай и Сингон. С другой–в более широком смысле «кэммицу» можно понимать как зонтичный термин для синкретических практик смешанного экзотеристско-эзотерического толка, и синкретические школы также могут частично входить в систему кэммицу, частично остаться вне ее [Kuroda, 1996, p. 265]. Хрестоматийным примером деления здесь снова выступит амидаизм. Амидаизм народный зачастую связывают с именем отшельника Куя (空也) (903–972), основателя храма Сайкодзи, проповедовавшего вне зависимости от сословия. Буддизм же в рамках кэммицу включает в себя преимущественно «элитную восьмерку» в лице шести школ Нара, Тэндай и Сингон. [Трубникова, Бачурин, 2009, с. 152–153].

Что касается экзотерического и эзотерического, это деление достаточно условно и является предметом отдельных исследований, поскольку под «кэммицу» в широком смысле понимается и синкретизм. В данном контексте удобнее использовать концепцию Микаэля Бауэра, который предлагает рассматривать школы Хоссо, Санрон и Кэгон как экзотерические, а Сингон и Тэндай как эзотерические [Bauer, 2012, p. 239–262]. Элитарность школ кэммицу в их соперничестве со школами, не относящимися к обозначенному блоку, подчеркивают тесные связи с императорской семьей — принцы крови постепенно стали входить во внутреннюю структуру храмов в качестве настоятелей, получая контроль над важнейшими ритуалами храма. Право проводить

престижные ритуалы было необходимо для карьерного роста. Собственно, сам факт фиксации ритуалов можно считать характеристикой элитарного направления, поскольку аристократические семьи также, по аналогии, имели собственные семейные храмы и ритуалы. Надо отметить, что экзотерические и экзотерические храмы позволяли своим настоятелям проходить «перекрестную» инициацию, предоставляя доступ к ритуалам друг другу, поэтому антагонизм направлений нельзя считать жестким. Последнее особо подчеркивают отечественные исследователи Трубникова Н. Н. и Бачурин А. С, полагающие «тайную» ритуалистику основой, вокруг которой формируется элитарное направление [Трубникова, Бачурин, 2009, с. 559]. Тогда, используя подход от противного, можно подытожить, что народный буддизм это буддизм, для которого не характерно закрепление ритуалистики в рамках одной замкнутой структуры.

Заключение

Вопрос о формах буддизма и их историческом развитии подробно рассмотрен во множестве трудов и помимо упомянутых в работе исследователей. Из японцев в их числе Такаги Тосио (高木敏雄) и Огасавара Сёдзо (清水兵三), составившие сборник «Японские национальные легенды» («Нихон минкан дэнсэцу»; 日本国民伝説). Существенный вклад в развитие темы внесли Ханаяма Синсё (花山信勝), специализировавшийся на эволюции взаимоотношений буддийских элит и императорского двора при Сётоку Тайси (聖徳太子)(574–622), и его труд «Японский буддизм» («Нихон-но буккё»; 本の仏教), выпущенный в 1942 году. Следует также отметить таких исследователей, как Ивамото Ютака (岩本 裕), Исидзука Рюгаку (石塚龍学) с его трудами по учению основателя амиадаизма камакурской волны Хонэна (法然)(1133–1212), Сон Сисай (孫晋泰).

Из западных исследователей необходимо выделить Фредерика Котаса, Джеймса Л. Форда с его исследованием ритуального аспекта школы Нидзюго дзаммай-э (二十五三昧會); Дэвида В. Чеппела и его исследования идей Хонэна и концепции конца Дхармы, М. Адольфсона с его исследованиями религиозных институтов и монашеских общин. Значительный вклад в исследования истории религии в Японии внесли Дж. Китагава, М. Соломон, Дж. Доббинс, Р. Пэйн, Э. Чемберс и М. В. де Фиссер. В исследованиях буддизма Чистой Земли отдельно следует отметить труды «Critical Readings on Pure Land Buddhism in Japan» Г. Амстуца, «The Pure Land tradition» Форда.

В отечественном религиоведении неоценим вклад таких исследователей, как С. П. Нестёркин, Г. М. Бонград-Левин, В. Г. Лысенко. Среди исследований буддизма Чистой Земли выделяют работы Молодякова В. Э. и его труд «Японский буддизм Чистой Земли», Климова В. Ю. и его исследования идей патриарха Рэннё (蓮如)(1415–1499), Бухаева Ю. Г., Малзуровой Э. Л.-Д. В исследования простонародной ритуалистики и синкретических элементов японского буддизма также огромный вклад внесли Е. К. Симонова-Гудзенко, Л. Б. Карелова, А. Н. Мещеряков, А. Р. Садокова, Д. Г. Главева. В контексте теории кэммицу важны работы по формированию религиозных элит и их взаимодействию с властными структурами Игнатовича А. Н., Лепеховой Е. С., Суровня Д. А., Горегляда Н. В., Грачева М. Н., Конрада Н. Н., ведь они касаются народного и элитарного буддизма в политическом аспекте. Отдельно стоит выделить Санджиева Ч. А., в чьей статье «О понятии «народный буддизм» приводятся подробные вариации деления буддизма на массовый и элитарный, исходя из мнения различных исследователей. Примечательно, что Санджиев выделяет проблему «народного буддизма» как явления общего порядка и приводит классификации исследователей с разной региональной специализацией, однако

в зависимости от культурного контекста понимание и более базовых понятий, таких как «религия» и «верования», может существенно разниться [Санджиев, 2011, с. 115–117].

Народная религия — термин, спорный сам по себе. Некоторая негативная коннотация при употреблении понятия встречается и в японских исследованиях, что является наследием эпохи Мэйдзи с ее жесткой религиозной политикой, и в зарубежных, где взгляд свысока на простонародные верования обусловлен ориенталистским прошлым, о чем подробно писал, например, Гален Амстуц [Amstutz, 1997, p. 69]. Иногда он противопоставляется как смешанная, даже невежественная, форма религии более «чистому» ортодоксальному монашескому буддизму. Тем не менее исследователи, оперирующие понятием «народный буддизм», нередко используют его для условного разграничения синкретических и несинкретических форм буддизма, а также для исследования особенностей взаимодействия этих форм между собой. Отношения между буддизмом и народной религией в Японии были и остаются не только очень тесными, но и взаимно упрочняющими: буддизм ассимилировался на новой культурной почве и адаптировал в себя уже существующие верования, народные же верования помогали закреплять буддийские практики в японской культуре.

Так или иначе, народный или массовый буддизм как явление признается исследователями и выделяется в отдельную категорию, даже если полного консенсуса в вопросе определения этого понятия пока не существует. Автор статьи полагает, что основными характеристиками массовой, народной религии с учетом всего вышесказанного можно назвать три параметра, которые остаются неизменными вне зависимости от нюансов классификации:

1) распространенность вне зависимости от социального статуса;

2) упрощенность и прагматическое восприятие ритуалов и практик;

3) слияние с местными верованиями.

Соответственно эти базовые параметры и позволяют определить какое-то течение буддизма как массовую религию. Однако рассматривать философское и простонародное течения как явления антагонистического толка, равно как и полностью исключать сотериологический компонент из народной религии, как представляется, не совсем верно. В целом же наиболее актуальной остается классификация Розенберга.

Литература/References

Абаев Н. В. *Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае*. Новосибирск, 1983 [Abaev N. V. *Chan Buddhism and the culture of mental activity in medieval* China. Novosibirsk, 1983 (in Russian)].

Анэсаки Масахару. Накаоку-но минкан синко: (Простонародные верования в кругу служащих Среднего покоя). *Тэцугаку дзасси (Философия)*. 1897, № 13.0. С. 995–1025 [Anesaki Masaharu. Folk beliefs in the circle of employees of the Middle Pavillion. *The philosophy*. 1897 № 13.0. Pp. 995–1025(in Japanese)].

Аринин Е. И. *Философия религии. Принципы сущностного анализа*. Архангельск, 1998 [Arinin E. I. *Philosophy of Religion. Principles for Cognizing the Sacred*. Arkhangelsk, 1998 (in Russian)].

Вебер М. *Избранное. Образ обществ* (сост. Левит С. Я.) М., 1994 [Weber M. *Chosen works. The image of society*/complied by Levit S. Y. Moscow, 1994 (in Russian)].

Ермаков Е. М., *Мир китайского буддизма*. СПб., 1994 [Ermakov E. M. *The world of Chinese Buddhism*. Saint Petersburg, 1994 (in Russian)].

Капустин Н. С. Особенности эволюции религии. М., 1984 [Kapustin N. S. *Features of the evolution of religion*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Кикнадзе Д. Г. *«Удзи сюи моногатари» как источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2016 [Kiknadze D. G. *«Uji Shui monogatari» as a source on the spiritual culture of Japan of the Heian period (794–1185)*. Dissertation for the degree of PhD in History. Saint Petersburg, 2016 (in Russian)].

Мацунами Кодо. *Буккё:-но дзё: сики га вакару кодзитэн: рэкиси кара кё: ги (Небольшая энциклопедия по основным понятиям буддизма: от истории до догмат и школ)*. Киото, 2002 [Matsunami Kodo. A pocket encyclopedia on the basic concepts of Buddhism: from history to dogmas and schools. Kyoto, 2002 (in Japanese)].

Миякэ Хитоси. *Нихон-но миндзоку Сю: кё (Японская народная религия)*. Токио, 1994 [Miyake Hitoshi. Japanese folk religion. Tokyo, 1994 (in Japanese)].

Островская мл. Е. А. *Воины радуги: Институализация буддийской модели общества в Тибете*. СПб., 2008 [Ostrovskaya Jr. E. A. *Rainbow Warriors: Institualization of the Buddhist model of society in Tibet*. Saint Petersburg, 2008 (in Russian)].

Розенберг О. О. *Труды по буддизму*. М., 1991 [Rosenberg O. O. *Works on Buddhism*. Moscow, 1991 (in Russian)].

Санджиев Ч. А. О понятии «народный буддизм». *Научная мысль Кавказа*. 2011. № 1. С. 115–117 [Sanjiev C. A. On the concept of «folk Buddhism». *Scientific thought of the Caucasus*. 2011. No. 1. Pp. 115–117 (in Russian)].

Торчинов Е. А. *Путь ученика (Введение в буддизм)*. М., 2018 [Torchinov E. A. *The Way of the Disciple (Introduction to Buddhism)*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Трубникова Н. Н., Бачурин А. С. *История религий Японии*. М., 2009 [Trubnikova N. N., Bachurin A. S. *History of Japanese religions*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Элиаде М., Кулиано И. *Словарь религий, обрядов и верований*. М., 1997 [Eliade M., Culianu I. *The Eliade Guide to World Religions*. Moscow, 1997 (in Russian)].

Янгутов Л. Е. О школах средневекового китайского буддизма. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 8. С. 19–28 [Yangutov L. E. On Schools of Medieval Chinese Buddhism. *The Bulletin of the Buryat State University*. 2011. No. 8. Pp. 19–28 (in Russian)].

Andreasan E., Bloom, A. *Popular Buddhism in Japan*: *Buddhist Religion and Culture*. London, 1998.

Bauer M. Conflating monastic and Imperial lineage: the retired emperors' period reformulated. *Monumenta Nipponica*. 2012. Vol. 67. No 2. Pp. 239–262.

Amstutz G. *Interpreting Amida. History and Orientalism in the Study of Pure Land Buddhism*. New York, 1997.

Boswell R. E., *Encyclopedia Of Buddhism*. New York, 2003.

Foard J. H. *Ippen Shônin and Popular Buddhism in Kamakura, Japan*. Ph. D. dissertation. Stanford, 1980.

Gorai S. Shugendo Lore. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1989. Vol. 16. No. 3. Pp. 117–142.

Habito R. L. F. *Originary Enlightment: Tendai Hongaku Doctrine and Japanese Buddhism (Studia Philologica Buddhica)*. Tokyo, 1996.

Isomae Jun'ichi. State Shinto, Westernization, and the Concept of Religion in Japan. *Religion and the Secular: Historical and Colonial Formation*, ed. Timothy Fitzgerald. Routledge, 2007. Pp. 93–101.

Kitagawa J. M. *On Understanding Japanese Religion*. Princeton, 1987.

Kuroda T. The development of the kenmitsu system as Japan's medieval orthodoxy. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1996. Vol. 23. No. 3–4. Pp. 233–269.

Long C. H. Popular Religion.*The Collected Writings of Charles H. Long*. London, 2018.

Pye M. Modern Japan and the science of religions. *Method & Theory in the Study of Religion*. 2003. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–27.

Rambelli F. 'Just begave as You Like. Prohibitions and Impurities Are Not a problem': Radical Amida cults and popular religiosity in premodern Japan. Payne R. K., Tanaka K.K (ed.). *Approaching Land od Bliss: Religious Praxis in the Cult of Amitabha*.. Honolulu, 2019. Pp. 169–201.

Sakurai T. The Major Features and Characteristics of Japanese Folk Beliefs. *Journal of African and Asian Studies*. 1968. Vol. 3 No. 1–2. Pp. 13–24.

Shimazono S. *From Salvation to Spirituality: Popular Religious Movements in Modern Japan (Japanese Society Series)*. Melbourne, 2004.

Shinno T., Swenson P. L. From Minkan-shinko to Minzoku-shukyo: Reflections on the Study of Folk Buddhism. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1993. Vol. 20. No. 2/3. Pp. 187–206.

Stone J. I. Right *Thoughts at the Last Moment: Buddhism and Deathbed Practices in Early Medieval Japan*. Honolulu, 2016.

Электронные ресурсы / Electronic source

Hartoro A., Lawanda I. I. Omamori Transformation: The Influence Of Kawaii Culture in Omamori Commodification. *Proceedings of the 2nd International Conference on Strategic and Global Studies*. 2019, Central Jakarta. URL: https://doi.org/10.4108/eai.24–10–2018.2289654 (дата обращения: 28.08.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-120-146

К 100-ЛЕТИЮ НАФТУЛЫ АРОНОВИЧА ХАЛФИНА: (НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1957–1971 гг.) СТАТЬЯ ПЕРВАЯ*

Н. З. Мосаки[1]

Настоящая работа посвящена 100-летию выдающегося советского историка и востоковеда Нафтулы Ароновича Халфина и является продолжением биобиблиографического обзора, касающегося домосковского (до 1957 г.) периода его жизни и научной деятельности. В настоящем биобиблиографическом очерке представлен анализ его деятельности за 1957–1971 гг., то есть после перехода из Ташкента в Институт востоковедения в Москву и до назначения заведующим сектором этого института. В этот период Н. Халфин получил известность в качестве одного из крупнейших советских историков. Приведены подробные библиографические сведения о его работах.

Особое внимание уделено отражению научной деятельности Н. А. Халфина за рубежом как в многочисленных публикациях разного рода — рецензиях, библиографиях, обзорах, статьях и т. д., так и в издании его трудов за пределами СССР. Он является одним из наиболее известных на Западе советских историков, что обусловлено в том числе и его исследовательскими интересами, а именно изучением новейшей истории Среднего Востока, Средней Азии и Индии, в отношении которых активную политику проводила Великобритания, вопросы истории которой в связи с ролью английского языка в мире традиционно получают глобальную известность.

Активная исследовательская работа Н. А. Халфина на протяжении нескольких десятилетий связана со многими выдающимися отечественными востоковедами и историками, поэтому настоящая статья была бы неполной без их упоминания. Показана научная деятельность Н. А. Халфина во взаимодействии с ними. То же самое, несмотря на нередко жесткую взаимную критику, характерную для эпохи холодной войны, можно сказать об известных западных исследователях, внимательно отслеживавших публикации Н. А. Халфина. Деятельность Н. А. Халфина включена в более широкий контекст советского востоковедения, а также западной оценки его исследований.

Ключевые слова: Халфин, востоковедение, Институт востоковедения, Средняя Азия, Афганистан, Великобритания

Для цитирования: Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина (научная деятельность в 1957–1971 гг.). Статья первая. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 120–146. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-120-146

* *Настоящая работа является продолжением биобиблиографического обзора, касающегося домосковского (до 1957 г.) периода жизни и научной деятельности Н. А. Халфина [Мосаки, 2023]. Сведения и материалы, приведенные в указанной статье, в настоящем очерке не повторяются, за исключением кратких биографических сведений во введении.*

[1] Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nodarmossaki@gmail.com

Nodar Z. Mossaki, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nodarmossaki@gmail.com

ORCID: 0000–0001–8268–006X

ON THE CENTENARY OF NAFTULA ARONOVICH KHALFIN: (ACADEMIC ACTIVITY IN 1957–1971). PART I

Nodar Z. Mossaki

This work is dedicated to the 100th anniversary of the prominent Soviet historian and orientalist Naftula Aronovich Khalfin and is a continuation of the bio-bibliographic review concerning the pre-Moscow (until 1957) period of his life and academic activity. This bio-bibliographic essay presents an analysis of his activities for 1957–1971, that is, after moving from Tashkent to the Institute of Oriental Studies in Moscow and before being appointed head of the sector of this institute. During this period, Khalfin gained fame as one of the leading Soviet historians. Detailed bibliographic information about his works is given.

Particular attention is focused upon the reflection of the activities of N. A. Khalfin abroad, both in numerous publications of various kinds — reviews, bibliographies, articles, etc., and in the publication of the works of Khalfin outside the USSR. He is one of the most famous Soviet historians in the West, which is also due to the issues of his research interests, namely the study of the modern history of the Middle East, Central Asia and India, in relation to which Great Britain pursued an active policy, the issues of whose history in connection with the role of the English language in the world traditionally receive global popularity.

Active research work of Naftula Khalfin has been associated with many prominent Soviet orientalists and historians for several decades, therefore this article dedicated to Khalfin, would be incomplete without mentioning them. The article presents the academic activity of Naftula Khalfin in interaction with them. The same refers to well-known Western researchers who carefully read the publications of Khalfin. Activities of N. A. Khalfin is included in the broader context of Soviet oriental studies, as well as Western evaluation of his research.

Keywords: Khalfin, Oriental Studies, Institute of Oriental Studies, Central Asia, Afghanistan, Great Britain

For citation: Mossaki N. Z. On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1957–1971). Part I. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 120–146. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-120-146

Введение

18 октября 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося советского историка и востоковеда, доктора исторических наук, профессора Нафтулы Ароновича Халфина — исследователя новейшей истории Средней Азии, британской политики в отношении Средней Азии и Афганистана, различных вопросов истории Индии, американской экспансии в странах Востока и курдской проблемы.

Н. А. Халфин родился в бедной еврейской семье в Киеве. К началу Великой Отечественной войны он окончил два курса филологического факультета Киевского госуниверситета им. Т. Шевченко, готовясь стать литературоведом — исследователем «сатиры и юмора в советской литературе» [Лазарев, 1994, с. 169].

Не попав на фронт по состоянию здоровья, он скитался по различным регионам Советского Союза, сопровождая грузы [Лазарев, 1994, с. 169–170] и самостоятельно продолжая обучение. Родители Н. А. Халфина погибли в 1941 г. в Бабьем Яре.

В январе 1942 г. Халфин продолжил обучение в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте в Орджоникидзе (ныне — Владикавказ) на литературном факультете, окончив его в августе того же года. В 1942–1943 гг. он прослушал специальные курсы по архивному делу в Томском госуниверситете [Лазарев, 1994, с. 170], предопределившие его дальнейшую судьбу, после чего переехал в Ташкент, где стал работать научным сотрудником отдела

госархивов НКВД УзССР и спустя два года возглавил Центральный государственный исторический архив УзССР. В ташкентских архивах он начал активную научно-исследовательскую деятельность, в 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию, стал преподавать в Среднеазиатском госуниверситете (САГУ), где работал до 1957 г., подготовив в т. ч. 5 кандидатов наук. В 1957 г. Халфин перешел на работу в Институт востоковедения АН СССР, в 1971 г. возглавил сектор исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока в новое и новейшее время отдела историко-культурных проблем Советского Востока, руководя этим сектором до марта 1986 года. 4 августа 1987 г. Н. А. Халфин скончался.

Переезд в Москву

Активизация политики СССР в странах Азии и Африки, критика деятельности Института востоковедения АН СССР (ИВ) со стороны руководства КПСС и страны привели к назначению в мае 1956 г. его директором Б. Г. Гафурова [Мухтаров, Шарипов, 1983, с. 16–17], проявившего «себя незаурядным организатором, обладающим тонким чутьем ситуации и масштабностью мышления» [Шаститко, Чарыева, 2003, с. 23, 31]. «Институту востоковедения и всему отечественному востоковедению» с назначением Б. Гафурова «исключительно повезло» [Алаев, 2018, с. 11][2]. Новый директор превратил институт «в самый крупный исследовательский центр в системе Академии наук, претендующий на исследование всех вопросов прошлого и настоящего стран Востока» и мозговой центр, влияющий на принятие решений высшими инстанциями [Алаев, 2009, с. 3]. Была осуществлена реорганизация и структурная перестройка института, одной из важнейших его задач стало «резкое усиление внимания к животрепещущим проблемам антиимпериалистической борьбы» [Ким и др., 1985, с. 9], что привело к значительному расширению штата[3] и тематики ИВ, в том числе по новейшей истории, колониалистской политике западных держав на Среднем Востоке, а также присоединению Средней Азии к России, то есть именно тем проблемам, которыми занимался в Ташкенте Н. А. Халфин. Именно «эпоха Гафурова» считается периодом «ренессанса советской ориенталистики» [Шаститко, Чарыева, 2003], «золотым веком отечественного востоковедения» [Рыбаков, 2009], «временем расцвета Института востоковедения» [Алпатов, 2009, с. 53].

Б. Г. Гафуров в числе нескольких, к тому времени уже получивших некоторую известность, ученых из Средней Азии пригласил на работу в Институт востоковедения и Б. Г. Бондаревского с Н. А. Халфиным [Шаститко, Чарыева, 2003, с. 28; Шаститко, 2009, с. 69, 251; Алаев, 2018, с. 12–13], хотя «перевод ученых в Москву в то время был трудной операцией», связанной и с решением непростых бытовых проблем; во многом это стало возможным лишь благодаря авторитету нового директора института [Алаев, 2018, с. 12]. Л. Б. Алаев удачно назвал масштабное расширение штата института в этот период «гафуровским призывом»[4] [Алаев, 2018, с. 12].

Н. А. Халфин, уже имея значительный опыт научной и преподавательской работы, степень кандидата наук [Халфин, 1945] и звание доцента, бросил устроенную жизнь в столице Узбекистана, начав свою деятельность на новом месте работы с должности младшего научного

[2] Здесь добавим также слова А. М. Хазанова: «став директором ИВ АН, Б. Г. Гафуров оказался в родной стихии, так как востоковедение было его любовью и призванием» [Хазанов, 2018, с. 4].
О Гафурове см. также [Яковлев, 2021].

[3] Так, в течение 1957 г. численность «научных и научно-технических сотрудников институтов возросла со 185 до 338 человек» [Сороко, 1958, с. 185].

[4] В числе «призывников» Л. Б. Алаев отмечает и «основателя курдоведения в Институте» М. С. Лазарева [Алаев, 2018, с. 15], быстро сдружившегося с Н. А. Халфиным, с которым они всю жизнь оставались ближайшими друзьями.

сотрудника[5] [Шаститко, Чарыева, 2003, с. 28; Лазарев, 1994, с. 174]. В Ташкенте им было опубликовано значительное количество работ. В Личном листке по учету кадров Среднеазиатского (Ташкентского) госуниверситета, заполненном Н. Халфиным накануне перехода в ИВ, отмечалось, что он имеет «ряд научных и научно-популярных работ в области истории Средней Азии и зарубежного Востока, международных отношений на Востоке в XIX–XX вв., а также по источниковедению и библиографии».

В Институте востоковедения АН СССР Н. А. Халфин продолжил работать под началом своего ташкентского коллеги и руководителя Г. Л. Бондаревского — по меткому выражению Л. Б. Алаева, «знатока международных отношений на Востоке» [Алаев, 2018, с. 12]. А. М. Хазанов, начинавший свою работу в ИВ под руководством Г. Л. Бондаревского, считал его «самой яркой фигурой… во всем институте» [Хазанов, 2014, с. 41] и даже «человеком-легендой» [Хазанов, 2013, с. 47][6]. Г. Л. Бондаревскому, незадолго до переезда в Москву опубликовавшему важную монографию о Багдадской железной дороге и проникновении германского империализма на Ближний и Средний Восток [Бондаревский, 1955], Б. Г. Гафуров поручил возглавить «совершенно новый для востоковедения отдел — Международных отношений»[7] [Хазанов, 2018, с. 4]. Он был специально организован для изучения «современной внешней политики стран Востока, новых форм колониальной политики империализма и противоречий между империалистическими странами» [Гафуров, 1957, с. 18][8]. «Выполняя решения XX съезда, Институт востоковедения осуществил в 1957 г. перестройку своей научной деятельности, сделал крутой поворот к изучению современных проблем Востока» [Сорока, 1958, с. 185]. Отдел международных отношений сразу же стал, без преувеличения, ключевым в Институте, сконцентрировав целую россыпь востоковедов, являвшихся или ставших вскоре специалистами весьма высокого уровня. По воспоминаниям А. М. Хазанова, когда он поступил в 1958 г. в «отдел Бондаревского, в нем работал блестящий коллектив высококвалифицированных востоковедов», в частности,— А. Ф. Миллер, Н. А. Халфин, М. С. Лазарев, Б. М. Данциг, Б. Г. Сапожников, Л. Н. Котлов, Л. А. Фридман, Ф. А. Тодер и др. [Хазанов, 2018, с. 4]. Очевидно, несмотря на возникшие в связи с переездом бытовые трудности[9], продолжение работы в Москве с Г. Л. Бондаревским было весьма комфортным для Н. А. Халфина.

Примечательно, что хотя заявление на имя Б. Г. Гафурова с просьбой о зачислении младшим научным сотрудником в ИВ АН Н. А. Халфиным было написано 18 августа 1956 г.,[10] на работу в институт он был принят лишь через год — 24 августа 1957 г.,[11] а звания старшего научного

[5] Необходимо отметить, что в тот период в институте преобладали младшие научные сотрудники, старшие научные сотрудники были редкостью [Ли, 2009, с. 92]. Должностей научных сотрудников, ведущих и главных научных сотрудников тогда не было.

[6] Подр. о Бондаревском см. также [Бурьян и др., 2004; Хазанов, 2009, с. 57, 61, 76–80; Хазанов, 2010; Хазанов, 2011; Burdman, 2003].

[7] Вначале это был сектор международных отношений, а уже в апреле 1961 г. сектор был преобразован в отдел.

[8] См. также сообщение о деятельности ИВ АН СССР в 1957 г.: «создан также сектор международных отношений, изучающий колониальную политику империализма, международные отношения на Востоке и внешнюю политику независимых стран Азии и Африки» [Сорока, 1958, 185].

[9] Первое время Н. А. Халфин проживал вместе с другими сотрудниками Института востоковедения (А. М. Хазанов, В. Ф. Ли, Л. Г. Гукасян, Ю. Данильянц, А. С. Шин, М. Занд, Л. Надирадзе) в коммунальной квартире на Фрунзенской набережной, которая была выделена институту Моссоветом по ходатайству Б. Гафурова. Эту многокомнатную квартиру в шутку называли «Фрунзенская коммуна» [Хазанов, 2009, с. 39–40; Хазанов, 2018, с. 4; Ли, 2009, с. 92].

[10] Примечательно, что в этом заявлении в числе основных причин Н. А. Халфин приводил состояние здоровья (болезнь горла), затрудняющую его преподавательскую деятельность, и климатические условия Ташкента, негативно влияющие на членов его семьи.

[11] Как уже отмечалось, в тот год количество работников ИВ почти удвоилось.

сотрудника «удостоен» «только через три года» [Лазарев, 1994, с. 175]. Хотя в отзыве о работе Н. А. Халфина в конце декабря 1958 г. завсектором международных отношений Г. Л. Бондаревский отмечал, что «Халфин Н. А. по стажу своей работы, по количеству опубликованных трудов и по общему историческому кругозору соответствует званию ст. научн. сотрудника», однако «в связи с отсутствием пока указанной должности» рекомендовал «его утвердить мл. научным сотрудником».

Вскоре, 1 декабря 1962 г., Н. А. Халфин, по словам М. С. Лазарева, «неожиданно» «для всех защитил докторскую диссертацию» [Лазарев, 1994, с. 175[12]; Халфин, 1961а; Халфин, 1962а][13], «опередив» на три года самого Г. Л. Бондаревского (следует отметить, что кандидатскую диссертацию Н. А. Халфин защитил на два года раньше Г. Л. Бондаревского). Правда, в характеристиках на Н. А. Халфина, данных ему Среднеазиатским университетом в 1956 и 1957 гг. при переводе в ИВ АН, а также в характеристиках, составленных на него уже в ИВ АН в конце 50-х гг., отмечалось, что он уже несколько лет работал над докторской диссертацией.

Вненаучная жизнь в институте

Осуществленное Б. Г. Гафуровым значительное увеличение штата сотрудников, особенно привлечение молодежи, оживление деятельности и хрущевская оттепель сделали институт местом бурных научных дискуссий (понятно, в рамках возможного тогда, но существенно больше, чем наблюдалось это раньше). Кроме того, весьма активной была в институте и внерабочая деятельность [Алаев, 2018][14], проводились различные мероприятия. Как писал один из старейших его сотрудников, «в присутственные дни (а их было гораздо больше, чем сейчас) институт гудел, как растревоженный улей. Постоянно шли совещания, заседания, обсуждения, семинары, шумные коридорные разговоры» [Алаев, 2009, с. 3]. Ныне даже трудно представить в институте подобную атмосферу, что, конечно же, обусловлено различными факторами, выходящими за рамки настоящей статьи. Первое десятилетие «эпохи Гафурова», несомненно, — «лучшие годы в истории Института востоковедения» [Алпатов, 2009, с. 47].

Н. А. Халфин был хорошо известен в институте «по шахматным ристалищам» и игре в нарды, являлся «страстным, увлекающимся и шумным» игроком, «очень не любил проигрывать» [Лазарев, 1994, с. 175, 183]. По воспоминаниям П. Шаститко, Н. А. Халфин «был одержимым шахматистом и весьма шумливым игроком в нарды» [Шаститко, 1994, с. 18]. Как вспоминал А. М. Хазанов — коллега Н. А. Халфина и М. С. Лазарева по «отделу Бондаревского» — Лазарев и Халфин часто играли в шахматы и нарды [Хазанов, 2014, с. 59], в связи с чем, бывало, задерживались в институте до позднего вечера[15]. Нередко к Халфину на многочасовые шахматные баталии захаживал и индолог Израиль Рабинович[16] [Хазанов, 2014, с. 59]. Все они считались «гроссмейстерами» [Алаев, 2009, с. 7]. Сам Н. А. Халфин нередко ходил играть в шахматы в редакцию журнала «Современный Восток» (ныне — «Азия и Африка сегодня») «и громко ликовал, когда выигрывал» [Глущенко, 2007, с. 11]. Побеждая, Н. А. Халфин «имел обыкновение отпускать весьма обидные шуточки в отношении» побежденных, что, впрочем, не мешало рабочим отношениям [Алаев, 2009, с. 16–17].

[12] Как отмечал М. С. Лазарев, «защита докторской диссертации «провинциалом» Халфиным… произвела легкую сенсацию и вскоре вызвала многочисленные подражания. Сам же Нафтула Аронович до конца дней своих сохранил устойчивую кличку «доктор», или «док»» [Лазарев, 1994, с. 175].

[13] Присуждена 1 ноября 1962 г.

[14] Также из рассказов М. С. Лазарева автору настоящей статьи.

[15] Беседа с вдовой М. С. Лазарева Ириной Сергеевной Лесных 31.12.2021.

[16] Израиль Самойлович Рабинович — известный индолог, автор первого панджабско-русского словаря. В 1978 г. эмигрировал в Израиль, а оттуда США [Хазанов, 2014, с. 59–60].

Хотя Лазарев и Халфин предпринимали меры для конспирации, чтобы их за игрой не застукал Г. Л. Бондаревский, все же это произошло и привело к скандалу. Они были обвинены в «недостойном поведении» и разлагающем влиянии на молодежь, что стало причиной конфликта между двумя старыми друзьями — Бондаревским и Халфиным, продолжавшегося до конца их жизни [Хазанов, 2014, с. 100]. А. М. Хазанов верно подметил детскую непосредственность, юношеское озорство и тягу к рискованным и авантюрным поступкам Лазарева и Халфина [Хазанов, 2014, с. 100]. Вдова Лазарева — Ирина Сергеевна Лесных — говорила о них как «весельчаках», которые очень часто шутили, рассказывали анекдоты[17].

Научная деятельность

После перехода на работу в Москву Н. А. Халфин активно изучает московские архивы, публикуется в московских изданиях, причем, в отличие от многих других востоковедов, не только в востоковедных и ведомственных по месту работы, что делало подавляющее большинство сотрудников института, но и в ведущих советских исторических изданиях. Практически каждый год выходят его монографии, и он сразу же становится одним из наиболее продуктивных сотрудников ИВ АН. Можно только изумиться количеству его публикаций, хотя хорошо была известна его способность быстро писать набело, так сказать, «с ходу» и «молниеносно»[18]. Более того, даже прочтение того огромного массива источников публикаций, который использовался в работах Н. А. Халфина, уже представляет собой весьма значительный труд. Кроме того, он вел большую редакторскую работу.

Московский период деятельности с учетом новых актуальных задач, поставленных перед советским востоковедением и ИВ АН СССР и возложенных, в свою очередь, в значительной степени на «отдел Бондаревского», ставший своеобразным мозговым центром по изучению колониализма в странах Азии и Африки[19], Н. А. Халфин начал, наряду с работами о присоединении Средней Азии к России, трудами о британском и американском колониализме. Тем более еще в Ташкенте, как уже отмечалось, им были опубликованы труды по этому вопросу: в первую очередь необходимо отметить его монографию об английской колониальной политике в Средней Азии [Халфин, 1957], а также ряд статей [Халфин, 1952; Ниалло, Халфин, 1953a; 1953b].

В отзыве о работе Н. А. Халфина в отделе международных отношений, данном ему заведующим этоим отделом Г. Л. Бондаревским 20 декабря 1958 г., отмечалось, что за неполные полтора года Н. А. Халфин отредактировал закрытую коллективную работу «Экспансия американского империализма в страны Азии» (объемом свыше 40 п. л.)[20], участвовал в подготовке различных материалов по заданиям дирекции, опубликовал несколько статей и монографию.

[17] Беседа с И. С. Лесных 31.12.2021. Л. Б. Алаев также отмечал, что даже в «солидном возрасте» Н. А. Халфин «был молод душой» [Алаев, 2009, с. 16].

[18] Об этом мне говорила И. С. Лесных, высоко ценившая способности Н. А. Халфина по написанию текстов. Мнение И. С. Лесных тем более ценно, что, закончив вместе со своим будущим мужем восточное отделение истфака МГУ, она несколько десятилетий являлась редактором в издательстве «Восточная литература», отредактировав множество книг востоковедов и сотрудников Института востоковедения.

[19] Отметим, что «отделом Бондаревского» было предпринято многотомное серийной издание «Политика колониальных держав в Азии и Африке», начало которому было положено книгой [Политика, 1960]. Всего вышло девять томов этой серии.

[20] Я не смог найти эту работу. Скорее всего, она была передана в международный отдел ЦК КПСС. Н. А. Халфин также активно работал над этой темой, опубликовав в конце 50-х — начале 60-х гг. несколько трудов по ней (см. далее по тексту). Кроме того, видимо, эта объемная коллективная работа включала материалы впоследствии опубликованных коллективных монографий о политике США на Ближнем и Среднем Востоке, на Арабском Востоке, в странах Южной Азии и в странах Дальнего Востока [Политика, 1960; Политика, 1961a; Политика, 1961b; Политика, 1964].

В 1958 г. в журнале «История СССР»[21] вышла статья Н. А. Халфина, основанная на обнаруженных материалах ЦГВИА[22] и посвященная миссии британского офицера Ричмонда Шекспира и в целом британской экспансии в Средней Азии в 30–40-х гг. XIX в. [Халфин, 1958a][23]. Она сразу же была переведена на английский и опубликована в известном британском журнале *Central Asia Review* [Wheeler, 1958]. Тогда же увидела свет его монография об американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана [Халфин, 1958b][24], продолжающая опубликованное в Ташкенте его исследование об американском проникновении в Индию и Афганистан в первой половине XIX в. [Халфин, 1952] и ставшая предшественницей его других работ по этой теме — о дипломатической миссии Эдмунда Робертса в страны Востока в 30-х гг. XIX в., положившей начало «активному «натиску»» США в этот регион [Халфин, 1960a] и американской экспансии уже в более обширном регионе–странах Азии и Африки в следующие три десятилетия [Халфин, 1962b][25] и в целом в XIX в. [Халфин, Мурадян, 1966][26]. Примечательно, что в своей рецензии известный американский историк Ричард Пирс (1918–2004), являвшийся в те годы важным оппонентом Н. Халфина, называл эту книгу с весьма хлестким названием («Янки на Востоке в XIX веке, или колониализм без империи») «злонамеренной», но «хорошо проработанной», отмечая широкое использование различной американской литературы, собранной в работе для аргументов, далеких от задумок авторов соответствующих произведений. Кроме богатой библиографии, рецензент отметил даже удачный рисунок брига на обложке книги. Считая позицию Н. А. Халфина и А. А. Мурадяна о действиях США «искажением» и «однобокостью», Р. Пирс, категорически идеологически противостоя Советскому Союзу, тем не менее признавал долю правды об американской политике в этом труде, являвшемся, по мнению рецензента, ценным для приведения в реальность завышенной самооценки США, основанной на мифах. Дежурно обвиняя русских в «грабеже» и «геноциде» Сибири, Дальнего Востока и китайцев, Р. Пирс подчеркивал бессмысленность обоюдных обвинений американцев и русских, призывая, признав «ошибки своего прошлого», «сосредоточиться на цивилизаторской роли, которую обе державы также играли в Азии, и на многих примерах дружбы и взаимного уважения» между ними XIX веке» [Pierce, 1968][27]. В условиях холодной войны подобную рецензию можно определить как весьма высокую оценку, как признание «высококвалифицированности противника», с которым необходимо находить общие точки соприкосновения.

[21] Журнал «История СССР» выходил с 1957 г., с 1992 г. — «Отечественная история», с 2009 г. — «Российская история».

[22] Центральный государственный военно-исторический архив, после распада СССР — РГВИА (Российский ГВИА). Как вспоминал впоследствии М. Р. Рыженков, являвшийся в середине 80-х гг. аспирантом Н. А. Халфина и проработавший долгое время в ЦГВИА, в том числе и на руководящей должности, в «листах использования» «фамилия Халфина присутствовала практически везде» [Воловников, Рыженков, 2009, с. 93].

[23] Отметим, что эта статья Н. А. Халфина впоследствии подверглась серьезной критике [Hopkirk, 1990; Мурадов, 2021, с. 273, 282–286].

[24] Можно добавить, что, выступая с отчетом о научно-исследовательской деятельности за 1958 г., заместитель директора ИВ Р. А. Ульяновский подчеркивал, что «перед советскими востоковедами стоит неотложная задача изучения новых методов политического, экономического и культурного проникновения империализма, особенно американского (курсив мой.— Н. М.), в страны Востока. Однако в этом направлении сделаны только первые шаги» [Павлов, 1959, с. 207]. Поэтому эта книга Н. А. Халфина о начале американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана являлась актуальной и, скорее всего, была в числе тех немногих исследований по этой теме, о которых говорил Р. А. Ульяновский в качестве первых шагов.

[25] Эта статья Халфина была кратко прорецензирована в рамках рецензии на весь номер журнала. Кроме уже отмеченной высокой оценки его как исследователя в целом о его статье справедливо говорится как о работе, основанной на широком круге материалов [Holdsworth, 1964, p. 156].

[26] Указана в библиографии [Far East, 1969, p. 18].

[27] Эта рецензия приведена в [Рецензии, 1969, с. 184].

Теме проникновения США на Восток в начале XIX в. был посвящен и доклад Н. А. Халфина, подготовленный для XXVII конгресса востоковедов в Анн-Арборе (Мичиган, США) [Khalfin, 1967a]. Впрочем, в последний момент советская делегация отказалась от участия в нем, протестуя против войны во Вьетнаме. В этой, как и в других своих работах, Н. А. Халфин ставил целью показать, что США вели такую же, и даже более «эффективную», хищническую колониалистскую политику, вопреки широко распространенному мнению об отличии действий этой страны от классических колониалистских держав — Англии и Франции[28]. Он называл политику США «колониализмом без империи» и осовременивал исторические вопросы, придавая им политическое, а не только научное (историческое) значение, поскольку к этому времени, по его мнению, уже США «возглавили лагерь международной реакции», «заменили старые колониальные державы». Трудно не согласиться с М. С. Лазаревым, утверждавшим, что «Н. А. Халфин внес весомый вклад в изучение раннего американского империализма» и в двух своих небольших, но насыщенных фактами и ярко написанных монографиях [Халфин, 1958b; Халфин, Мурадян, 1966] «продемонстрировал широту своего исторического мышления» [Лазарев, 1994, с. 178]. Не случайно Н. А. Халфин неоднократно упоминается в фундаментальном труде «История США» — в разделах, посвященных обзору советской американистики (в числе авторов работ о начальных этапах проникновения США в страны Азии и Африки) [История США, 1983, с. 656], историографии проблем истории США начала империалистической эпохи [История США, 1985, с. 552] и советской американистике (как соавтор трудов об экономической, военно-политической и идеологической экспансии США [История США, 1985, с. 567].

Необходимо отметить, что с конца 1950-х гг. «разоблачение» колониалистского и агрессивного характера политики США в странах Азии и Африки стало одним из важнейших направлений деятельности Института востоковедения. Так, кроме индивидуальных монографий, была издана серия коллективных монографий, «разоблачающих восточную политику США» [Бем, 1963, с. 242], в т. ч. в отношении Ближнего и Среднего Востока [Политика, 1960], Арабского Востока [Политика, 1961a], стран Южной Азии [Политика, 1961b] и Дальнего Востока [Политика, 1964], организованных отделом международных отношений, и в первую очередь Г. Л. Бондаревским. В составе редколлегии [Политика, 1961a] вместе с Б. Г. Гафуровым, Г. Л. Бондаревским и Б. М. Данцигом был и Н. А. Халфин.

К теме исследования колониализма следует отнести и работы Н. А. Халфина по курдскому вопросу [Халфин, 1963a], которым, исходя из научных интересов автора настоящего очерка (курдоведа), будет уделено более пристальное внимание.

Очевидно, к середине 60-х гг. XX в. он стал одним из видных деятелей «антиколониалистского востоковедения»[29]. Не случайно в характеристике, данной Н. А. Халфину Г. Л. Бондаревским в 1960 г., Н. А. Халфин был назван «научным сотрудником широкого профиля», «разрабатывающим важные проблемы международных отношений и колониальной политики на Среднем Востоке и в Индии»[30]. А в обзоре, посвященном основным направлениям советской историографии Нового времени, Н. А. Халфин наряду с несколькими другими известными историками[31] упоминался в числе исследователей, вскрывающих «истоки агрессивности США» и разоблачающих «созданные буржуазной историографией «внешнеполитические мифы»», особенно в условиях необходимости разработки истории внешней политики этой страны в связи

[28] Этот нюанс отмечен, в частности, в [Holdsworth, 1964, p. 156].

[29] Термин «антиколониалистское востоковедение» заимствован мною из [Советское востоковедение, 1963, с. 242].

[30] Характеристика на Н. А. Халфина от 28.04.1960.

[31] С С. А. Гонионским, Н. Н. Болховитиновым, Л. С. Владимировым, Л. Ю. Слезкиным, З. М. Гершовым.

с превращением «американского империализма» в «оплот мировой реакции» и «центр агрессивных военных блоков» [Кривогуз и др., 1965, с. 99][32].

Поэтому неудивительно, что именно Н. А. Халфин стал автором историографического обзора «Советское востоковедение и изучение истории колониализма», изданного для зарубежной аудитории на английском языке в рамках публикации различных подобных работ в связи с 50-летием Октябрьской революции [Khalfin, 1967b][33]. Его труды упоминались в специализированных энциклопедических изданиях и обобщающих работах, а он сам был в ряду наиболее известных советских историков. Так, в статье «Колонии и колониальная политика» «Советской исторической энциклопедии» [Брутенц, 1965] отмечалось, что «история складывания колониальной системы империализма и особенности колониальной политики отдельных империалистических государств нашли отражение в трудах Б. Г. Гафурова, А. С. Ерусалимского. А. Г. Милейковского, А. Л. Нарочницкого, Н. А. Халфина и др.» [Брутенц, 1965, с. 532][34], а в списке литературы к статье приводилась его книга о создании и распаде Британской колониальной империи [Халфин, 1961b]. Монография Халфина о курдском вопросе [Халфин, 1963a] была включена известным советским курдоведом О. Л. Вильчевским в той же энциклопедии в небольшой список литературы к статье о курдах [Вильчевский, 1965, с. 311]. Н. А. Халфин упоминался также в статье об Узбекской ССР в части изучения вопросов развития политических, экономических и культурных связей с Россией и последствиям присоединения Узбекистана к ней [Иноятов, 1973, с. 704], а его работы были приведены в списке литературы [Халфин, 1965a[35]; Иноятов, 1973, с. 705]. Широко использовались работы Н. А. Халфина [Халфин, 1957; 1959a] в трудах по истории дипломатии, в частности, при исследовании темы англо-русской борьбы на Среднем Востоке во второй половине XIX в. [Хвостов, 1963, с. 70–71, 73][36]. Он участвовал также в написании коллективной монографии, которая впервые в советской историографии подводила итоги изучения внешней политики России до 1917 г.[37] [Нарочницкий, 1981, с. 7].

Наряду с собственными исследованиями большое внимание Н. А. Халфин уделял новинкам по его научным интересам: историография, критика и рецензии –самостоятельные направления его научной деятельности. В рамках продолжения критики американского империализма следует отметить его рецензии на книгу бывшего индийского дипломата Харина Шаха [Халфин, 1959b], а также на работы американских авторов о влиянии первой русской революции на Азию [Халфин, 1963b], о морской пехоте США в связи с операциями Соединенных Штатов в Азии [Халфин, 1964a] и начальном этапе американской экспансии на Среднем Востоке [Халфин, 1970]. Обширные

[32] В отчетах Н. Халфина по публикациям за 1960–1962 гг. мне, наряду с наименованием публикаций, встречались указания следующего характера: «Ряд изданий закрытого порядка (25 п. л.)» и «Ряд статей и материалов научно-популярного и пропагандистского характера (до 30 п. л.)». Однако какие публикации подразумевались под этими пунктами, мне установить не удалось, но могу предположить, что это были работы по колониализму и критике империалистических государств для партийного руководства.

[33] О работах Н. А. Халфина в этом обзоре см. [Khalfin, 1967b, p. 14–15].

[34] Отметим, что в части изучения «кризиса и распада колониальной системы», проблем «современных национально-освободительных революций и неоколониализма» среди ряда других ученых упоминался Г. Л. Бондаревский [Брутенц, 1965, с. 532].

[35] Эта книга упомянута в [Recent, 1966, p. 561].

[36] В. М. Хвостов выражал благодарность ряду коллег «за ценные советы, которые помогли ему в работе над книгой», список из которых почти полностью состоял из выдающихся советских историков, включая членов АН СССР (например, А. С. Ерусалимский, А. Л. Нарочницкий, С. Л. Тихвинский). В этом списке был и Н. А. Халфин. Сам В. М. Хвостов в то время был членом-корреспондентом АН СССР, а вскоре стал академиком.

[37] В 5-й главе под названием «Труды по внешней политике России периода домонополистического капитализма», автором которой является Августа Михайловна Станиславская [Станиславская, 1981] (Институт истории АН СССР), имеется раздел Н. А. Халфина о трудах Б. Г. Гафурова. Работы Халфина обильно упоминались также в разделе «Политика России в Азии» [Станиславская, 1981, с. 285, 288–293].

историографические обзоры, которым Н. А. Халфин придавал большое значение, «особенно при умелом сочетании информационного и аналитически-критического материала» [Халфин, Аветян[38], 1973, с. 157], он с прицелом на британскую колониальную политику посвящает критике индийских работ (в основном вышедших незадолго до публикации статьи) по международным отношениям на Среднем Востоке в XIX в. [Халфин, 1958c][39], написанных авторами, находящимися под влиянием британских историков, об «оборонительной» политике Англии от «русской угрозы» Индии, связывая это, как он часто делал, с современной ситуацией, а также с западными трудами о взаимоотношениях СССР со странами Азии и Африки [Халфин, 1961a] и внешней политике Ирана начале XIX в. в публикациях британских и иранских авторов [Халфин, Володарский[40], с. 1971]. Доклад Н. А. Халфина на XXV Международном конгрессе востоковедов, наряду с некоторыми другими выступлениями по проблемам современности (в т. ч. его коллег-соавторов Г. Л. Бондаревского и А. Х. Бабаходжаева), отмеченный директором ИВ АН Б. Г. Гафуровым [Гафуров, 1960, с. 12], также представлял историографический обзор о проблемах развития афганского государства в XVIII–XX вв. в советских исследованиях [Халфин, 1960b][41]. Близка к этой теме и его рецензия на книгу о дипломатических отношениях Индии (Англии) и Афганистана в конце XIX — начале XX в. [Халфин, 1964b]. А в рецензии на изданный Институтом народов Азии АН СССР справочник «Афганистан», кратко ознакомив читателя с книгой, Н. А. Халфин обращал внимание на разделы об отношениях этой страны с социалистическими и капиталистическими странами, подчеркивая «коренное, принципиальное отличие искренней бескорыстной помощи Советского Союза Афганистану от «помощи» США и других капиталистических стран». Ну и, как всегда, среди недостатков Н. А. Халфин указывал на отсутствие библиографии [Халфин, 1965b].

В работе о послевоенной советской историографии по истории колониализма и неоколониализма Н. А. Халфин с соавтором, проанализировав огромный массив советских публикаций по этой теме и отметив успехи советской науки, указали и на непроработанные аспекты, рекомендуя дальнейшие темы исследований [Халфин, Аветян, 1968[42]]. Спустя несколько лет эта же тема была рассмотрена за последующий период (1967–1972) [Халфин, Аветян, 1973]. Отдельная статья была посвящена американской историографии политики США на Дальнем Востоке в XIX — начале XX в. [Мурадян, Халфин, 1974].

---

[38] Андрей Сергеевич Аветян (1929–1992) — советский историк, выпускник истфака МГУ (1953), к. и. н. (1960), д. и. н. (1983), в различное время работал в институтах АН СССР, а также в Институте военной истории Минобороны СССР, автор работ по колониальной политике германского империализма.

[39] Эта рецензия была дана в подробном пересказе в Central Asia Review [Soviet views on modern Indian historiography, 1959]. Отметим, что, как видно из настоящей статьи, до конца жизни Н. А. Халфин весьма внимательно отслеживал публикации индийских ученых по вопросам, связанным с его направлениями деятельности. В свою очередь и индийские авторы, особенно прошедшие обучение в аспирантуре в СССР, конечно же, весьма активно использовали работы советских исследователей, в том числе и Халфина (см., например, [Kaushik, 1970; Gopal, 1974]).

Отметим, что Девендра Каушик и Сурендра Гопал в 1965 г. защитили кандидатские диссертации, соответственно, в Ташкентском университете [Каушик, 1965] и в Институте народов Азии АН СССР [Гопал, 1965]. Н. Халфин являлся ответственным редактором книги Каушика [Kaushik, 1970].

В 2003 г. Девендра Каушик — глава Национальной федерации индийских ассоциаций выпускников советских и российских вузов — «за большой вклад в развитие дружбы и культурного сотрудничества российского и индийского народов» был награжден орденом Дружбы (Указ Президента России В. В. Путина от 30.04.2003 № 493; http://www.kremlin.ru/acts/bank/19451 (дата обращения: 10.10.2022).

[40] Михаил Израилевич Володарский — к. и. н., в 1960–1970-х гг. (за исключением 1963–1968 гг., когда он работал в Смоленске) преподаватель на историческом факультете Кишиневского госуниверситета, где в 60-х гг. XX в. состоялся ряд конференций и научных мероприятий по новейшей истории стран Востока, в которых участвовал и Н. А. Халфин. В 1977 г. за антисоветскую деятельность (формально формулировки были иными) был лишен ученой степени и ученого звания, после чего эмигрировал в Израиль.

[41] Указание на доклад Н. Халфина на конгрессе см. также в [XXV Международный, 1960, с. 211].

[42] Эта статья была впоследствии опубликована на английском языке в индийском издании [Khalfin, Avetian, 1981].

В рецензиях на археографические издания [Халфин, 1963b; Халфин, 1966a; Халфин, 1969] он, как опытный архивист, замечал мельчайшие неточности и давал дельные рекомендации. Регулярными являлись обзоры индийских работ по международным отношениям на Востоке [Халфин, 1964c].

Внимательное отслеживание публикаций по истории присоединения Средней Азии подтверждает его обзор литературы, изданной преимущественно в Средней Азии и Казахстане по этому вопросу [Халфин, 1959c]. К той же теме примыкают и его сообщение о большой конференции [Халфин, 1959d], краткий обзор документов из очередного тома Ленина по освободительной борьбе стран Востока [Халфин, 1960c], участие в дискуссии о работе, посвященной вопросам по его научным интересам [Сахаров, 1963], а также заметка об обсуждении планируемой монографии об установлении советской власти в этом крае, опубликованная в Ташкенте [Ланда, Халфин, 1966][43]. Несмотря на переход на работу в Москву, Н. А. Халфин продолжал держать руку на пульсе исторической науки в Средней Азии[44] и участвовать в мероприятиях, проводимых в столице Узбекистана.

В 1959 г. Н. А. Халфин публикует исторический обзор проблемы Пуштунистана с начала XIX в. до конца 50-х гг. XX в. [Халфин, 1959e], часто упоминавшийся во вскоре напечатанном обзоре *CAR* советских работ по Пуштунистану [The Soviet attitude, 1960, p. 311–314], и монографию о британской агрессии в Афганистане [Халфин, 1959a], ставшую первой, в которой исследованы все три англо-афганские войны до обретения этой страной независимости[45]. Примечательно, что, несмотря на в целом положительный отзыв, рецензенты и коллеги высказали немало критических замечаний к монографии [Гордон-Полонская, Семенова, 1960; Мартиросов, 1962, с. 60–61]. Сбалансированной была и рецензия Ю. В. Ганковского [Ганковский, 1960][46]. Западные историографы воспринимали эту, как и другие работы Халфина и других советских авторов, в рамках советско-западного (российско-британского) соперничества и дискредитации политики стран Запада. Так, в известной подробной западной статье, посвященной советской историографии Афганистана, эта книга была названа попыткой «дискредитировать британскую политику XIX в. в отношении Афганистана» и выражением поддержки войны афганцев за независимость, их борьбы за национальное освобождение [Landau, 1982, p. 323–324]. Отметим, что известный британский дипломат Родрик Брейтвейт назвал эту книгу полезной для корректировки британских утверждений об их войнах в Афганистане [Braithwaite, 2011, p. 350].

К этим работам Халфина примыкают и две его статьи: о британской экспансии в Афганистане [Халфин, 1958d], написанная «на основе анализа богатого и разнообразного материала» [Арабаджян, 1959, с. 183], обзор которой был опубликован в *CAR* [Afghanistan, 1960, p. 183–186], и завоевании Англией Синда [Халфин, 1961c]. Примечательно, что М. Япп о статье Халфина о британской экспансии в первой половине XIX в., опубликованной Институтом востоковедения в сборнике к 40-летию независимости Афганистана [Халфин, 1958d], справедливо указывал, что Халфин впервые использовал ранее не использовавшиеся британские документы

[43] Об участии самого Н. А. Халфина в обсуждении см. [Ланда, Халфин, 1966, с. 243], в частности, о необходимости дополнения историографическим очерком и др.

[44] См., например, заметку Н. А. Халфина об известных узбекских женщинах-историках Р. Х. Аминовой и С. А. Азимджановой [Халфин, 1967].

[45] Как отмечал в своей рецензии Ю. В. Ганковский, эта книга Халфина, в которой «дан общий очерк истории национально-освободительной борьбы народов Афганистана на протяжении XIX — первой четверти XX века», «является первым обобщающим монографическим исследованием этой темы в нашей историографии» [Ганковский, 1960, с. 162].

[46] Эта книга отмечена также в обзоре советской востоковедческой литературы в числе монографий по проблемам новой истории стран Азии и Африки в преддверии 25-го конгресса востоковедов [К XXV, 1960, с. 7].

[Yapp, 1962, p. 499–500], таким образом опередив самих англичан в введении в научный оборот их же архивных материалов.

Разоблачению британского колониализма была посвящена изданная 10-тысячным тиражом научно-популярная книга о создании и распаде Британской империи [Халфин, 1961d]. Уже в начале 1960-х гг. коллеги называли Н. А. Халфина советским исследователем английской агрессии на Среднем Востоке, давно работающим в этой области [Мартиросов, 1962, с. 3].

В 1960 г. выходит монография Халфина о политике России в Средней Азии в 1857–1868 гг. [Халфин, 1960d][47], включавшая часть уже ранее опубликованных работ и ставшая основой его фундаментальной и весьма объемной докторской диссертации [Халфин, 1961a; Халфин, 1962a][48]. Уже упоминавшийся С. З. Мартиросов, утверждавший, что предыдущим исследованиям Н. А. Халфина не хватает критического подхода при анализе политики царизма, положительно оценивал указание в этой книге на колонизаторский его характер [Мартиросов, 1962, с. 61]. Эта работа сразу же вызвала большой интерес в западных научных кругах. На следующий год после ее выхода *CAR* сообщил, что издающий его центр готовит сокращенный перевод с комментариями этой «важной новой работы Н. А. Халфина» [Editorial, 1961, p. 334], которая вместе с его опубликованными еще в Ташкенте «Тремя миссиями» [Халфин, 1956] была названа в числе важнейших книг по истории региона XIX в., изданных в предшествующие несколько лет, а сам Н. А. Халфин — в числе одного из двух главных авторов по этой теме [Book review, 1962, p. 46–47]. В 1964 г. сокращенный (примерно вдвое, в удобном для западного читателя варианте) перевод «Политики России в Средней Азии», которая была названа «видным образцом советской историографии» [Pierce, 1966], был издан упомянутым центром [Khalfin, 1964][49]. С этого издания, собственно, и начался «литературный эксперимент» лондонского Центральноазиатского исследовательского центра (Central Asian Research Centre, CARC), предусматривающий адаптированный перевод советских книг.

Изданная на английском языке работа Халфина была высоко оценена в различных западных рецензиях, в которых, несмотря на неприятие в целом позиции автора, обусловленной, очевидно, идеологическим противоборством во время «холодной войны», эта книга была названа «серьёзной научной работой», основанной на разнообразных источниках и новых материалах, в том числе недоступных для западных исследователей [Williams, 1966; Pierce, 1966], в связи с чем одним из главных западных оппонентов Н. А. Халфина недостатком издания был назван маленький тираж [Pierce, 1966]. Впоследствии *CAR* также называл эту книгу «превосходной» («excellent book») [Editorial, 1967, p. 288]. В рецензии уже на другую работу Н. А. Халфина отмечалось, что она [Халфин, 1960d] выделялась «эффективным использованием большого количества ранее недоступных документов», хотя и была омрачена советским стилем, когда предисловие и заключение не соответствовали изложению собственно темы [Evans, 1966a, p. 350].

[47] См. краткий обзор этой книги [Кастельская, 1961], включенный в [Bibliography, 1962, p. 119], а также рецензию на нее [Зияев, 1963]. Эта книга Халфина была также включена в обширный обзор деятельности учреждений исторических наук АН СССР Ю. В. Бромлея [Бромлей, 1961, с. 119].

[48] Докторскую диссертацию Н. А. Халфин защитил в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (МГПИ), что на первый взгляд может показаться несколько странным. Однако в те годы, в 50-х — 60-х гг. XX в., защита докторской диссертации в ИВ (ИНА) АН СССР, как и в ряде некоторых других учреждениях гуманитарного профиля союзной Академии наук, являлась весьма сложным делом. В то же время в 1960–1974 г. в МГПИ заведующим кафедрой новой и новейшей истории являлся известный советский историк, исследователь международных отношений, большой знаток архивов А. Л. Нарочницкий, что сделало этот институт одним из центров в этой области. В 1962–1974 гг. А. Л. Нарочницкий являлся главным редактором журнала «Новая и новейшая история», в котором выходили статьи Н. А. Халфина.

[49] Была отражена в библиографиях [Pamphlets, 1965, p. 413; New, 1965, p. 650; Recent, 1965, p. 246; Publications, 1965, p. 494].

Еще один рецензент, отмечая достоинства книги и особенно ее важность в связи с необходимостью понимания «российской точки зрения», указывал на не всегда уместное осуждение британского правления в Индии [Davies, 1965]. Небольшие рецензии, точнее — некое подобие аннотаций были опубликованы и в известных западногерманском [Osteuropa, 1966] и французском (*Afrique et l'Asie*)[50] журналах.

Широчайшая архивная база книги Н. А. Халфина обусловила, что она «стала единственной… по проблемам Большой Игры, принадлежавшей перу отечественных историков, которая увидела свет на Британских островах» [Сергеев, 2012, с. 14].

Индийский исследователь Н. П. Верма в своем обзоре о работах «советских историков о российской угрозе Индии во второй половине XIX в.», перечисляя советских авторов трудов по международным отношениям в Средней Азии, особенно выделял среди них Н. Халфина, указывая на большой вклад его двух монографий [Халфин, 1957; 1960d] в изучение англо-русского соперничества и политики Великобритании и России в этом регионе [Verma, 1976, p. 482].

Продолжением «Политики России в Средней Азии» стала фундаментальная и, по словам известного американского ученого Л. Кристофа, «хорошо документированная» [Kristof, 1967, p. 946] монография о присоединении этого края к России [Халфин, 1965a[51]] — «авторитетное исследование» [Mackenzie, 1967, p. 280] о внешней политике России со времени окончания Крымской войны и до соглашения с Великобританией по Памиру. Следует отметить, что в рецензии, опубликованной в *CAR*, отмечалось «привычное владение материалом» Н. А. Халфиным и признавалось, что представленное исследование является, пожалуй, наиболее достоверным изложением темы, при этом указывалось, что автору, как «лицензированному проповеднику» [советской идеологии], пришлось-де застенчиво и противоречиво продираться через не совсем удобные проблемы, как то, с одной стороны, хищническое поведение царской России в Средней Азии, с другой — утверждение о пользе покорения ею мусульманских народов этого края [Evans, 1966a, p. 350–351]. Однако очевидно, что восприятие в качестве несовместимых этих двух сторон и нежелание соглашаться с прогрессивным характером присоединения/завоевания царской Россией Средней Азии вряд ли было обусловлено заботой о народах и наличием других более выгодных альтернатив, а лишь контекстом борьбы Запада с Советским Союзом.

Небольшую, но весьма емкую рецензию на этот труд опубликовал известный американский историк, неоднократно упоминаемый Н. А. Халфиным в своих работах,–Ричард А. Пирс. Признавая проведенный Н. А. Халфиным анализ «умелым» (able), он в то же время считал его очень тенденциозным, библиографическую часть — хотя и подробной, но искаженной и неполной, параграфы о британской политике — надуманными [Pierce, 1968]. Отметим, что, в свою очередь, Н. А. Халфин в этой монографии уделял немало места обзору незадолго вышедшей до этого книги Р. Пирса по Центральной Азии [Pierce, 1960], указывая, что тот «сплошь и рядом подменяет научное исследование пустой демагогией и пропагандистскими измышлениями» и т. д. [Халфин, 1965a, с. 47–49].

Считая эту работу Н. А. Халфина [Халфин, 1965a] «субстанциальной» в исследовании вопросов присоединения к России Средней Азии, *CAR* в рецензии на монографию о роли

[50] Afrique et l'Asie. P., 1966. No. 79. P. 61–62. Однако мне не удалось ознакомиться с этой рецензией, поэтому она приводится по: [Рецензии, 1967, с. 203].

[51] Рецензии на эту книгу: [Зияев, Ланда, 1965; Evans, 1966a, p. 350–351; Central Asia Incorporated, 1966]. Причем последняя, опубликованная в литературном приложении к The Times, являлась рецензией сразу на три книги, в т. ч. на книгу издателя CAR Дж. Уиллера. Рецензия противопоставляла работы Уиллера и Халфина, который был назван «очевидно, активным участником советской деятельности по обозрению и пересмотру истории региона, продолжающейся с конца сталинской эры» [Central Asia Incorporated, 1966].

русской культуры в развитии культур народов Средней Азии [Перепелицына, 1966] указывал, что последняя продолжает подход, предложенный Н. А. Халфиным, согласно которому, несмотря на эксплуатацию со стороны царизма, присоединение Средней Азии к России привело к установлению коммуникации, посредством которой этот регион получил значительные блага [Book reviews, 1967, p. 177]. Еще один автор противопоставлял «часто цитируемую» книгу Халфина сбалансированному и рациональному подходу Дж. Керзона, ставшему, к слову, впоследствии объектом изучения Халфина, считая ее «несколько переоцененной», с недовольством подчеркивая представление Халфиным Керзона «апологетом британской экспансии на Востоке» [Williams, 1968, p. 528].

Хотя другие авторитетные западные исследователи говорили об объективной оценке Халфиным царской политики и отдельных администраторов, таких как Кауфман [Mackenzie, 1967, p. 280].

Обе эти монографии Халфина [Халфин, 1960d; 1965a], как и другие его работы по истории Средней Азии, а также опубликованные им уже в 1970–1980-х гг. архивные материалы в рамках серии «Центральная Азия в источниках и материалах…» широко использовались в издаваемых на Западе трудах по соответствующим темам в качестве источников[52], а также при попытке опровержения его утверждений[53].

В это время продолжали выходить и статьи Н. А. Халфина о различных эпизодах по истории Средней Азии и людях, связанных с этим краем. В сборник, посвященный 70-летнему юбилею выдающегося советского историка и археографа акад. М. Н. Тихомирова[54], была включена работа Н. Халфина об истории строительства железной дороги Чарджоу (Чарджуй) — Александров-Гай, точнее, о проектах создания этой железной дороги в 1912–1916 гг., основанная на документах ЦГИА УзССР [Халфин, 1963c][55]. Следует также отметить статью о (само)убийстве Виткевича [Халфин, 1966b[56]], записки которого впоследствии были изданы под редакторством Н. А. Халфина.

Таким образом, начиная с первой монографии, на протяжении 11 лет, в 1956–1966 гг. Н. А. Халфиным было издано девять монографий, которые выходили почти каждый год [Халфин, 1956; 1957a; 1958b; 1959a; 1960d; 1961b; 1963a; 1965a; Халфин, Мурадян, 1966].

В кратком обзоре советской историографии Узбекистана Н. А. Халфин с монографиями [Халфин, 1960d; 1965a] занимал важное место как исследователь экспансии «царизма и соперничества царской России и Англии в Средней Азии», разработавший «хорошо внешнеполитическую сторону присоединения Средней Азии к России, его последовательные этапы» [Ланда, Лунин, Непомнин, 1968, с. 107–108]. Н. А. Халфин и его работы [Халфин, 1956; 1960d; 1965a] упоминались и в истории исторической науки Узбекистана [Ахунова, Лунин, 1970, с. 145–146]. Важным считал вклад Н. А. Халфина в изучение политики России в Средней

[52] См., например [Mackenzie, 1967; Bensidoun, 1975, p. 140, 146; Verma, 1976; Strong, 1975, p. 236, 245; Morris, 1975; Spring, 1979; Williams, 1980, p. 216, 221–222, 234; Manz, 1987; Morrison, 2014].

[53] См., например, известную работу Дж. Моргана [Morgan, 1981].

[54] К слову, акад. М. Н. Тихомиров представлял, в частности, отзыв на докторскую диссертацию Н. А. Халфина [Чистякова, 2000, с. 267]. Кроме того, в своей известной монографии о присоединении к России Мерва, изданной под грифом ИВ АН СССР [Тихомиров, 1960], М. Н. Тихомиров ссылается и на работы Н. А. Халфина еще ташкентского периода [Халфин, 1957a; 1957b].

[55] Можно отметить, что в это время ЦГИА УзССР уже не существовал, его правопреемником стал ЦГА УзССР. Однако Н. А. Халфин, судя по всему, пользовался записями (или копиями), сделанными еще в период существования ЦГИА УзССР.

[56] Эта статья была прореферирована CAR [Evans, 1967, p. 316–319] и названа автором обзора красиво написанной, но неубедительной [Evans, 1967, p. 316].

Азии Г. А. Хидоятов [Хидоятов, 1969, с. 45–46, 51], особо выделяя три монографии с широким использованием архивных документов [Халфин, 1957а; 1959а; 1965а], хотя и указывал на преувеличение Н. Халфиным экономического фактора.

В различных обзорных работах по истории внешней политики России XIX в., затрагивающих среднеазиатское направление, работы Н. Халфина рассматривались в числе основных (см., например [Георгиев, Панченкова, 1970, с. 145–146; Станиславская, 1981, с. 285–301]). Особенно важным при этом представлялось «аргументированное» раскрытие Халфиным «прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России» [Георгиев, Панченкова, 1970, с. 145–146; Киняпина, 1983, с. 37] в работе [Халфин, 1965а], наиболее углубленное изложение истории «включения среднеазиатских земель в состав Российской империи», анализ мотивов политики России на Среднем Востоке и раскрытие русско-английского соперничества в Средней Азии, его отдельных узлов и трудов [Станиславская, 1981, с. 285], а также опровержение мнения об упорной борьбе народных масс Средней Азии против русского завоевания, которого на самом деле не было, а наблюдался процесс присоединения, пусть и включавший элементы принуждения [Георгиев, Панченкова, 1970, с. 145]. Полезным представлялся и комплексный подход Халфина, основывавшийся не только на политических, но и на экономических причинах проникновения России в этот регион [Георгиев, Панченкова, 1970, с. 145; Киняпина, 1974, с. 38].

Несомненно, ни одна работа по историографии англо-русских отношений в Средней Азии в XIX в. не обходится без упоминания, обзора и анализа работ Н. А. Халфина.

К середине 60-х гг. XX в. Н. А. Халфин, как видно исходя из многочисленных указанных западных рецензий, обзоров и иных публикаций, был уже хорошо известен не только в Советском Союзе, но и на Западе и пользовался там авторитетом ученого высокого уровня, несмотря на имеющуюся в его работах очевидную идеологизированность, которая, несомненно, западными исследователями воспринималась в качестве неизбежной и была характерна и для них самих. Его работы назывались западными учеными образцовыми [Evans, 1964, p. 156; Strong, 1966, p. 176]. Халфин в западной литературе часто упоминался не только когда речь шла непосредственно о его работах, переводившихся на английский язык и издававшихся на Западе, но и в рецензиях на работы западных авторов по Средней Азии. Так, в рецензии на монографию уже упомянутого Дж. Уиллера Дж. Стронг, обсуждая использованную литературу, говорил о «хорошо известных, образцовых работах по Центральной Азии» [Василия] Бартольда, [Юджина] Скайлера и Халфина [Strong, 1966, p. 176][57].

Уже отмеченное известное специализированное британское издание, концентрировавшееся на изучении Средней Азии (*CAR*) и в рамках противоборства Запада с СССР также принимавшее активное участие в пропагандистской борьбе, в одном из своих материалов, посвященных советским взглядам на колониализм, подчеркивало, что, «помимо обычных пропагандистских авторов, для противодействия обвинениям Запада теперь используются серьезные и относительно объективные историки, такие как Н. А. Халфин» [Soviet views on colonialism, 1962, p. 168]. Работы Халфина западные историки по Средней Азии справедливо называли «подробными и авторитетными» [Bodger, 1985, p. 605]. «Обычными пропагандистскими авторами» были названы т. н. «исследователи широкого профиля», концентрирующиеся на критике колониализма и империализма с «общих» позиций, в стиле партийных документов, опирающиеся преимущественно на классиков марксизма-ленинизма и идеологические документы, в целом не несущие какой-либо угрозы действительного «разоблачения» действий западных стран, в то время как специалисты-востоковеды (такие как Н. А. Халфин), изучавшие конкретные действия западных стран в тех или иных регионах с глубокой источниковедческой проработкой, в условиях холодной войны воспринимались в качестве угрозы.

[57] См. также, например [Williams, 1968, p. 528].

Некоторые работы Н. А. Халфина подвергались существенной критике, более того, он обвинялся в умышленном искажении материала. Так, особое внимание *CAR* привлекла его уже упомянутая весьма обширная критическая рецензия [Халфин, 1967b] на сразу же получившую признание на Западе работу издателя этого журнала Дж. Уиллера [Wheeler, 1964]. Значительный объем рецензии, пусть и посвященной критике, и ее авторство видным советским специалистом по новейшей истории Средней Азии уже расценивались в качестве события, свидетельствующего о немалом внимании к рецензируемому труду. Сама рецензия при этом была названа «документом значительной важности» [Editorial, 1967, p. 288], в связи с чем был опубликован ее полный перевод [Khalfin, 1967c][58]. Исходя из текста рецензии, целей критики и игнорирования некоторых частей, *CAR* делал выводы о наиболее чувствительных для СССР вопросах (симпатия Дж. Уиллера к исламу) при изучении этой темы. Манеру рецензии Н. А. Халфина *CAR* назвала «тонкой яростью», противопоставляя ее «размеренному стилю» его исторических исследований, а сам советский подход (критика «фальсификации» и т. д.) — подходу «культурно более развитых коммунистических стран», указывая на рецензию известного чехословацкого востоковеда Иржи Бечки на эту же книгу [Editorial, 1967, p. 288]. Действительно, рецензия И. Бечки [Bečka, 1967] несколько более сбалансированна, доброжелательна и фокусируется на мелких ошибках, в отличие от «яростной» рецензии Н. А. Халфина, что обусловлено научным бэкграундом рецензентов — персидско-таджикской филологией (И .Бечка) и исследованием политики империалистических держав на Востоке (Н. Халфин).

В продолжение темы изучения колониализма Н. А. Халфиным (в соавторстве) была написана глава в книге, положившей начало известной трилогии о национально-освободительной борьбе народов Азии и Африки [Никифоров, Халфин, 1967][59]. Тогда же в Москве для зарубежного читателя на английском языке в рамках публикаций о советском востоковедении в связи с 50-летием Октябрьской революции издается историографический обзор Н. А. Халфина, Л. М. Ланды и И. С. Брагинского, который, как и Н. А. Халфин, был приглашен в ИВ АН Б. Г. Гафуровым из Средней Азии, об этом регионе в советских исследованиях [Braginsky, Landa, Khalfin, 1967[60]][61]. С известным литературоведом И. С. Брагинским Халфин в 1962 г. в авторитетном парижском международном журнале о переводах — Babel — опубликовал статью о переводах литературы народов Востока в Советском Союзе [Braguinski, Khalfin, 1962], отмеченную в ежегодной библиографии журнала известной лингвистической организации [Brown, 1963, p. 117].

Как видно из биографии, библиографии и деятельности Н. А. Халфина, он являлся действительно выдающимся советским историком, одним из немногих, включенных глубоко не только в востоковедческие, но и в исторические исследования в самом широком смысле, публиковавшимся практически во всех авторитетных отечественных исторических изданиях и взаимодействовавшим со всеми крупнейшими историками СССР в области международных отношений и внешней политики. При этом он был широко известен за рубежом, где, несмотря на противостояние в условиях холодной войны, воспринимался в качестве крупного исследователя, внесшего огромный вклад в изучение различных вопросов истории Российской империи, Средней Азии, Среднего Востока, а также Англии и США, причем даже в условиях закрытого занавеса прекрасно ориентируясь в западной литературе.

[58] Упоминается в [Bibliography, 1968, p. 261].

[59] Следует отметить, что здесь В. Н. Никифоров и Н. А. Халфин являются основными авторами, но некоторые разделы их главы написаны другими авторами.

[60] О работах Н. А. Халфина см. [Braginsky et al., 1967, p. 18].

[61] Отмечена в библиографии [Central Asia and Soviet Far East, 1969, p. 96; Publications, 1971, p. 69].

Литература / References

XXV Международный конгресс востоковедов. *Проблемы востоковедения*. 1960. № 5. С. 206–220 [XXV International Congress of Orientalists. *Problemy vostokovedeniya*. 1960. 5. Pp. 206–220 (in Russian)].

Алаев Л. Б. «Имел он сча́стливый талант…» [В кн.:] Шаститко П. М. *Век ушёл: сцены из истории отечественного востоковедения*. М., 2009. С. 3–18. [Alaev L. B. «He had a lucky talent …» In: Shastitko P. M. *The century is gone: scenes from the history of Russian oriental studies*. Moscow, 2009. Pp. 3–18 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Институт востоковедения в 1950-е — 1970-е гг.: гафуровский призыв и воздух молодости. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 5. С. 10–19 [Alaev L. B. Institute of Oriental Studies in the 1950s — 1970s.: Gafurov's Draft and a Youthful Air. *Vestnik vostokovedenija RAN*. 2018. 5. Pp. 10–19 (in Russian)].

Алпатов В. М. Мудрый наставник и руководитель. *Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения*. М., 2009. С. 47–53 [Alpatov V. M. Wise mentor and leader. In *Academician Bobodzhan Gafurov: on the occasion of the 100th anniversary of his birth*. Moscow, 2009. Pp. 47–53 (in Russian)].

Арабаджян А. З. [Рец. на:] «*Независимый Афганистан. 40 лет независимости*». М., 1958. *Проблемы востоковедения*. 1959. № 2. С. 181–184 [Arabadzhyan A. Z. [Rev. on:] *Independent Afghanistan. 40 years of independence*. Moscow, 1958. *Problemy vostokovedenija*. 1959. 2. Pp. 181–184 (in Russian)].

Ахунова М. А., Лунин Б. В. *История исторических наук в Узбекистане. Краткий очерк*. Ташкент, 1970 [Akhunova M. A., Lunin B. V. *History of historical sciences in Uzbekistan. Brief essay*. Tashkent, 1970 (in Russian)].

Бем Ю. О. Литература по Азии и Африке в 1963 г. *Народы Азии и Африки*. 1963. № 1. С. 242–243 [Bem Yu. O. Literature on Asia and Africa in 1963. *Narody Azii i Afriki*. 1963. 1. Pp. 242–243 (in Russian)].

Бондаревский Г. Л. *Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888–1903)*. Ташкент, 1955 [Bondarevsky G. L. Baghdad Railway and German Imperialism Penetration into the Middle East (1888–1903). Tashkent, 1955 (in Russian)].

Бромлей Ю. В. Историческая наука в СССР. В отделении исторических наук АН СССР и научных советах. Основные итоги научной деятельности учреждений отделения исторических наук АН СССР за 1960 год. *Вопросы истории*. 1961. № 3. С. 112–130 [Bromley Yu. V. Historical science in the USSR. In the branch of historical sciences of the Academy of Sciences of the USSR and scientific councils. The main results of the scientific activities of the institutions of the Branch of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences for 1960. *Voprosy istorii*. 1961. 3. Pp. 112–130 (in Russian)].

Брутенц К. Н. Колонии и колониальная политика. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 7: Каракеев–Кошакер. М., 1965. С. 517–534 [Brutents K. N. Colonies and colonial policy. *Soviet Historical Encyclopedia*. Vol. 7, Moscow, 1965. Pp. 517–534 (in Russian)].

Бурьян М. С., Хазанов А. М., Шаумян Т. Л. Personalia. In memoriam. Григорий Львович Бондаревский (1920–2003). *Восток*. 2004. № 1. С. 215–218 [Buryan M. S., Khazanov A. M., Shaumyan T. L. Personalia. In memory. Grigory Lvovich Bondarevsky (1920–2003). *Vostok*. 2004. 1. Pp. 215–218 (in Russian)].

Вильчевский О. Л. Курды. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 8: Кошала–Мальта. М., 1965. С. 310–311 [Vil'chevskij O. L. Kurds. *Soviet Historical Encyclopedia*. Vol. 8, Moscow, 1965. Pp. 310–311 (in Russian)].

Воловников В. Г., Рыженков М. Р. Памяти Петра Михайловича Шаститко (1923–2009). *Восточный архив*. 2009. № 2. С. 91–94 [Volovnikov V. G., Ryzhenkov M. R. In memory of Pyotr Mikhailovich Shastitko (1923–2009). *Vostochnyj arkhiv*. 2009. 2. Pp. 91–94 (in Russian)].

Ганковский Ю. В. [Рец. на:] Н. А. Халфин. *Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.)*. М., 1959. *Вопросы истории*. 1960. № 7. С. 162–164 [Gankovskij Yu. V. [Rev. on:] N. A. Khalfin. *The failure of British aggression in Afghanistan (XIX century — early XX century)*. M., 1959. *Voprosy istorii*. 1960. 7. Pp. 162–164 (in Russian)].

Гафуров Б. Г. Актуальные задачи советского востоковедения. *Вестник Академии наук СССР*. 1957. № 9. С. 13–24 [Gafurov B. G. Actual tasks of Soviet oriental studies. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1957. 9. Pp. 13–24 (in Russian)].

Гафуров Б. Г. Международный форум ориенталистам (к итогам XXV международного конгресса востоковедов). Вопросы истории. 1960. № 11. С. 3–18 [Gafurov B. G. International Forum for Orientalists (on the results of the XXV International Congress of Orientalists). *Voprosy istorii*. 1960. 11. Pp. 3–18 (in Russian)].

Георгиев В. А., Панченкова М. Т. Проблемы внешней политики России XIX в. в трудах советских историков. *Вопросы истории*. 1970. № 7. С. 138–147 [Georgiev V. A., Panchenkova M. T. Problems of Russian foreign policy in the 19th century in the works of Soviet historians. *Voprosy istorii*. 1970. 7. Pp. 138–147 (in Russian)].

Глущенко Е. А. В начале пути. *Азия и Африка сегодня*. 2007. № 7. С. 7–12 [Glushchenko E. A. At the beginning of the journey. *Aziya i Afrika segodnya*. 2007. 7. Pp. 7–12 (in Russian)].

Гопал С. *Торговля и ремесла Гуджарата в XVI–XVII вв.* Автореферат дисс… к. и. н. / АН СССР. Ин-т народов Азии. М., 1965 [Gopal S. *Trade and handicrafts of Gujarat in the XVI–XVII centuries*. Abstract of the PhD Thesis. Moscow, 1965 (in Russian)].

Гордон-Полонская Л. Р., Семенова Н. И. [Рец. на:] Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М., 1959. *Проблемы востоковедения*. 1960. № 5. С. 174–176 [Gordon-Polonskaya L. R., Semenova N. I. [Rev. on:] N. A. Khalfin. The failure of British aggression in Afghanistan (XIX century — early XX century). M., 1959. *Problemy vostokovedeniya*. 1960. 5. Pp. 174–176 (in Russian)].

Зияев Х. Полезная работа по истории русско-среднеазиатских отношений. *Общественные науки в Узбекистане*. 1963. № 1. С. 67–69 [Ziyaev H. Useful work on the history of Russian-Central Asian relations. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. 1963. 1. Pp. 67–69 (in Russian)].

Зияев Х. З., Ланда Л. М. Исследование о присоединении Средней Азии к России. *Общественные науки в Узбекистане*. 1968. № 1. С. 51–52 [Ziyaev Kh. Z., Landa L. M. Research on the accession of Central Asia to Russia. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. 1968. 1. Pp. 51–52 (in Russian)].

Иноятов Х. Ш. Узбекская Советская Социалистическая Республика. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 14: Таанах-Фелео. 1974. С. 669–706 [Inoyatov Kh. Sh. Uzbek Soviet Socialist Republic. *Soviet Historical Encyclopedia*. Vol. 14, Moscow, 1974. Pp. 669–706 (in Russian)].

История США. Т. 1. 1607–1877. М., 1983 [History of the United States. Vol. 1. 1607–1877. Moscow, 1983].

История США. Т. 2. 1877–1918. М., 1985 [History of the United States. Vol. 2. 1877–1918. Moscow, 1983 (in Russian)].

К XXV Международному конгрессу востоковедов. *Вопросы истории*. 1960. № 7. С. 3–13 [To the XXV International Congress of Orientalists. *Voprosy istorii*. 1960. 7. Pp. 3–13 (in Russian)].

Кастельская З. Д. [Рец. на:] Н. А. Халфин. *Политика России в Средней Азии (1857–1868)*. М., 1960. *Народы Азии и Африки*. 1961. № 3. С. 226 [Kastel'skaya Z. D. [Rev. on:] N. A. Khalfin. *Russian policy in Central Asia (1857–1868)*. Moscow, 1960. *Narody Azii i Afriki*. 1961. 3. P. 226 (in Russian)].

Каушик Д. Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии (1917–1937 гг.). Автореферат дисс… к. и. н. / Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент, 1965 [Kaushik D. *Implementation of the Leninist National Policy in Central Asia (1917–1937)*. Abstract of the PhD Thesis. Tashkent, 1965 (in Russian)].

Ким Г. Ф., Асимов М. А., Бонгард-Левин Г. М., Гафурова К. А., Дрейер О. К., Ли В. Ф., Халфин Н. А., Шаститко П. М. Академик Бободжан Гафурович Гафуров и его труды. *Б. Г. Гафуров. Избранные труды*. [Редкол.: Г. Ф. Ким (пред.) и др.] М.: Наука, 1985. С. 4–20 [Kim G. F., Asimov M. A., Bongard-Levin G. M., Gafurova K. A., Dreyer O. K., Li V. F., Khalfin N. A., Shastitko P. M. Academician Bobodzhan Gafurovich Gafurov and his works. *B. G. Gafurov. Selected works*. Moscow, 1985. Pp. 4–20 (in Russian)].

Киняпина Я. С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50–80-е годы XIX в.). *Вопросы истории*. 1974. № 2. С. 36–51 [Kinyapina Ya. S. Central Asia in the foreign policy plans of tsarism (50–80s of the 19th century). *Voprosy istorii*. 1974. 2. Pp. 36–51 (in Russian)].

Киняпина Я. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке. *Вопросы истории*. 1983. № 4. С. 35–47 [Kinyapina Ya. S. The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia in the 19th century. *Voprosy istorii*. 1983. 4. Pp. 35–47 (in Russian)].

Кривогуз И. М., Прицкер Д. П., Рабинович М. Б., Стецкевич С. М. Основные направления советской историографии Нового времени. *Вопросы истории*. 1965. № 6. С. 87–104 [Krivoguz I. M., Pritsker D. P., Rabinovich M. B., Stetskevich S. M. The main directions of Soviet historiography of the New Times. *Voprosy istorii*. 1965. 6. Pp. 87–104 (in Russian)].

Лазарев М. С. Путь в востоковедение. Н. А. Халфин (1921–1987). *О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов*. М., 1994. С. 169–184 [Lazarev M. S. Path to Oriental studies. N. A. Khalfin (1921–1987). *About colleagues and comrades: Moscow Orientalists of the 60–80s*. Moscow, 1994. Pp. 169–184 (in Russian)].

Ланда Л. М., Лунин Б. В., Непомнин В. Я. *Советская историография Узбекистана. Очерки истории исторической науки в СССР (Материалы к обсуждению)*. Т. VII [Вып. 10]. Москва: Б. и., 1968. Ташкент, 1967 [Landa L. M., Lunin B. V., Nepominin V. Ya. Soviet historiography of Uzbekistan. *Essays on the history of historical science in the USSR (Materials for discussion)*. Vol. VII [Issue 10]. Moscow, 1968. Tashkent, 1967 (in Russian)].

Ланда Л. М., Халфин Н. А. Обсуждение вопросов истории Октябрьской революции. *Народы Азии и Африки*. 1966. № 3. С. 240–243 [Landa L. M., Khalfin N. A. Discussion of questions of the history of the October Revolution. *Narody Azii i Afriki*. 1966. 3. Pp. 240–243 (in Russian)].

Ли Вл. Ф. Таджик и кореец — братья навек… (Из воспоминаний об академике Б. Г. Гафурове). *Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения*. М.: Вост. лит., 2009. С. 89–96 [Li Vl. F. Tajik and Korean — brothers forever… (From the memoirs about academician B. G. Gafurov). *Academician Bobodzhan Gafurov: on the occasion of the 100th anniversary of his birth*. Moscow, 2009. Pp. 89–96 (in Russian)].

Мартиросов С. З. *Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе*. Чарджоу, 1962 [Martirosov S. Z. *Anglo-Russian contradictions in Central Asia in pre-revolutionary and Soviet historical literature*. Chardzhou, 1962 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина — архивиста, историка и востоковеда: биобиблиографический обзор (период жизни и деятельности в Ташкенте: 1943–1957). *Восточный архив*. 2023 [в печати] [Mossaki N. Z. To the 100th anniversary of Naftula Aronovich Khalfin — archivist, historian and orientalist: bio-bibliographic review (period of life and activity in Tashkent: 1943–1957). *Vostochnyj arkhiv*. 2023 [in print] (in Russian)].

Мурадов Р. Ричмонд Шекспир в большой игре. *Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова)*. СПб., 2021. С. 269–288 [Muradov R. Richmond Shakespeare in the big game. *Islam in Russia and Eurasia (in memory of Dmitry Yurievich Arapov)*. Saint Petersburg, 2021. Pp. 269–288 (in Russian)].

Мурадян А. А., Халфин Н. А. *Эволюция интерпретации политики США на Дальнем Востоке в XIX — начале XX в. Основные проблемы истории США в американской историографии. 1861–1918 гг*. М., 1974. С. 258–275 [Muradyan A. A., Khalfin N. A. The evolution of the interpretation of US policy in the Far East in the 19th — early 20th centuries. The main problems of history of history of the United States in American historiography. 1861–1918. Moscow, 1974. Pp. 258–275 (in Russian)].

Мухтаров А., Шарипов Ш. *Академик Бободжан Гафуров*. Душанбе, 1983 [Mukhtarov A., Sharipov Sh. *Academician Bobodzhan Gafurov*. Dushanbe, 1983 (in Russian)].

Нарочницкий А. Л. Предисловие. *Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография*. М., 1981. С. 3–7 [Narochnitsky A. L. Preface. *Results and tasks of studying Russia's foreign policy. Soviet historiography*. Moscow, 1981. Pp. 3–7 (in Russian)].

Ниалло А., Халфин Н. А. Туркестанский хлопок и американские миллионы (Из истории американской экспансии в Средней Азии). *Звезда Востока*. 1953a. № 3. С. 99–117 [Niallo A., Khalfin N. A. Turkestan cotton and American millions (From the history of American expansion in Central Asia). *Zvezda Vostoka*. 1953a. 3. Pp. 99–117 (in Russian)].

Ниалло А., Халфин Н. А. Туркестанский хлопок и американские миллионы (Из истории американской экспансии в Средней Азии). *Звезда Востока*. 1953b. № 5. С. 99–109. [Niallo A., Khalfin N. A. Turkestan cotton and American millions (From the history of American expansion in Central Asia). *Zvezda Vostoka*. 1953b. 5. Pp. 99–109 (in Russian)].

Никифоров В. Н., Халфин Н. А. Начало национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки (феодальный этап). *Века неравной борьбы*. М., 1967. С. 80–157 [Nikiforov V. N., Khalfin N. A. The beginning of the national liberation struggle of the peoples of Asia and Africa (the feudal stage). *Ages of unequal struggle*. Moscow, 1967. Pp. 80–157 (in Russian)].

Павлов Н. С. Обсуждение итогов работы институтов востоковедения и китаеведения Академии наук СССР за 1958 год. *Вопросы истории*. 1959. № 4. С. 201–207 [Pavlov N. S. Discussion of the results of the work of the Institutes of Oriental Studies and Sinology of the USSR Academy of Sciences for 1958. *Voprosy istorii*. 1959. 4. Pp. 201–207 (in Russian)].

Перепелицына Л. А. Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии. М., 1966 [Perepelitsyna L. A. The role of Russian culture in the development of cultures of the peoples of Central Asia. Moscow, 1966 (in Russian)].

Политика США на Ближнем и Среднем Востоке (США и страны СЕНТО) / АН СССР. ИНА [Ред. коллегия: Б. Г. Гафуров (отв. ред.) и др.]. М., 1960 [*US policy in the Near and Middle East (USA and CENTO countries)*. Moscow, 1960 (in Russian)].

Политика США на Арабском Востоке / АН СССР. ИНА [Ред. коллегия: Б. Г. Гафуров (отв. ред.) и др.]. М.: Изд-во вост. лит., 1961a [*US policy in the Arab East*. Moscow, 1961a (in Russian)].

Политика США в странах Южной Азии: Индия, Бирма, Индонезия / АН СССР. ИНА [Ред. коллегия: Б. Г. Гафуров (отв. ред.) и др.]. М., 1961b [*US policy in South Asia: India, Burma, Indonesia*. Moscow, 1961b (in Russian)].

Политика США в странах Дальнего Востока (Япония, Южная Корея) / АН СССР. ИНА [Отв. ред. Г. Л. Бондаревский и др.]. М., 1964 [*US policy in the countries of the Far East (Japan, South Korea)*. Moscow, 1964 (in Russian)].

Рецензии на советские издания. *Вопросы истории*. 1967. № 8. С. 202–203 [Reviews of Soviet publications. *Voprosy istorii*. 1967. 8. Pp. 202–203 (in Russian)].

Рыбаков Р. Б. Золотой век отечественного востоковедения. / *Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения*. Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2009. С. 35–38 [Rybakov R. B. The Golden Age of Russian Oriental Studies. *Academician Bobodzhan Gafurov: on the occasion of the 100th anniversary of his birth*. Moscow, 2009. Pp. 35–38 (in Russian)].

Сахаров А. Н. Историческая наука в СССР. Встречи в редакции. Обсуждение вопроса о колониальной политике царизма. *Вопросы истории*. 1963. № 11. С. 148–153 [Sakharov A. N. Historical science in the USSR. Editorial meetings. Discussion of the question of the colonial policy of tsarism. *Voprosy istorii*. 1963. 11. Pp. 148–153 (in Russian)].

Сергеев Е. Ю. *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. М., 2012 [Sergeev E. Yu. *Great game, 1856–1907: myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia*. Moscow, 2012 (in Russian)].

Сорока О. С. О работе институтов востоковедения и китаеведения АН СССР в 1957 году. *Вопросы истории*. 1958. № 5. С. 185–191 [Soroka O. S. About the work of the Institutes of Oriental Studies and Sinology of the USSR Academy of Sciences in 1957. *Voprosy istorii*. 1958. 5. Pp. 185–191 (in Russian)].

Станиславская А. М. Труды по внешней политике России периода домонополистического капитализма. *Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография*. Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. М.: «Наука», 1981. С. 248–307 [Stanislavskaya A. M. Proceedings on the foreign policy of Russia in the period of pre-monopoly capitalism. *Results and tasks of studying Russia's foreign policy. Soviet historiography*. Moscow, 1981. Pp. 248–307 (in Russian)].

Тихомиров М. Н. *Присоединение Мерва к России*. М.: ИВЛ, 1960 [Tikhomirov M. N. *Accession Merv to Russia*. M., 1960 (in Russian)].

Хазанов А. М. *50 лет в Храме Востоковедной науки*. М., 2009 [Khazanov A. M. *50 years in the Temple of Oriental Science*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Хазанов А. М. Григорий Львович Бондаревский (1920–2003). *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010. С. 178–189 [Khazanov A. M. Grigory L'vovich Bondarevsky (1920–2003). *Portraits of historians. Time and destiny*. T. 5. Middle Ages. Moscow, 2010. Pp. 178–189 (in Russian)].

Хазанов А. М. Григорий Львович Бондаревский (1920–2003). *Профессор Григорий Бондаревский и его научная школа востоковедов-международников*. М., 2011. С. 5–19 [Khazanov A. M. Grigory Lvovich Bondarevsky (1920–2003). *Professor Grigory Bondarevsky and his scientific school of orientalists of the international relations*. Moscow, 2011. Pp. 5–19 (in Russian)].

Хазанов А. М. Мне посчастливилось их знать (из воспоминаний востоковеда) // Вестник РУДН, серия *Всеобщая история*, 2013. № 4. С. 39–51 [Khazanov A. M. I was lucky to know them (from the memoirs of an orientalist). *Vestnik RUDN. Vseobshchaya istoriya*. 2013. 4. Pp. 39–51 (in Russian)].

Хазанов А. М. *У них я учился ремеслу историка*. М., 2014 [Khazanov A. M. I *learned the craft of a historian from them*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Хазанов А. М. К 200-летию Института востоковедения РАН. 60 лет в храме востоковедной науки. *Восточный архив*. 2018. № 2 (38). С. 4–6 [Khazanov A. M. To the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 60 years in the temple of Oriental science. *Vostochnyj arkhiv*. 2018. 2 (38). Pp. 4–6 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Борьба за Памир 1883–1895 (по архивным данным)*. Дисс… к. и. н. — Ташкент: САГУ, 1945 [Khalfin N. A. The struggle for the Pamirs 1883–1895 (according to archival materials). PhD Thesis. Tashkent, 1945 (in Russian)].

Халфин Н. А. Американское проникновение в Индию и Афганистан в первой половине XIX века. *Звезда Востока*. 1952. № 11. С. 69–85 [Khalfin N. A. American penetration into India and Afghanistan in the first half of the 19th century. *Zvezda Vostoka*. 1952. 11. Pp. 69–85 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX в*. Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. [Khalfin N. A. *Three Russian missions. From the history of Russian foreign policy in the Middle East in the second half of the 60s of the XIX century*. Tashkent, 1956 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.)*. Ташкент: Изд-во САГУ, 1957a [Khalfin N. A. *British colonial policy in the Middle East (70s of the XIX century)*. Tashkent, 1957a (in Russian)].

Халфин Н. А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50–80 гг. XIX века). *Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина. Труды*. Вып. 94: Исторические науки. Кн. 14. 1957b. Вып. 94. С. 29–46 [Khalfin N. A. Sultan's Turkey and British expansion in Central Asia (50–80s of the 19th century). *Central Asian State University. Proceedings*. Issue. 94: Historical sciences. Book. 14. 1957b. Issue 94. Pp. 29–46 (in Russian)].

Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира. *История СССР*. 1958a. № 2. С. 103–112 [Khalfin N. A. British expansion in Central Asia in the 30s-40s of the 19th century and Richmond Shakespeare's Mission. *Istoriya SSSR*. 1958a. 2. Pp. 103–112 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана*. М.: Изд. вост. лит., 1958b [Khalfin N. A. *The beginning of American expansion in the countries of the Mediterranean and the Indian Ocean*. Moscow, 1958b (in Russian)].

Халфин Н. А. Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии. *Советское востоковедение*. 1958c. № 4. С. 146–154 [Khalfin N. A. Some issues of international relations in the Middle East in the 19th century in Indian historiography. *Sovetskoe vostokovedenie*. 1958c. 4. Pp. 146–154 (in Russian)].

Халфин Н. А. Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX в. *Независимый Афганистан: 40 лет независимости: Сборник статей* / АН СССР. ИВ. [Отв. ред. Р. Т. Ахрамович]. М.: Изд-во вост. лит., 1958d. С. 180–218 [Khalfin N. A. British expansion in Afghanistan and the liberation struggle of the Afghan people in the first half of the 19th century. *Independent Afghanistan: 40 years of independence: Collection of articles*. Moscow, 1958d. Pp. 180–218 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.)*. М., 1959a [Khalfin N. A. T*he failure of British aggression in Afghanistan (XIX century — the beginning of the XX century)*. Moscow, 1959a (in Russian)].

Халфин Н. А. Миф об «антиколониализме» США и практика их отношений с Востоком. [[Рец. на:] Harin Shah. The Great Abdication. American Foreign Policy in Asia and Africa. Delhi, Atna Ram and Sons, 1957, 327 pp.]. *Мировая экономика и международные отношения*. 1959b. № 2. С. 141–144 [Khalfin N. A. The myth of US «anti-colonialism» and the practice of their relations with the East. [Rev. on:] Harin Shah. The Great Abdication. American Foreign Policy in Asia and Africa. Delhi, Atna Ram and Sons, 1957, 327 pp. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1959b. 2. С. 141–144 (in Russian)].

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России и его прогрессивные последствия (обзор литературы за 1956–1958 гг.). *История СССР*. 1959c. № 2. С. 196–199 [Khalfin N. A. Accession of Central Asia to Russia and its progressive consequences (literature review for 1956–1958). *Istoriya SSSR*. 1959c. 2. Pp. 196–199 (in Russian)].

Халфин Н. А. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. *Проблемы востоковедения*. 1959d. № 5. С. 284–286 [Khalfin N. A. Joint scientific session dedicated to the progressive significance of the accession of Central Asia to Russia. *Problemy vostokovedeniya*. 1959d. 5. Pp. 284–286 (in Russian)].

Халфин Н. А. Проблема Пуштунистана. Краткие сообщения Института востоковедения. XXXV (Международные отношения и колониальная политика). 1959e. С. 35–48 [Khalfin N. A. The problem of Pashtunistan. *Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya*. XXXV. 1959e. Pp. 35–48 (in Russian)].

Халфин Н. А. Миссия Э. Робертса. *Проблемы востоковедения*. 1960a. № 1. С. 183–189 [Khalfin N. A. Mission of E. Roberts. *Problemy vostokovedeniya*. 1960a. 1. Pp. 183–189 (in Russian)].

Халфин Н. А. Проблемы развития афганского государства в XVIII–XX вв. в советской историографии. М., 1960b. 11 с. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР) [Khalfin N. A. Problems of development of the Afghan state in the XVIII–XX centuries. in Soviet historiography. M., 1960b. 11 p. (XXV International Congress of Orientalists. Reports of the USSR delegation) (in Russian)].

Халфин Н. А. Новые ленинские материалы по Востоку. *Проблемы востоковедения*. 1960c. № 2. С. 156–160 [Khalfin N. A. New Leninist materials on the East. *Problemy vostokovedeniya*. 1960c. 2. Pp. 156–160 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Политика России в Средней Азии (1857–1868)*. М., 1960d [Khalfin N. A. *Russian policy in Central Asia (1857–1868)*. Moscow, 1960d (in Russian)].

Халфин Н. А. *Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество, 1857–1876*. Дисс… д-ра ист. наук. В 2-х т. Москва, 1961a [Khalfin N. A. *Russian policy in Central Asia and the Anglo-Russian rivalry, 1857–1876*. Habilitation Diss. In 2 vol. Moscow, 1961a (in Russian)].

Халфин Н. А. *Создание и распад Британской колониальной империи*. М., 1961b [Khalfin N. A. *Formation and disintegration of the British colonial empire*. M., 1961b (in Russian)].

Халфин Н. А. Англо-синдские отношения в первой половине XIX в. (Из истории захвата Синда). *Краткие сообщения Института народов Азии. XLV*. 1961c. С. 4–17 [Khalfin N. A. Anglo-Sindh relations in the first half of the 19th century (From the history of the capture of Sind). *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii*. XLV. 1961c. Pp. 4–17 (in Russian)].

Халфин Н. А. Буржуазная историография о некоторых вопросах взаимоотношений Советского Союза со странами Азии и Африки. *Народы Азии и Африки*. 1961c. № 5. С. 140–149 [Khalfin N. A. Bourgeois historiography on some issues of relations between the Soviet Union and the countries of Asia and Africa. *Narody Azii i Afriki*. 1961c. 5. Pp. 140–149 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876)*. Автореф. дисс… д. и. н. / МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1962a [Khalfin N. A. *Russian policy in Central Asia and the Anglo-Russian rivalry (1857–1876)*. Hab. Thesis. Moscow, 1962a (in Russian)].

Халфин Н. А. Американская экспансия в странах Азии и Африки в 40–60-е годы XIX века. *Народы Азии и Африки*. 1962b. № 6. С. 67–77 [Khalfin N. A. American expansion in the countries of Asia and Africa in the 40–60s of the XIX century. *Narody Azii i Afriki*. 1962b. 6. Pp. 67–77 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.)*. М., 1963a [Khalfin N. A. *Struggle for Kurdistan (Kurdish question in international relations of the 19th century)*. Moscow, 1963a (in Russian)].

Халфин Н. А. История первой русской революции и «Фонд Рокфеллера». *Вопросы истории*. 1963b. № 1. С. 163–165 [Khalfin N. A. The history of the first Russian revolution and the «Rockefeller Foundation». *Voprosy istorii*. 1963b. 1. Pp. 163–165 (in Russian)].

Халфин Н. А. Из истории железнодорожного строительства в дореволюционном Туркестане (Проекты создания железной дороги Чарджуй–Александров-Гай. 1912–1916 гг.). *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. К 70-летию со дня рождения М. Н. Тихомирова*. Сборник статей. Отв. ред. В. И. Шунков. М.: ИВЛ, 1963c. С. 445–457 [Khalfin N. A. From the history of railway construction in pre-revolutionary Turkestan (Projects for the creation of the Chardzhui–Aleksandrov-Gai railway, 1912–1916). *Problems of the socio-political history of Russia and the Slavic countries. To the 70th anniversary of the birth of M. N. Tikhomirov*. Moscow, 1963c. Pp. 445–457 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Рец. на:] R. D. Heinl. *Soldiers of the Sea. The United States Marine Corps, 1775–1962*. Annapolis, Maryland, 1962. 692 p. *Народы Азии и Африки*. 1964a. № 5. С. 171–181 [Khalfin N. A. [Rev. on:] R. D. Heinl. *Soldiers of the Sea. The United States Marine Corps, 1775–1962*. Annapolis, Maryland, 1962, 692 p. *Narody Azii i Afriki*. 1964a. 5. Pp. 171–181 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Рец. на:] D. P. Singhal. India and Afghanistan (1876–1907). A Study in Diplomatic Relations. *Народы Азии и Африки*. 1964b. № 6. С. 186–188 [Khalfin N. A. [Rev. on:] Singhal. India and Afghanistan (1876–1907). A Study in Diplomatic Relations. *Narody Azii i Afriki*. 1964b. 6. Pp. 186–188 (in Russian)].

Халфин Н. А. Новые индийские работы по истории международных отношений на Востоке. *Народы Азии и Африки*. 1964c. № 1. С. 197–199 [Khalfin N. A. New Indian Works on the History of International Relations in the East. *Narody Azii i Afriki*. 1964c. 1. Pp. 197–199 (in Russian)].

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965a [Khalfin N. A. Accession of Central Asia to Russia (60–90s of the XIX century). Moscow, 1965a (in Russian)].

Халфин Н. А. Наш сосед за Гиндукушем. *Азия и Африка сегодня*. 1965b. № 7. С. 62 [Khalfin N. A. Our neighbor beyond the Hindu Kush. *Aziya i Afrika segodnya*. 1965b. 7. P. 62 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Рец. на:] Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871–1917). Документы и материалы, ч. I. М., 1965. 610 с. *Народы Азии и Африки*. 1966a. № 1. С. 181–182 [Khalfin N. A. [Rev. on:] The policy of the capitalist powers and the national liberation movement in Southeast Asia (1871–1917). Documents and materials, part I. Moscow, 1965. 610 pp. *Narody Azii i Afriki*. 1966a. 1. Pp. 181–182 (in Russian)].

Халфин Н. А. Загадки истории. Драма в номерах «Париж». *Вопросы истории*. 1966b. № 10. С. 216–220 [Khalfin N. A. Mysteries of history. Drama in the rooms «Paris.» *Voprosy istorii*. 1966b. 10. Pp. 216–220 (in Russian)].

Халфин Н. А. Их вырастил Октябрь. *Азия и Африка сегодня*. 1967. № 11. С. 18–21 [Khalfin N. A. October raised them. *Asia and Africa today*. 1967. 11. Pp. 18–21 (in Russian)].

Халфин Н. А. Размышления над книгой [Рец. на:] Geoffrey Wheeler. The Modern History of Soviet Central Asia, London, 1965, p. XI+272. *Народы Азии и Африки*. 1967b. № 1. С. 162–168 [Khalfin N. A. Reflections on the book [Rev. on:] Geoffrey Wheeler. The Modern History of Soviet Central Asia, London, 1965, p. XI+272. *Narody Azii i Afriki*. 1967b. 1. Pp. 162–168]

Халфин Н. А. Ценная многотомная публикация. *Советские архивы*. 1969. № 4. С. 118–120 [Khalfin N. A. Valuable multi-volume publication. *Sovetskie arkhivy*. 1969. 4. Pp. 118–120 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Рец. на:] David H. Finnie. Pioneers East. The Early American Experience in the Middle East. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1967, X, 333 p. *Народы Азии и Африки*. 1970. № 4. С. 215–217 [Khalfin N. A. [Rev. on:] David H. Finnie. Pioneers East. The Early American Experience in the Middle East. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1967, X, 333 p. *Narody Azii i Afriki*. 1970. 4. Pp. 215–217 (in Russian)].

Халфин Н. А., Аветян А. С. Проблемы истории колониализма и неоколониализма в послевоенной советской историографии. *Новая и новейшая история*. 1968. № 2. С. 82–90 [Khalfin N. A., Avetyan A. S. Problems of the history of colonialism and neo-colonialism in post-war Soviet historiography. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1968. 2. Pp. 82–90 (in Russian)].

Халфин Н. А., Аветян А. С. Проблемы истории колониализма и неоколониализма в советской историографии (1967–1972 гг.). *Новая и новейшая история*. 1973. № 4. С. 146–157 [Khalfin N. A., Avetyan A. S. Problems of the history of colonialism and neo-colonialism in Soviet historiography (1967–1972). *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1973. 4. Pp. 146–157 (in Russian)].

Халфин Н. А., Володарский М. И. Современная буржуазная историография о некоторых вопросах международных отношений на Среднем Востоке в первой трети XIX в. *Вопросы истории*. 1971. № 7. С. 192–199 [Khalfin N. A., Volodarsky M. I. Modern bourgeois historiography on some issues of international relations in the Middle East in the first third of the 19th century. *Voprosy istorii*. 1971. 7. Pp. 192–199 (in Russian)].

Халфин Н. А., Мурадян А. А. *Янки на Востоке в XIX веке, или колониализм без империи*. М., 1966 [Khalfin N. A., Muradyan A. A. *Yankees in the East in the 19th century, or colonialism without an empire*. Moscow, 1966 (in Russian)].

Хвостов В. М. *История дипломатии*. Том II. Дипломатия в новое время: 1871–1914. М., 1963 [Khvostov V. M. *History of diplomacy*. Volume II. Diplomacy in Modern Times: 1871–1914. Moscow, 1963 (in Russian)].

Хидоятов Г. А. *Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.)*. Ташкент, 1969 [Khidoyatov G. A. *From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the 19th century. (60–70s)*. Tashkent, 1969 (in Russian)].

Чистякова Е. В. М. Н. Тихомиров и изучение всемирной истории. *Портреты историков: Время и судьбы*. В 2 т. Том 1. Отечественная история. Отв. ред. Г. Н. Севастьянов и Л. Т. Мильская. Москва–Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 258–271 [Chistyakova E. V. M. N. Tikhomirov and the study of world history. *Portraits of Historians: Time and Fates*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow — Jerusalem, 2000. Pp. 258–271 (in Russian)].

Шаститко П. М. Предисловие. О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов. М., 1994. С. 3–47 [Shastitko P. M. Foreword. *About colleagues and comrades: Moscow Orientalists of the 60–80s*. Moscow, 1994. Pp. 3–47 (in Russian)].

Шаститко П. М. *Век ушел: сцены из истории отечественного востоковедения*. М., 2009 [Shastitko P. M. T*he Century Has Gone: Scenes from the History of Russian Oriental Studies*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Шаститко П. М., Чарыева Н. К. Период Ренессанса советской ориенталистики (II половина 1950-х — I половина 1970-х годов). *Восток*. 2003. № 6. С. 21–32 [Shastitko P. M., Charyeva N. K. The period of the Renaissance of Soviet Orientalism (second half of the 1950s — first half of the 1970s). *Vostok*. 2003. 6. Pp. 21–32 (in Russian)].

Яковлев А. И. «Он создал Институт в новом качестве, то было его детище»: о Бободжане Гафуровиче Гафурове, директоре Института востоковедения РАН (1956–1977 гг.). *Восточный курьер*. 2021. № 3–4. С. 242–256 [Yakovlev A. «He Created the Institute in a New Capacity, It Was His Brainchild»: On Bobodzhan G. Gafurov, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (1956–1977). *Oriental courier*. 2021. 3–4. Pp. 242–256 (in Russian)].

Afghanistan. *Central Asia Review*. Vol. VIII. 1960. 2. Pp. 170–203.

Bečka J. [Review on:] Geoffrey Wheeler, The Modern History Central Asia. London, Weidenfield and Nicolson, 1964, 272 pp. *Archiv Orientální*. 1967. 35. Pp. 484–487.

Bensidoun S. L' Asie centrale et la Russie au milieu du XIX e siècle. *Revue Historique*, 1975 (Juillet-Septembre). T. 254. Fasc. 1 (515). Pp. 135–148.

Bibliography of Periodical Literature. *Middle East Journal*. 1962. Vol. 16. 1. Pp. 115–124.

Bibliography of Periodical Literature. *Middle East Journal*. 1968. Vol. 22. 2. Pp. 246–262.

Bodger A. [Review on:] Russia and the Khanates of Central Asia to 1865 by John L. Evans: Mission of N. P. Ignat' ev to Khiva and Bukhara, 1858 by John L. Evans. *The Slavonic and East European Review*. 1985. Vol. 63, 4. Pp. 604–606.

Braithwaite R. *Afgantsy: The Russians in Afghanistan 1979–89*. Oxford University Press, 2011. 432 p.

Burdman M. The Murder of a Legend: Who Was Grigori Bondarevsky. *Executive Intelligence Review*. 2003, September 26. Vol. 30. 37. Pp. 48–51.

Book reviews. *Central Asia Review*. 1962. Vol. X. 1. Pp. 46–50.

Book reviews. *Central Asian Review*. 1967. Vol. 15. 2. Pp.170–178.

Braguinski I. S., & Khalfin, N. A. U.R.S.S.: Traductions des Littératures des Peuples Orientaux en Union Soviétique. *Babel*, 1962. 8(3). Pp. 117–120.

Braginsky I. S., Landa L. M. and Khalfin N. A. *Central Asia and Kazakhstan in Soviet original studies* / USSR Academy of Sciences. Institute of the Peoples of Asia. Fifty Years of Soviet Oriental Studies (Brief Reviews) [4]. Moscow: «Nauka», 1967c.

Brown P. A. 1962 Annual Bibliography. *PMLA*. 1963. Vol. 78. 2. Pp. 79–356.

Central Asia and Soviet Far East. *The Journal of Asian Studies*. 1969. Vol. 28. 5. Pp. 96–98.

Central Asia Incorporated. [Review on:] Geoffrey Wheller: *The Peoples of Soviet Central Asia*. A Background Book. 126 pp. Bodley Head. N. A. Khalfin: *Prisoedinenit Srednei Azii k Rossii* (The Annexation of Central Asia to Russia). Moscow: Academy of Sciences of the U.S.S.R. 1 rouble 64 kopeks. Harish Kapur: *Soviet Russia and Asia, 1917–1927*. 266 pp. Michael Joseph. £2.5s. *The Times Literary Supplement*. July 21 1966. 3360. P. 632.

Davies C. C. [Rev. on:] Russia's Policy in Central Asia 1857–1868. By N. A. Khalfin. A condensed version of the original Russian Asia by Hubert Evans. London, Central Asian Research Centre, 1964. Pp. 107. Bibliog. 18 s. *Journal of The Royal Central Asian Society*. 1965. Vol. 52. 3–4. P. 300.

Editorial. *Central Asia Review*. 1961. Vol. IX. 4. Pp. 330–334.

Editorial. *Central Asia Review*. 1967. Vol. XV. 4. Pp. 287–289.

Evans H. Recent Soviet writing on south and Central Asia. *Journal of The Royal Central Asian Society*. 1964. Vol. 51. 2. Pp. 149–158.

Evans H. Book reviews. *Central Asia Review*. 1966a. Vol. XIV. 4. Pp. 350–359.

Evans H. Recent Soviet Writing on Afghanistan./ *Central Asia Review*. Vol. XV. 4. 1967. Pp. 316–330.

Far East Source. *The Journal of Asian Studies*. 1969. Vol. 28. 5. Pp. 16–20.

Gopal S. Driving the Wedge: The Russian Occupation of Tashkent in 1865. *Proceedings of the Indian History Congress*. 1974. Vol. 35. Pp. 394–402.

Holdsworth M. [Rev. on:] Narody Azii i Afriki. *The Journal of African History*. 1964. Vol. 5. 1. Pp. 155–156.

Hopkirk P. *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. London: John Murray, 1990.

Kaushik D. *Central Asia in modern times: a history from the early 19th century*. Moscow: Progress Publishers, 1970.

Khalfin N. A. *Russia's Policy in Central Asia, 1857–1868*. Translated and abridged by Hubert Evans from *Politika Rossii v Srednei Azii 1857–1868*. London: Central Asian Research Centre, 1964.

Khalfin N. A. *The United States and the Orient: economic and political relations in the early 19th century* / XXVII International Congress of Orientalists Papers Presented by U.S.S.R. Delegation. Moscow, 1967a.

Khalfin N. A. *Soviet Orientalogy and Studies in the History of Colonialism* / USSR Academy of Sciences. Institute of the Peoples of Asia. Fifty Years of Soviet Oriental Studies (Brief Reviews) [23]. Moscow: «Nauka,» 1967b.

Khalfin N. A. Reflections on a Book. A Review by N. A. Khalfin. *Central Asia Review*. Vol. XV. 4. 1967c. Pp. 331–341.

Khalfin N. A., Avetian A. S. Some Aspects of the History of Colonialism and Neo-Colonialism in Soviet Historiography. *Soviet Studies in Social Sciences*. Ed. by Zafar Imam. New Delhi: Concept Publishing Company, 1981. P. 21–40.

Kristof L. K. D. The Geopolitical Image of the Fatherland: The Case of Russia. *The Western Political Quarterly*. 1967. Vol. 20. 4. Pp. 941–954.

Mackenzie D. Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration 1867–1881. *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. 2. Pp. 265–285.

Manz B. F. Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians. *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. 3. Pp. 267–281.

Morgan G. *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia, 1810–1895*. London: Frank Cass & Co. Ltd., 1981.

Morris P. The Russians in Central Asia, 1870–1887. *The Slavonic and East European Review*. 1975. Vol. 53. 133. Pp. 521–538.

Morrison A. Twin Imperial Disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842. *Modern Asian Studies*. 2014. Vol. 48. 1. Pp. 253–300.

New Geographical Literature: Additions to the Library of the Royal Geographical Society November 1964–April 1965. *New Geographical Literature and Maps*. 1965. Vol. 3. 29. Pp. 615–685.

Osteuropa [Stuttgart]. Vol. 16. 1 (Januar 1966). Pp. 64–65 ([Review on:] N. A. Khalfin: Russia's Policy in Central Asia, 1857–1868. Gekürzte Übersetzung des russischen Originals von Hubert Evans. Hrsg. vom Central Asian Research Centre in Zusammenarbeit mit St. Antony's College (Oxford) Soviet Affairs Study Group. Oxford, 1964. VI. 107 s.).

Pamphlets. *History*. 1965. Vol. 50. 170. Pp. 412–413.

Pierce R. A. *Russian Central Asia 1867–1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960.

Pierce R. A. [Review on:] Russia's Policy in Central Asia, 1857–1868, by N. A. Khalfin and Hubert Evans. *Middle East Journal*. 1966. Vol. 20. 2. Pp. 245–246.

Pierce R. A. [Review on:] Ianki na vostoke v XIX veke, ili kolonializm bez imperii (Yankee in the Orient in the 19th Century, or Colonialism without Empire) by N. A. Khalfin and A. A. Muradian; Ot Aliaski do ognennoi zemli: Istoriia i etnografii stran Ameriki (From Alaska to Tierra Del Fuego: History and Ethnography of the Lands of America) by Academy of Sciences of the U.S.S.R., N. N. Mikhlukho-Maklai Institute of Ethnography. *Pacific Historical Review*. 1968. Vol. 37. 4. Pp. 466–468.

Publications Received. *The Slavonic and East European Review*. 1965. Vol. 43. 101. Pp. 494–496.

Publications Received. *Indo-Iranian Journal*. 1971. Vol. 13. 1. Pp. 66–79.

Recent Publications. *Middle East Journal*. 1965. Vol. 19. 2. Pp. 245–247.

Recent Publications. *Middle East Journal*. 1966. Vol. 20. 4. Pp. 559–562.

Soviet views on colonialism. *Central Asia Review*. 1962. Vol. X. 2. Pp. 168–177.

Soviet views on modern Indian historiography. *Central Asia Review*. 1959. Vol. VII. 3. 1959. Pp. 282–290.

Spring D. W. Russian Imperialism in Asia in 1914. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1979. Vol. 20. 3/4. Pp. 305–322.

Strong J. W. [Rev. on:] The Peoples of Soviet Central Asia. by Geoffrey Wheeler. *Pacific Affairs*. 1966. Vol. 39. 1/2. Pp. 175–176.

Strong J. W. The Ignat'ev Mission to Khiva and Bukhara in 1858. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 1975. Vol. 17. 2/3. Pp. 236–260.

The Soviet Attitude to Pashtunistan. *Central Asia Review*. 1960. Vol. VIII. 3. P. 310–315.

Verma N. P. Soviet Historians on the Russian Menace to India in the Second Half of the 19th Century. *Proceedings of the Indian History Congress*. 1976. Vol. 37. Pp. 482–489.

Wheeler, Col. Geoffrey (trans.)]. 'British Policy in Central Asia in the Early Nineteenth Century. The Mission of Richmond Shakespear'. Translation and review by G. Wheeler of article by N. A. Khalfin on 'British Expansion in Central Asia in the Thirties and Forties of the Nineteenth Century and Richmond Shakespears's Mission' in Istoriya SSSR. *Central Asian Review*. 1958. Vol. VI. 4. Pp. 386–407.

Wheeler G. *The Modern History of Soviet Central Asia*. (Asia — Africa series of modern histories) London: Weidenfeld & Nicholson, 1964.

Williams B. Approach to the Second Afghan War: Central Asia during the Great Eastern Crisis, 1875–1878. *The International History Review*. 1980. Vol. 2. 2. Pp. 216–238.

Williams D. S. M. [Review on:] Russia's Policy in Central Asia, 1857–1868 by N. A. Khalfin Review. *The Slavonic and East European Review*. 1966. Vol. 44. 102. P. 232.

Williams D. S. M. [Review on:] Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question by George N. Curzon. *The Slavonic and East European Review*. 1968. Vol. 46. 107. Pp. 528–529.

Yapp M. E. Disturbances in Eastern Afghanistan, 1839–42 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1962. Vol. 25. 1/3. Pp. 499–523.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-147-154

НЕИЗВЕСТНЫЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ КРЮКОВ

В. Ц. Головачев[1]

12 июля 2022 г. исполнилось 90 лет авторитетнейшему патриарху, уже давно и всеми признанному классику отечественного китаеведения Михаилу Васильевичу Крюкову. Имя и труды историка, археолога, этнолога, источниковеда и лингвиста Крюкова широко известны во всем мире. Но его жизнь и научная карьера содержат много малоизвестных, крайне неординарных событий, поворотов судьбы и достижений, складывающихся в уникальные биографические главы, параграфы и страницы, заслуживающие краткого напоминания по случаю высокого юбилея.

Ключевые слова: девяностолетие, Крюков Михаил Васильевич, Китай, китаевед, китаеведение, Россия, историк, этнолог

Для цитирования: Головачев В. Ц. Неизвестный Михаил Васильевич Крюков. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 147–154. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-147-154

THE UNKNOWN MIKHAIL VASILIEVICH KRYUKOV

Valentin Ts. Golovachev

Mikhail Vasilievich Kryukov — the venerable patriarch and one of the most celebrated classics in Russian Sinology, turned 90 years old on July 12, 2022. The name and academic works of the historian, archaeologist,

[1] Головачев Валентин Цуньлиевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, Москва; vgolovachev@ivran.ru

Valentin Ts. Golovachev, PhD (History), Deputy Director for Scientific Work, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; vgolovachev@ivran.ru

ORCID: 0000–0002–4529–8459

ethnologist, source specialist and linguist — professor Kriukov, are well-known all around the world. Yet, his life story and academic career contain many barely known, quite extraordinary events, twists of fate and accomplishments, forming the unique biographical chapters, paragraphs and pages, worth a brief reminder on the occasion of the high jubilee.

Keywords: Ethnologist, Mikhail Kryukov, China, China Studies, 90th jubilee, Historian, Russia

For citation: Golovachev V. Ts. The Unknown Mikhail Vasilievich Kryukov. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 147–154. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-147-154

12 июля 2022 г. исполнилось 90 лет авторитетнейшему патриарху, уже давно и всеми признанному классику отечественного китаеведения Михаилу Васильевичу Крюкову. Имя и труды историка, археолога, этнолога, источниковеда и лингвиста Крюкова широко известны во всем мире. Но его жизнь и научная карьера содержат много малоизвестных, крайне неординарных событий, поворотов судьбы и достижений, складывающихся в уникальные биографические главы, параграфы и страницы, заслуживающие краткого напоминания по случаю высокого юбилея.

Племянник полковника Попова и золотой медалист-«второгодник»

По воспоминаниям Михаила Васильевича, его интерес к Китаю зародился под влиянием редких, но интригующих семейных упоминаний про «дядю Мишу» (брата матери), который работал в Китае и в честь которого дали имя самому юбиляру. К сожалению, имя дяди, репрессированного и расстрелянного 17 августа 1930 г. по ложному обвинению в подготовке терактов против советских вождей и «шпионаже» в пользу Японии, было искусственно вычеркнуто из истории советского востоковедения на 70 лет, а его судьба осторожно замалчивалась даже внутри семьи. Но после поступления в 1955 г. в словарную группу при Институте востоковедения АН СССР М. В. Крюков однажды услышал от руководителя группы И. М. Ошанина, что его учитель М. Г. Попов был основателем первой кафедры китайского языка в Москве[2], а позднее его репрессировали[3]. Еще через 45 лет племянник напишет и выпустит книгу «Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова», посвященную его легендарному дяде Михаилу Георгиевичу Попову — выходцу из дворян, герою русско-японской и Первой мировой войн, военному востоковеду и первому советскому эмиссару, который в феврале 1920 г. встречался и вел переговоры в Шанхае с Сунь Ят-сеном [Крюков, 2000, с. 144, 156, 228–229, 244; РКУИ, с. 204–205].

Решив заняться изучением Китая, М. В. Крюков продолжил дело своего дяди. Подобно многим китаеведам первого послевоенного десятилетия, он окончил среднюю школу с золотой медалью, которая давала право на поступление в любой советский вуз через простое собеседование либо с одним экзаменом. Учился Миша Крюков хорошо, был «пятерочником», но не имел цели окончить школу с золотой медалью. Однако в 10-м классе заболел и остался на второй год. Поэтому, проходя программу 10-го класса повторно, уже легко получал одни пятерки, заслужил золотую медаль и был зачислен в МИВ, успешно сдав всего один вступительный экзамен по немецкому языку [РКУИ, с. 199–201].

[2] В 1921 г. директор Московского института востоковедения А. Е. Снесарев, хорошо знакомый с М. Г. Поповым по Военной академии, пригласил его преподавателем китайского языка. Институту был нужен востоковед-практик, бывавший в Китае. Позднее М. Г. Попов стал профессором и заведующим кафедрой китайского языка.

[3] М. Г. Попов реабилитирован 16.01.1989 г. по заявлению М. В. Крюкова.

Диплом с отличием за Сыма Цяня, тройка за марксизм и первый визит в Китай

Личность Сыма Цяня заинтересовала студента Крюкова уже на первом курсе. При поддержке преподавателей и старших коллег он приступил к чтению текстов великого историка, а затем написал диплом на тему «Древнекитайский историк Сыма Цянь и его «Исторические записки»» [РКУИ, с. 206–207]. Широкий советский читатель неожиданно для самого себя узнал о перипетиях написания и защиты этого диплома из небольшой заметки в № 16 журнала «Смена» за 1955 г., где говорилось: «Этот день надолго останется в памяти Михаила Крюкова. Михаил получил путевку в жизнь: он защитил дипломную работу, подводившую итог большому и напряженному труду. Сыма Цянь — основоположник китайской научной историографии — жил во II–I веках до нашей эры. … Михаил Крюков обратился к новейшим источникам — трудам современных прогрессивных китайских ученых и историков-коммунистов. … Эти исследования очень помогли Крюкову. Труд Сыма Цяня написан на древнекитайском языке. … Крюков изучил древнекитайский язык. Это было нелегко, но зато потом он смог читать «Записки» Сыма Цяня в подлиннике. … Два года Крюков напряженно работал над дипломом. … Наступил день защиты диплома. Члены комиссии, крупные советские специалисты по истории стран Востока, дали высокую оценку исследованию Михаила Крюкова. … Крюков, следуя по стопам современных ученых Китая, сделал к каждой главе «Исторических записок» свои оригинальные выводы. На русском языке это будет первая всеобъемлющая биография Сыма Цяня. Диплом получил оценку «отлично». Перед Михаилом Крюковым открылась широкая дорога научных дерзаний и творчества» [Синельников, 1955, № 16, с. 8].

В итоге в 1972 г. Рудольф Всеволодович Вяткин предложил написать предисловие к своему переводу «Исторических записок» именно М. В. Крюкову, с удовольствием принявшему это предложение [Крюков, 1972, т. 1, с. 12–65]. Но в 1955 г. широкая дорога научных дерзаний оказалась под вопросом после сдачи экзамена по основам марксизма-ленинизма, за который Михаил Крюков получил не должную пятерку, а всего лишь «удочку» (удовлетворительно). Правда, как потом выяснилось, экзаменаторы намеренно «валили» выпускников на марксизме-ленинизме и завышали отметки по английскому языку, чтобы потом распределять их учителями английского языка в средних школах восточных республик и регионов СССР [РКУИ, с. 210–211].

К счастью, первое трудоустройство самого М. В. Крюкова обошлось без преподавания английского, но привело его в геологоразведочную экспедицию у широких берегов Амура. В то время Москва и Пекин планировали построить на Амуре совместную электростанцию. Геологическая разведка велась с участием переводчиков, один день на советской стороне, а один — на китайской. Так М. В. Крюков прошел за два месяца почти весь Амур до Благовещенска, получал зарплату и один раз в каждые два дня бывал на территории Китая. Как вспоминает юбиляр: «Хотя в большинстве случаев это было пустое место — берег, но мы все же побывали в нескольких городах. И когда мы добрались до города Хэйхэ, нас выгрузили [тут я понял] — я в Китае!» [РКУИ, с. 211–212].

Снова отличник и «второгодник» — пять лет вместо года в Пекинском университете и переход к археологии с эпиграфикой

Осенью 1957 г. М. В. Крюков был послан на учебу в Пекин в составе самой первой группы советских студентов и стажеров. Путем одной нестандартной комбинации, описанной в воспоминаниях самого юбиляра, ему удалось переоформить годовую практику в полное

пятилетнее обучение на историческом факультете Пекинского университета, а затем переселиться из общежития для иностранцев в общежитие для китайских студентов, чтобы войти в настоящий китайский быт и общаться только по-китайски [РКУИ, с. 218–219]. Под влиянием студентов-археологов, соседей по шестиместной комнате, М. В. Крюков увлекся археологией и выехал в провинцию Шэньси, речную долину Вэйхэ, на раскопки поселения и могильника знаменитой древней культуры Яншао. Поддавшись обаянию осязаемой связи времен, он подал заявление об учебе на отделении археологии. Чуть позже, не удовлетворившись «немотой» материальных остатков, советский первокурсник решил совместить археологию с эпиграфикой, чтобы археология «заговорила» языком своего времени. Результатом стал диплом по Шан-Иньской эпиграфике (надписям на гадательных костях), успешно защищенный в 1962 г. Так произошел еще один научный поворот М. В. Крюкова, теперь уже в сторону древнекитайской эпиграфики [РКУИ, с. 225–228].

Возвращение в Москву, новое трудоустройство и новые проблемы с марксизмом

Вернувшись в Москву в 1962 г., М. В. Крюков попробовал устроиться в институт археологии АН СССР, где, однако, не нашлось ставки для китаеведа с двумя дипломами, в том числе дипломом археолога из Пекинского университета. В конце концов он был принят на работу в Институт этнографии, где продолжил изучение древней эпиграфики [Крюков, 1973] и истоков китайской культуры, занимался этнической историей китайцев и теорией этноса (связями социального и этнического, таксономическими признаками этноса и пр.) [РКУИ, с. 232–233; Крюков, 1993, с. 5–25]. Параллельно М. В. Крюков занимался системой родства китайцев [Крюков, 1972], изучением древнекитайского языка и в 1970–1980-х гг.−преподаванием в ИСАА МГУ. Любопытно, что в своих лекциях и публикациях по древнекитайскому языку он проводил идею о том, что древнекитайский язык как таковой не существует вообще! Есть древнекитайский язык иньской эпохи, есть древнекитайский язык чжоуской эпохи, а потом уже — вэньянь, который, строго говоря, уже и не был древнекитайским языком. Как и латинский язык в средние века, это уже не живой язык, а что-то, возникшее на базе древнекитайского языка [РКУИ, с. 238–239]. Именно в процессе преподавания был разработан и издан, в соавторстве с супругой Хуан Шу-ин, знаменитый учебник «Древнекитайский язык» [Крюков, Хуан Шу-ин, 1978], при помощи которого осваивали азы «вэньяня» многие поколения китаеведов.

В советские годы М. В. Крюков был широко признан как ученый не только на родине, но и в известных академических центрах за рубежом. Но это признание стало неожиданным следствием критического изучения «классиков» и вытекающей из этого, естественной для советской действительности проблемой — обвинением в отходе от марксизма. Изучая классиков, М. В. Крюков пришел к выводу, что работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» имеет принципиальные ошибки, проистекающие из некритичного принятия идей Моргана об исторической эволюции форм семьи. Однако эти идеи никак не подтверждались китайскими материалами! Дискуссионными представлялись и идеи Маркса об «азиатском способе производства». Поэтому Маркса и Энгельса М. В. Крюков в своих работах не цитировал, чтобы не критиковать их. Это было замечено и привело к тому, что при аттестации для перевода на должность старшего научного сотрудника одна из участниц собрания объявила, что «Михаил Васильевич — не марксист». Аттестация провалилась, но слухи о том, что

«Крюков — не марксист» привлекли внимание социолога Эрнста Геллнера[4], находившегося в то время в Москве.

Лекции в Англии, избрание в Европейскую академию и научные экспедиции по миру

Именно Геллнер пригласил этнографа-немарксиста прочесть курс лекций в Кембридже, а впоследствии дал рекомендацию для его принятия (в 1990 г.) действительным членом Европейской академии наук. Вслед за этим М. В. Крюков был избран и Почетным членом Королевского антропологического общества [РКУИ, с. 243–244].

Работа в Институте этнографии в советское время была связана со многими поездками по СССР и другим странам. Эти интересные поездки расширяли кругозор и позволяли встретиться с самыми разными людьми. Например, в 1981 г. во время проведения в Японии выставки «Шелковый путь»[5] М. В. Крюкову удалось встретиться на стенде и даже побеседовать с японским императором (тогда еще наследником престола). Помимо Японии, М. В. Крюкову доводилось вести этнографические исследования в Китае, Вьетнаме, Океании, на Кубе. Все эти экспедиции имели целью получение новых, живых и убедительных данных для разработки проблем, связанных с теорией этноса — таких как структура признаков этноса и историческая последовательность их формирования. Свои взгляды М. В. Крюков, по его словам, смог подтвердить в коллективном шеститомнике «Китайский этнос» на примере формирования китайского этноса [РКУИ, с. 239, 245]. Эта шеститомная серия, безусловно, стала апофеозом этнографических исследований М. В. Крюкова и его знаменитых соавторов. В ходе более чем 15-летней работы над серией сложилось определенное разделение труда: Н. Н. Чебоксаров отвечал за антропологию и общую идею, М. В. Крюков — за археологию, М. В. Софронов — за все историческое развитие языка, а В. В. Малявин — за описание духовной культуры [РКУИ, с. 236–237]. В итоге получился удачный, по-настоящему фундаментальный труд, давно уже признанный классическим для отечественной и мировой синологии «шестикнижием» [Крюков и др., 1977; Крюков и др., 1979; Крюков и др., 1983; Крюков и др., 1984; Крюков и др., 1987; Крюков и др., 1993].

Поскольку этносы не только возникают, но и исчезают, в ходе экспедиции на Кубу в 1972 г. М. В. Крюков искал конкретные примеры, свидетельствующие о деэтнизации коренного населения — индейцев. Найденные сведения подтвердили, что процесс исчезновения этноса идет в той же последовательности: не осталось уже ничего от традиционной материальной культуры, забыт родной язык, на этнос все еще существует, пока не исчезло этническое самосознание, а его отдельные носители (этнофоры) не забыли свое самоназвание.

В Океании дело обстояло иначе. На определенном этапе М. В. Крюков пришел к убеждению, что этнос формируется лишь в том случае, если этому не мешают некоторые параметры социальной структуры группы, а важным источником изучения этой структуры являются системы родства. Свои гипотезы он сумел проверить в 1971 г. во время этнографической экспедиции в Новую Гвинею. Личное посещение деревни Бонгу позволило установить, что у современных папуасов, как и у иньцев в древнем Китае, еще недавно существовала система дуально-родового

[4] Эрнест Андре Геллнер (1925–1995) — английский философ и социальный антрополог, профессор философии, логики и научного метода Лондонской школы экономики Лондонского университета (1962–1984), профессор социальной антропологии Кембриджского университета (1984–1993).

[5] О проведении этой выставки см.: Интервью с М. В. Крюковым. У истоков Шелкового Пути: выставка «Кочевые народы Евразии» в Японии и «контрабандный» вывоз «золота скифов» из СССР в 1981 г. // Восточный курьер / Oriental Courier. 2021. № 1–2. С. 172–176.

брака и этничность у них еще не сформировалась [РКУИ, с. 246–248]. В Океании М. В. Крюков также побывал на Эроманге, о чем поведал в небольшой и малоизвестной, но крайне увлекательной книге «Этот таинственный остров Эроманга» [Крюков, 1989].

В ходе экспедиции во Вьетнам в конце 1980-х гг. М. В. Крюков совершил очередное открытие, заметно обогатившее представления об этносе и путях его формирования. В ходе обследования нескольких народов на плато Тэйнгуен он собрал материалы, позволившие заключить, что возникновению этноса предшествует длительный период *безэтничности*. И в зависимости от конкретных исторических условий безэтничность может трансформироваться в сторону постепенного формирования либо дискретных этносов, либо обнаруженных на плато Тэйнгуен общностей, которые М. В. Крюков предложил именовать «этнической непрерывностью». Итогом этих изысканий стала большая, вызвавшая живые дискуссии статья «Этничность, безэтничность, этническая непрерывность», опубликованная в 1989 г. на страницах ежегодника «Расы и народы» [Крюков, 1989, с. 5–47].

В начале 1990-х гг. М. В. Крюков побывал в трех этнографических экспедициях в Южном Китае, замахнувшись на сверхзадачу — составление реального списка народов, проживающих в провинциях Гуанси и Юньнань. Многие народы этих районов были в то время искусственно расчленены, а их части оказались в составе разных «официальных этносов». Хотя выводы ученого не были приняты официально, они подтвердили, что фиксация самоназваний и круга предпочтительных брачных связей служит надежным основанием для составления этнической карты отдельных регионов [РКУИ, с. 249–251].

В целом все без исключения этнографические экспедиции за рубежом дали М. В. Крюкову бесценный материал для теоретизирования на тему этничности.

Постсоветская эра: переезд на Тайвань, переход к изучению новейшей истории и научное кредо юбиляра

Развал СССР нанес тяжелый удар по отечественному китаеведению, затронувший и семью Крюковых. Но в 1990-х гг. Михаила Васильевича пригласили работать на Тайвань. Научная работа и преподавание на острове растянулись на 9,5 лет. Именно на Тайване М. В. Крюков начал писать и выпустил в 2001 г. книгу «Улица Мольера, 29» про полковника М. Г. Попова, что стало новой вехой в его научной биографии — поворотом к изучению, на основе архивных материалов, новейшей истории России, Китая и российско-китайских отношений. Собранных архивных материалов оказалось так много, что за 20 лет после возвращения в Россию в 2002 г. юбиляр выпустил, в соавторстве с сыном В. М. Крюковым, целую серию книг по истории советско-китайских отношений [Крюков В. М. и Крюков М. В., 2015; Крюков В. М. и Крюков М. В., 2017] и уже подготовил к печати новую монографию «Неизвестный Сунь Ят-сен».

Мало кому известно, что на Тайване М. В. Крюков много лет работал по совместительству ведущим передач на международном радио, вещавшем на Россию и мир на русском языке. А записанные в те годы циклы радиоуроков китайского языка от Инны Пушкиной и Константина Попова привели к появлению самоучителя «Давайте поговорим по-китайски!» [Хуан Шуин, Крюков, 2009].

При обсуждении научного кредо Михаил Васильевич в очередной раз отходит от Маркса, полагавшего, что история не знает сослагательного наклонения. Сам юбиляр давно пришел к выводу, что Маркс ошибался, что историк должен задаваться вопросом «А что было бы, если бы

не…», тогда как сама история должна знать, и она знает сослагательное наклонение! [РКУИ, с. 267–268].

В ответ на вопрос о главной в жизни научной теме М. В. Крюков отвечает, что для него занятия новейшей историей — случайность (затянувшаяся на 20 лет! — В. Г.), поскольку душа больше всего лежит к иньскому обществу. Поэтому после публикации вышеназванных «невольных» монографий и неофициально обещанных коллегам мемуаров о семи десятилетиях профессиональной работы в китаеведении юбиляр, по его словам, собирается «завязать» с изучением современности и замкнуть свой научный круг, возвратившись «к истокам», то есть к древности, к гадательным надписям [РКУИ, с. 234–235, 256–257].

В свою очередь, загадываем и верим, что творчески неисчерпаемый и в этом плане всегда «неизвестный Михаил Васильевич Крюков» преподнесет научному миру еще много новых исследовательских находок и сюрпризов! Поэтому китаеведы и востоковеды Института востоковедения РАН и всей России сердечно желают неутомимому труженику, учителю и юбиляру крепкого здоровья, молодости души и творческого долголетия!

祝九旬老人，人老心不老！

Литература / References

Интервью с М. В. Крюковым. У истоков Шелкового Пути: выставка «Кочевые народы Евразии» в Японии и «контрабандный» вывоз «золота скифов» из СССР в 1981 г. *Восточный курьер* / *Oriental Courier*. 2021. № 1–2. С. 172–176 [Interview with M. V. Kryukov, At the origins of the Silk Road: the exhibition «Nomadic peoples of Eurasia» in Japan and the «contraband» export of «Scythian gold» from the USSR in 1981. *Vostochny Courier* / *Oriental Courier*. 2021. 1–2. Pp. 172–176 (in Russian)].

Крюков В. М., Крюков М. В. Весна и осень революционной дипломатии: первое десятилетие советской политики в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2015. (Документальная история советско-китайских отношений (1917–1926 гг.). В 2-х тт. Т. 1. 615 с. Т. 2. 608 с.) [Kryukov V. M., Kryukov M. V. Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Policy in China. M,: Pamyatniki istoricheeskoi mysli, 2015. (Documentary history of Soviet-Chiese relations (1917–1926). In 2 vol. V. 1. 615 p. V. 2. 608 p.) (in Russian)].

Крюков В. М., Крюков М. В. КВЖД 1929: взрыв и эхо. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017 [Kryukov V. M., Kryukov M. V. KVZD 1929: blast and echo. M.: In-t vostokoviedenia RAN, 2017 (in Russian)].

Крюков М. В. Сыма Цянь и его «Исторические записки» (Предисловие) / Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1972. Т. 1 [Kryukov M. V. Sima Qian and his «Historical Notes» (Preface) / Sima Qian. Historical notes. M., 1972. Vol. 1 (in Russian)].

Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М.: Наука — ГРВЛ, 1972 [Kryukov M. V. The kinship system of the Chinese (evolution and patterns). M.: Nauka — GRVL, 1972 (in Russian)].

Крюков М. В. Язык иньских надписей. М.: Наука — ГРВЛ, 1973 [Kryukov M. V. The language of Yin inscriptions. M.: Nauka — GRVL, 1973 (in Russian)].

Крюков М. В. Этот таинственный остров Эроманга. М.: Наука — ГРВЛ. Серия: Рассказы о странах Востока, 1989 [Kryukov M. V. This mysterious Eromanga island. V.: Nauka — GRVL. Series: Stories on countries of the Orient, 1989 (in Russian)].

Крюков М. В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность. *Расы и народы*. Вып. 19. М., 1989 [Kryukov M. V. Ethnicity, non-ethnicity, ethnic continuity. *Rasi i narody*. Vyp. 19. M., 1989 (in Russian)].

Крюков М. В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. М.: Памятники исторической мысли, 2000 [Kryukov M. V. Molier street, 29. Secret mission for colonel Popov. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2000 (in Russian)].

Крюков М. В. Социальное и этническое: проблемы соотношения. *Расы и народы*. Вып. 22. 1993 [Kryukov M. V. Social and ethnic: problems of correlation. *Rasi i narody*. Vol. 22. 1993 (in Russian)].

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979 [Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V. Chinese ethnos on the eve of the Middle Ages. M., 1979 (in Russian)].

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984 [Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V. Chinese ethnos during the Middle Ages (VII–XIII c.). M., 1984 (in Russian)].

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987 [Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V. Ethnic history of the Chinese at the turn of the Middle Ages and Modern Times. M., 1987 (in Russian)].

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Этническая история китайцев в XIX — начале XX вв. М., 1993 [Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V., Cheboksary N. N. Ethnic history of the Chinese in the XIX — early XX centuries, M., 1993 (in Russian)].

Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1977 [Kryukov M. V., Perelomov L. S., Sofronov M. V., Cheboksary N. N. Ancient Chinese: problems of ethnogenesis. M., 1977 (in Russian)].

Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983 [Kryukov M. V., Perelomov L. S., Sofronov M. V., Cheboksary N. N. Ancient Chinese during the era of centralized Empires. M., 1983 (in Russian)].

Крюков М. В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык (тексты, грамматика, лексические комментарии). М.: Наука, 1978. 512 с. Переиздан в 2020 г. [Kryukov M. V., Huang Shuying. Ancient Chinese language (texts, grammar, lexical comments). Moscow: Nauka, 1978. 512 p. Reprinted in 2020 (in Russian)].

Российское китаеведение — устная история [РКУИ]. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. В 3-х тт. / Под ред. В. Ц. Головачёва. Изд-во: ИВ РАН, «МАКС Пресс». М., 2018. Т. 3 [Russian Sinology — oral history [RKUI]. Collection of interviews with leading Russian sinologists of the XX–XXI c. In 3 vol. / Edited by V. Ts. Golovachev. Publishing house: IV RAS, «MAX Press». M., 2018. Vol. 3. (in Russian)].

Синельников А. Диплом с отличием. *Смена*. 1955. № 16. С. 8 [Sinelnikov A. Diploma with honors. *Smena*. 1955. 16. P. 8 (in Russian)].

Хуан Шуин, Крюков М. В. Давайте поговорим по-китайски! Новый самоучитель разговорного китайского языка. М.: Восточная книга, 2009 [Huang Shuying, Kryukov M. V. Let us speak Chinese! New self-instructor for the oral Chinese language. M: Vostochnaya kniga, 2009 (in Russian and Chinese)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-155-159

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АБХАЗИИ И ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ В XIII–XV вв.

В. В. Прудников[1]

Рецензируемая монография В. А. Чирикбы продолжает рассмотрение автором архивных материалов, раскрывающих историю итальянско-абхазских отношений в эпоху средневековья. Данная книга ставит своей целью познакомить читателя не с новыми архивными данными, а скорее с судьбами отдельных людей, в которых, как в зеркале, нашли отражение многовековые отношения между Италией и Абхазией.

Ключевые слова: Абхазия, Италия, города-государства, Генуя, Черкесия, Леонардо да Винчи, Катерина, работорговля

Для цитирования: Прудников В. В. Взаимоотношения Абхазии и итальянских городов-государств в XIII–XV вв. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 155–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-155-159

RELATIONS BETWEEN ABKHAZIA AND ITALIAN CITY-STATES IN THE THIRTEENTH –FIFTEENTH CENTURY

Vitaly V. Prudnikov

The reviewed monograph by by V. A. Chirikba continues the author's research upon the archival materials that reveal the history of Italian-Abkhazian relations in the middle ages. This book aims to acquaint the reader not just with new archival data, but rather with the fate of individuals, in which, like in a mirror, centuries-old relations between Italy and Abkhazia are reflected.

Keywords: Abkhazia, Italy, city-states, Genoa, Circassia, Leonardo da Vinci, Catherine, slave trade

For citation: Prudnikov V. V. Relations Between Abkhazia and Italian City-States in the Thirteenth-Fifteenth Century. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 155–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-155-159

Сравнительно недавно в солидном научном издательстве вышла в свет новая книга профессора, доктора филологических наук Вячеслава Андреевича Чирикбы [Чирикба, 2020]. Хотя по образованию его нельзя отнести к профессиональным историкам-медиевистам, однако невозможно отрицать приобретенный им высочайший уровень исследовательской квалификации в области филологии и кавказоведения, что находит подтверждение как в его предыдущих работах, так и в основных этапах научной карьеры. Опыт показывает, что современным профессиональным историкам-медиевистам крайне необходимо

[1] Прудников Виталий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; gviskar@mail.ru

Vitaly V. Prudnikov, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS; gviskar@mail.ru
ORCID: 0000–0002–0355–2324

иметь филологическое образование и, в зависимости от специализации, не помешало бы знать еще несколько языков.

Как следует из названия и краткой аннотации, сама книга посвящена рассмотрению актуальнейшей проблемы итало-абхазских взаимоотношений в период «динамичной торговой» экспансии морских республик (в основном Генуи) на черноморское побережье Кавказа. Не вызывает сомнений тезис автора о недостаточной изученности данной темы «в области истории средневековой Абхазии».

Учитывая данный тезис и очерковый характер монографии, все рассматриваемые в тексте вопросы (взаимоотношения морских республик Италии с Абхазией в XIII–XV вв.; организация торговой деятельности итальянцев в Абхазии (прежде всего в центральном городе страны — Савастополи (Сухуме); деятельность римско-католической церкви в Абхазии; функционирование консульской и нотариальной службы Генуи в Савастополи; экспорт рабов из бассейна Черного моря (в частности, из Абхазии и Черкесии); анализ этнонимов, топонимов и гидронимов средневековой Абхазии и причерноморской Черкесии, содержащихся в различных итальянских документах, на морских картах, атласах и портоланах рассматриваемой эпохи; рассмотрение изображенных на средневековых картах флагов Абхазии представляют большой научный интерес.

Книга состоит из введения, предисловия В. Томеллери, десяти глав, заключения, списка использованных карт, списка иллюстраций, библиографии и сокращений. Необходимо отметить, что в содержании работы совершенно отсутствуют главы, традиционно посвященные обзорам историографии и источников, что, возможно, очень порадует некоторых читателей, но в немалой степени затруднит ее изучение научным работникам и ученым.

Во вводном слове В. А. Чирикба дает беглый обзор литературы по теме исследования, а точнее, в одном абзаце перечисляет ряд авторов, внесших значительный вклад в изучение проблемы. Для удобства читателей он снабжает его сносками, часть которых отсылает к соответствующим разделам в трудах предшественников.

В. А. Чирикба особо отмечает дар итальянского историка Джео Пистарино Республике Абхазия многотомных изданий, содержащих публикации средневековых итальянских документов по теме исследования. Названия некоторых изданий даже приводятся в тексте, и их полные выходные данные можно увидеть в библиографическом списке.

Другим свидетельством хорошо налаженных связей В. А. Чирикбы с представителями итальянской научной школы является предисловие профессора Витторио Томеллери из Института гуманитарных исследований государственного университета г. Мачерата. Само предисловие очень содержательно и фокусируется на сильных сторонах монографии.

Глава 1 «Взаимоотношения морских республик Италии с Абхазией в XIII–XV вв.» (с. 10–16). В начале главы дается беглый обзор основных этапов торговой экспансии генуэзцев и венецианцев в северо-восточном направлении Черного и Азовского морей. Далее автор приступает к более детальному разбору итальянских географических терминов для обозначения регионов Западного Кавказа. Особое внимание уделено анализу терминов, обозначавших «страну абхазов» и «страну соседних с абхазами причерноморских адыгов» [Чирикба, 2020, с. 12–13]. Красной нитью проходит мысль о том, что итальянцы были хорошо знакомы с упомянутыми областями. В немалой степени их знания были обусловлены активной торговой деятельностью, благодаря которой Абхазия представляла для них большой интерес не только как важный центр для импорта и экспорта товаров, но и как «транзитная территория», «соединявшая Геную с Северным Кавказом, Золотой Ордой и Китаем» [Чирикба, 2020, с. 14–15].

Глава 2 «Савастополи (Сухум)» (с. 17–33). Вторая глава разбита на ряд подразделов, в каждом из которых автор в увлекательной форме повествует о занимательных фактах из истории генуэзских факторий в Савастополи (с. 17–27) и Каво де Буксо (Бамбора) (с. 27–28). Не меньший интерес вызывает знакомство еще с двумя разделами: первый практически целиком посвящен анализу фресковой живописи в христианских храмах Никофы (Новый Афон) (с. 28–31), а другой — экспансии Мегрельского княжества (с. 31–33).

Глава 3 «Католическая церковь в Средневековой Абхазии» (с. 34–44). В данной главе представлен краткий очерк истории Римско-католической церкви в Абхазии с XIII в. до наших дней. В виде таблицы даются сведения обо всех известных епископах «Себастопольской архиепархии в Абасгии» (1318–1450 гг.) [Чирикба, 2020, с. 40–41]. Отдельно дается список архиепископов Себастополиса в XX в. [Чирикба, 2020, с. 42–43]. Наряду с таблицами в тексте главы публикуется оригинальное письмо (на латыни с кратким переводом Т. Н. Берадзе) одного из первых епископов Петра Джералди [Чирикба, 2020, с. 35–37]. Снабжение текста подобными таблицами и публикацией источников в значительной степени облегчает труд читателя. Очень странно выглядит ссылка в конце главы на статью в Википедии «Католицизм в Абхазии» об отсутствии дипломатических отношений Абхазии с Ватиканом [Чирикба, 2020, с. 44]. Это вызывает удивление, т. к. Вячеслав Андреевич с 2011 по 2016 г. занимал пост министра иностранных дел Абхазии и может считаться экспертом в данной области.

Глава 4 «Генуэзское консульство и нотариальный офис в Абхазии» (с. 45–54). Эта глава предваряется обоснованным в литературе утверждением о важности для итальянцев портового города Савастополи не только как торгового, но и стратегического центра [Чирикба, 2020, с. 45]. Это послужило причиной открытия около 1280 г. генуэзской нотариальной конторы, а в 1354 г. учреждения небольшого консульства, в котором, помимо консула, числились *массарий* (бухгалтер), нотариус, писец, судебный исполнитель и переводчик. В тексте обильно цитируются переводы автора с итальянских переводов генуэзских документов, из которых видно, что консулы находились под постоянной угрозой нападения не только со стороны турок, но и со стороны местного населения. В заключение автор дает список консулов Генуи в Савастополи с 1354 по 1456 г. и делает предположение о том, что консульство прекратило существование в 1475 г. [Чирикба, 2020, с. 52–53].

Глава 5 «Международная торговля белыми рабами из бассейна Черного моря» (с. 55–65). При рассмотрении данной главы сразу возникает вопрос: почему автор делает акцент на «цвете» рабов, а не на их происхождении? Далее он уточняет, что речь идет о «белых (северных)» рабах [Чирикба, 2020, с. 55]. Но едва ли это помогает читателю осмыслить полученную информацию. Разгадка ждет его на пятой странице очерка, где приводится цитата из источника о «белой рабыне из Черкесии, татарского происхождения» [Чирикба, 2020, с. 63]. То есть речь идет об определенной категории рабов, которая существовала не в представлении автора книги, а была взята им из исторического материала, и потому данный термин нуждается в обосновании и раскрытии, как это было в отношении терминов «татар», «черкес» и др.

В данной части работы автор широкими и яркими мазками рисует картину последовательного роста с XIII в. значения экспорта рабов из Северного и Восточного Причерноморья для итальянских государств. В конце первой половины XIV в. развитие этого процесса в значительной мере стимулировалось эпидемией чумы [Чирикба, 2020, с. 58].

Глава 6 «Экспорт рабов из Абхазии и Черкесии в XIII–XV вв.» (с. 66–83) изобилует большим количеством данных из итальянских документов, иллюстрирующих быт и условия пребывания абхазских и черкесских рабов в Италии. В значительной мере эти данные органично

дополняют сведения, содержащиеся в многочисленных таблицах, в которых наглядно демонстрируются количественные и процентные показатели этнического состава «восточных рабов», средний возраст, средние цены в зависимости от возраста и этнического происхождения, а также цены на абхазских и черкесских рабов по возрастным группам [Чирикба, 2020, с. 80–83].

Глава 7 ««Кавказский след» в Италии. «Прекрасная черкешенка» в искусстве «Ориентализма»« (с. 84–87). В этом очерке представлена блестящая догадка автора о возможном происхождении Леонардо да Винчи от связи его отца Пьеро да Винчи с абхазской или черкесской рабыней по имени Катерина. Надо признать, что подобная версия не выглядит фантастической и не противоречит реалиям Италии эпохи средневековья. Автор видит «кавказский след» в этимологии итальянских фамилий, географических названиях, а также находит его в литературе и искусстве стран Западной Европы и Америки как «популярного персонажа в образе пленительной «черкесской рабыни»« [Чирикба, 2020, с. 86].

Более подробно версию о происхождении великого итальянского гения эпохи Возрождения В. А. Чирикба рассматривает в отдельной работе: «Загадка Катерины. Кем была мать Леонардо да Винчи», изданной в Санкт-Петербурге в 2018 г. [Чирикба, 2018].

Глава 8 «Этническая номенклатура Абхазии и Черкесии в итальянских документах и на морских картах XIII–XVI вв.» (с. 88–100). В этой части работы были последовательно проанализированы различные этнические термины итальянских источников, служившие для обозначения абхазо-адыгских народов. Несмотря на различные приводимые им варианты возможной трансформации этнонимов «абаз» и «абхаз» (арабский, мамлюкско-кыпчакский), автор приходит к выводу о том, что в значительной степени появление данных терминов — это результат деятельности итальянских писцов [Чирикба, 2020, с. 92]. Очень подробно рассматриваются этнонимы «зих» и «черкес», служившие для обозначения адыгов, а также термины «лазы» и «лезги», которые автор относит к определениям представителей «дагестанских народов» [Чирикба, 2020, с. 100].

Глава 9 «Топонимика и гидронимика Абхазии и прибрежной Черкесии на итальянских морских атласах и картах XIII–XVI вв.» (с. 101–161). Девятую главу уверенно можно назвать одной из самых информативных частей в работе, т. к. в ней очень подробно и полно (в форме текста и преимущественно таблиц) рассматриваются топонимы и гидронимы средневековой Абхазии, а, следовательно, она превосходно подходит для ученых штудий в области топонимики в качестве справочного пособия.

Глава 10 «Изображение флагов Абхазии и Савастополи на средневековых картах XIV–XVI вв.» (с. 162–168). Неплохим бонусом к монографии может считаться раздел о флагах, который, как и предыдущий очерк, может оказаться превосходным подспорьем для самостоятельного изучения средневековых итальянских карт и атласов. Помимо таблиц и текста данная глава в обилии снабжена иллюстрациями фрагментов карт и портоланов с изображениями флагов правителей Акуа-Савастополи (с. 162–180).

Заключение (с. 181–187) по объему и качеству представляет собой практически новую «одиннадцатую главу» книги, которая подытоживает все остальные. После турецкого завоевания торговля рабами продолжилась и в той или иной форме велась, пока «установившая в 1864 году полный контроль над Кавказом русская колониальная администрация положила конец продаже и экспорту в Турцию и другие страны кавказских рабов» [Чирикба, 2020, с. 183].

Автор отмечает всю неоднозначность результатов пребывания генуэзцев в Абхазии: восстания местных народов против экспансии на фоне роста местной экономики и вовлечения ее в глобальную систему торговли. Следы итальянского присутствия в Абхазии, сопровождавшегося

активным культурным обменом, нашли отражение не только в объектах материальной культуры (фортификация, культовые сооружение и т. п.), но и крепко отпечатались в языке [Чирикба, 2020, с. 186]. Живые связи между Италией и Абхазией еще долго были неразрывны, несмотря на османскую гегемонию.

Очевидно, что данная работа представляет большой интерес для широкого круга читателей, и каждый исследователь найдет в ней массу полезного для себя.

Чирикба В. А. *Загадка Катерины. Кем была мать Леонардо да Винчи*. СПб., 2018. [Chirikba V. A. *The Enigma of Catherine. Who Was Leonardo da Vinci' s Mother*. St. Petersburg, 2018 (in Russian)].

Чирикба В. А. *Абхазия и итальянские города-государства (XIII–XV вв.). Очерки взаимоотношений*. Предисл. В. С. Томеллери. СПб., 2020 [Chirikba V. A. *Abkhazia and Italian City-States (XIII–XV centuries). Essays on Interrelations*. Introduction by V. S. Tomelleri. St Petersburg, 2020 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-160-164

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РУССКИХ В ИНДИИ

Е. Ю. Ванина[1]

Новая книга Т. Н. Загородниковой впервые представляет читателю ранее не опубликованные архивные материалы о русских врачах, военных, дипломатах, разведчиках, эмигрантах, оказавшихся в Индии в конце XIX — начале XX в. и при всей несхожести интересов, воззрений и судеб проявивших определенное единство восприятия страны.

Ключевые слова: Индия, архивы, русские путешественники

Для цитирования: Ванина Е. Ю. Новые материалы о русских в Индии. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 160–164. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-160-164

NEW MATERIALS ON THE RUSSIANS IN INDIA

Eugenia Yu. Vanina

The new book by T. N. Zagorodnikova presents some hitherto unpublished archival materials on Russian doctors, army officers, diplomats, secret agents, emigrants who had come to India in the late nineteenth — early twentieth century and, given all differences in interests, views and destinies, exhibited a certain uniformity in the perception of the country.

Keywords: India, archives, Russian travelers

For citation: Vanina E. Yu. New Materials on the Russians in India. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 160–164. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-160-164

Рецензируемая книга [Загородникова, 2022] — продолжение серии трудов автора по публикации и исследованию архивных материалов, раскрывающих историю российско-индийских отношений [Загородникова, 2013; 2018; Загородникова и Шаститко, 2000][2]. Новая работа вписывается в тенденцию, характерную для многих публикаций подобного рода: выбор архивных материалов продиктован не столько стремлением найти новые, прежде неведомые факты, раскрывающие суть и детали исторических событий в отношениях между странами (что касается России и Индии в XVII — начале XX в., большинство таких материалов уже, видимо, найдено и опубликовано), сколько желанием познакомить читателя

[1] Ванина Евгения Юрьевна, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, chief research fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, D. Litt. (Hist.); eug.vanina@gmail.com. ORCID: 0000–0002–7992–3013

[2] Т. Н. Загородникова также участвовала в составлении сборников документов [Русско-индийские отношения 1997; Русско-индийские отношения 1999] и в проекте «Восточные ветви российской диаспоры (например, [Загородникова, 2020].

с судьбами и впечатлениями людей, чья жизнь оказалась связана с той или иной страной, в данном случае — с Индией. Межгосударственные отношения всегда имели личностный аспект, в значительной степени завися от характера, познаний и устремлений тех, кто их осуществлял. Этот аспект, разумеется, больше проявлялся не в дипломатических документах (хотя и там ему находилось место), а в текстах, не имевших официального характера,— мемуарах, травелогах (записках путешественников), письмах и т. д.

Материалы подобного рода издавна использовались историками. У индологов их популярность была особенно велика в связи с распространявшимся долгое время и по сей день окончательно не преодоленным стереотипом об отсутствии у индийцев исторической памяти и их якобы неспособности к адекватной текстуальной фиксации событий. Во множестве работ те или иные проблемы истории Индии (особенно средневековой и колониальной) исследовались исключительно на материале иностранных источников — официальных документов колониальных властей и травелогов. И только сравнительно недавно исследователи осознали, что «иностранные» документы, как и любой текст, не столько фиксируют, сколько реконструируют и интерпретируют действительность, но, в отличие от «местных» источников, несут на себе гораздо более тяжелый груз «иного»: культурных, социальных и религиозных стереотипов, жизненного опыта, черт характера, целей и задач автора, уровня владения языком[3].

Все вышеизложенное вполне относится и к рецензируемой книге, включившей тексты, созданные посетившими Индию в конце XIX — начале XX в. русскими. Никто из этих авторов не был путешественником в прямом смысле: врачи В. П. Кашкадамов и А. М. Левин, отправившиеся в Индию для изучения английского опыта борьбы с эпидемией чумы, которая свирепствовала в Бомбее с 1896 г., полковник Генштаба Л. Г. Корнилов, дипломат А. А. Половцов, военный разведчик П. П. Атаев и эмигрант, бывший офицер В. А. Хабаров. Несхожие профессии, цели и задачи, характеры, жизненные обстоятельства, наконец — образование и способность к превращению своих впечатлений в текст. И хотя все эти люди побывали в Индии почти в одно и то же время, из их записок возникают весьма разные Индии.

Страшная эпидемия чумы — не лучший период для знакомства со страной и ее культурой, но русским врачам, приехавшим изучать распространение страшной болезни и методы борьбы с нею, волей-неволей пришлось обратить особое внимание на социальные, бытовые и культурные условия, в которых жили индийцы, и на то, как народ воспринимал противоэпидемические меры колониальных властей. Спокойный, беспристрастный, лишенный какой-либо эмоциональности тон обоих врачебных отчетов рисует чудовищную по силе воздействия картину — не только нищеты и примитивного, словно специально созданного для распространения заразы быта простого народа, но и абсолютной некомпетентности английских властей, их незнания, да и нежелания знать ничего о жизни и культуре туземцев. Английские чиновники смотрели на индийцев как на бездушную массу, не считали необходимым что-либо объяснять этим людям—настолько плохо знали традиции подвластного народа, что не могли понять протестов индусов и мусульман, когда дезинфекторы, в основном состоявшие из низкокастовых уборщиков, вламывались в молельные комнаты или на женскую половину дома, когда индусок и мусульманок грубо и публично осматривали на вокзалах. Русские врачи по крайней мере попытались понять индийцев, и их беспристрастный отчет во многом близок ярким эмоциональным оценкам местных авторов[4].

Расизм и снобизм английских чиновников поразили и других авторов, чьи записки собраны в книге. А. А. Половцов, сменивший на посту российского консула в Бомбее весьма

[3] См. подробнее: [Teltscher, 1995; Subrahmanyam, 2005; Youngs, 2006].

[4] См. подробнее: [Ванина, 2012].

антибритански настроенного В. О. Клемма, даже встречавшегося с лидерами национально-освободительного движения, был изначально проинструктирован на максимально дружественные отношения с властями страны, ставшей теперь, в рамках Антанты, союзником России. Несмотря на приказ сверху «со всеми любезничать елико возможно» [Загородникова, 2022, с. 228] и собственный восторг перед «нравственной силой» и «патриотизмом» английских чиновников, Половцов, быть может, против воли не мог не отмечать в высшем бомбейском обществе «атмосферу средней руки англичан с кругозором, ограниченным недальнозоркими, но вековыми традициями» [Там же, с. 232]. Этот «кругозор» заставлял английских чиновников выписывать из Лондона «гвоздику да петунии, печально хиревшие в тропическом климате» и ни в коем случае не украшать свои дома и сады «во вкусе туземцев» [Там же, с. 232–233] или, когда в Бомбей прибыл эмир Афганистана, заставлял их жен кричать, что «хотя он и самостоятельный властелин, они никогда не будут приседать «черному»« [Там же, с. 235].

Л. Г Корнилова в Индии интересовала только британская армия, ее организация, вооружение, снабжение, обучение личного состава. В его отчете самой Индии как будто и нет (даже в Агре он подробно описал форт, но не упомянул о Тадж-Махале, впрочем, этого, видимо, требовал сам жанр отчета), лишь изредка появляются «туземные офицеры». Автор воспринимает колониальную армию весьма положительно и восхищается ее главнокомандующим Г. Китченером, палачом суданских махдистов и буров, инициатором создания первых концлагерей; его англофильство дает себя знать даже в таком пассаже, как «туземные офицеры, независимо от чина, считаются младше всех английских офицеров части, они не состоят членами офицерских месс[5], английские офицеры не подают им руки, но, с другой стороны, они принимают участие в различных спортивных развлечениях своих английских товарищей, напр. в игре в поло, что невозможно для других туземцев, пользуются правом голоса на полковых дурбарах[6], наконец, в обращении к ним английскими офицерами соблюдаются известные формы вежливости» [Там же, с. 199]. Этот фрагмент ярко иллюстрирует как собственные взгляды автора, вполне позитивно воспринимающего английский расизм, так и то, что мрачная реальность проглядывала даже через плотно закрытые розовые шторы.

Если Корнилов был совершенно убежден в «верности туземных офицеров» английскому флагу, а кроме них никаких других «туземцев» вообще не замечал, то разведчик П. П. Атаев, странствовавший по Индии под видом торговца, сообщал четыре года спустя после поездки Корнилова иное: «Что касается положения вещей в Индии, то оно не особенно блестяще. Политические партии туземцев работают усиленно; крупные народные волнения и беспорядки почти повсеместно, в которых участвуют большей частью индусы, и иногда не обходится без вызова войск; мелкие же в виде нанесения ран, побоев и словесных оскорблений на улицах европейцам-англичанам довольно часты [Там же, с. 248].

Трудней всего пришлось в Индии бывшему офицеру В. А. Хабарову, занесенному в далекий португальский Гоа ветрами послереволюционной эмиграции. Не знавший не только местного конкани, но и английского и португальского, он арендовал землю и приступил к непривычной для себя деятельности фермера. Сама Индия Хабарова интересовала мало, если не считать того, что было необходимо для ведения хозяйства. В его записках различные представители местной фауны, с которыми приходилось бороться, а также проблема пищи для семьи, не привыкшей к гоанской кухне, занимают несравненно больше места, чем местные жители,

[5] Месса — англ. mess, здесь — полковая столовая.

[6] Дурбар — правильно *дарбар*, обычно дворцовый прием или собрание придворных под председательством монарха; здесь — полковое офицерское собрание.

если не считать чиновников и работников, нанятых Хабаровым для своей плантации. Во всем его тексте, написанном ярко и с чувством юмора, ощутимы горечь и раздражение человека, вся прежняя жизнь которого рухнула и необходимость выжить привела в непонятную страну. Хабаров в Индии совершенно чужой и остается чужим на протяжении всех проведенных там лет; на своей ферме он пытается построить некий аналог родного дома, хотя и понимает бесплодность таких попыток. Но при этом никакого чувства расового или социального превосходства в отношении местных жителей он не проявляет. Сначала раздражает нежелание крестьян наниматься к новому землевладельцу в декабре, когда «индусы, имея рис и перец в изобилии, ели и пьянствовали, а в работе не нуждались и на работу не шли». Но затем, изучив условия жизни этих людей, он понял, что причина не в лени, в которой индийцев часто упрекали другие европейские наблюдатели: тяжко работая все одиннадцать месяцев и не имея для передышки европейской или русской зимы, они смотрели на декабрь как на единственный месяц отдыха перед новым трудовым циклом. Русская душа Хабарова тут же прониклась сочувствием: «Да с этакой каторги запьешь от радости не только на один месяц» [Там же, с. 275].

Включенные в книгу документы только на первый взгляд кажутся мало связанными друг с другом. Их объединяет принадлежность к одной исторической эпохе (в том, что касается Индии), а также то, что все они представляют взгляд людей, мало или вообще ничего о стране не знавших, не владевших ее языками (за исключением Атаева) и не слишком ею интересовавшихся. У каждого из них на первом месте стояли иные интересы: борьба с эпидемией, военная организация, выживание в эмиграции. В их сфере общения превалировали представители английских и португальских властей. Тогда в какой степени собранные в рецензируемой книге архивные материалы могут стать источниками по истории Индии и российско-индийских отношений? В очень небольшой, если смотреть на историю только как на установление фактов и исследование социально-политических или геополитических тенденций. Но если предметом изучения станет такой аспект российско-индийских отношений, как взаимное восприятие[7], данные тексты, в совокупности с другими русскими записками и отчетами об Индии, уже опубликованными и ожидающими публикации, дадут возможность поставить научно актуальную проблему: русский нарратив об Индии, его сходство с западноевропейским (английским, французским, португальским и т. п.) и специфика (последнее неизбежно приведет к вопросу о причинах) особого русского взгляда на Индию. Для подобных исследований, а также для всех, кого интересует история русско-индийских контактов, рецензируемая книга с ее впервые публикуемыми архивными материалами и высококачественным научным аппаратом будет, несомненно, полезна.

Литература/References

Ванина Е. Ю. Чума в Бомбее: свидетельства индийского учителя и русских врачей/ Глушкова И. П. (рук. проекта и научн. ред.) *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М., 2012. С. 411–428 [Vanina E. Yu. Plague in Bombay: the Testimonies of an Indian Teacher and Russian Doctors. Glushkova I. P. (ed.). *Death in Maharashtra. Imagination, Perception and Expression*. Moscow, 2012. Pp. 411–428 (in Russian)].

Загородникова Т. Н., Шаститко П. М. *Индийцы в Москве*. М., 2000 [Zagorodnikova T. N. and Shastitko P. M. *Indians in Moscow*. Moscow, 2000 (In Russian)].

Загородникова Т. Н. (сост.). *Л. Н. Толстой и Индия. Переписка*. М., 2013 [Zagorodnikova T. N. (comp.). *Tolstoy and India. Correspondence*. Moscow, 2013 (in Russian)].

[7] См. на эту тему: [Загородникова, Кашин, Шаумян, 2011].

Загородникова Т. Н. *Индия и Серебряный век русской культуры: очерки российско-индийских отношений*. М., 2018 [Zagorodnikova T. N. *India and the Silver Age of Russian Culture. Essays on Russo-Indian Relations*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Загородникова Т. Н. Вильям Оскарович фон Клемм (1861–1938). *Письма русского дипломата-востоковеда* / Отв. ред. Панарина Д. С. *Восточные ветви российской диаспоры. Т. 2. Сквозь века и страны*. М., 2020. С. 28–53 [Zagorodnikova T. N. *William Oskarovich von Klemm (1861–1938). Letters from a Russian Diplomat and Orientalist*. Panarina D. S. (ed.). *The Eastern Branches of the Russian Diaspora. Vol. II. Through Ages and Countries*. Moscow, 2020. Pp. 28–53 (in Russian)].

Загородникова Т. Н. *Русские в Индии в конце XIX — первой половине XX в. Сборник архивных документов и материалов*. М., 2022 [Zagorodnikova T. N. *Russians in India, Late Nineteenth — Early Twentieth Century. A Collection of Archival Documents and Materials*. Moscow, 2022 (in Russian)].

Загородникова Т. Н., Кашин В. П., Шаумян Т. Л. *Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее*. М., 2011 [Zagorodnikova T. N, Kashin V. P. and Shaumyan T. L. *The Image of Russia in the Indian Public Perception: Past and Present*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997 [*Russo-Indian Relations in the Nineteenth Century. A Collection of Archival Documents and Materials*. Moscow, 1997 (in Russian)].

Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М., 1999 [*Russo-Indian Relations in 1900–1917. A Collection of Archival Documents and Materials*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Subrahmanyam S. *Mughals and Franks. Explorations in Connected History*. Delhi, 2005.

Teltscher K. *India Inscribed. European and British Writing on India 1600–1800*. Delhi, 1995.

Youngs T. Introduction. Youngs T. (ed.). *Travel Writings in the Nineteenth Century: Filling the Blank Spaces*. London, 2006.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-165-171

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ЧЕСТЬ 90-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ЛЕОНИДА БОРИСОВИЧА АЛАЕВА

А. Д. Васильев, О. М. Курникова, Н. К. Чарыева[1]

Статья представляет собой обзор материалов научной сессии, посвященной 90-летию профессора Л. Б. Алаева, одного из ветеранов отечественного востоковедения, внесшего заметный вклад в формирование российской школы индологии, изучение истории стран Востока и развитие научного сотрудничества и культурных связей между Россией и Индией. Тематикой сессии стали воспоминания о встречах и совместной деятельности с Леонидом Борисовичем, индология, методология истории, община на Востоке и все, что связано с многолетней научной и педагогической деятельностью Л. Б. Алаева. Мероприятие началось с торжественных слов руководства Института востоковедения РАН, в которых прозвучали поздравления юбиляру, рассказы о научном пути Леонида Борисовича в востоковедении, о его книгах и монографиях, о его неизменном членстве в ученом совете ИВ РАН. Заместитель главы дипломатической миссии Республики Индии в Москве госпожа Джина Уика продолжила работу пленарного заседания выступлением, в котором были отмечены выдающиеся достижения в многолетней научной работе Леонида Борисовича и его огромный вклад в изучение истории и культуры Индии. Г-жа Джина Уика преподнесла памятную награду юбиляру от посольства Индии. В рамках работы научной сессии ученики и коллеги Леонида Борисовича Алаева представили нашему вниманию разные сюжеты из жизни и научной деятельности юбиляра: воспоминания о знакомстве с Леонидом Борисовичем, студенческие впечатления о Леониде Борисовиче как преподавателе, рассказывали о «непрофильных» книгах юбиляра, говорили теплые слова, читали стихи и дарили подарки. По итогам научной сессии планируется издание юбилейного сборника статей.

Ключевые слова: Алаев Л. Б., индология, отечественное востоковедение, община, методология

Для цитирования: Васильев А. Д., Курникова О. М., Чарыева Н. К. Научная сессия в честь 90-летнего юбилея Леонида Борисовича Алаева. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 165–171. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-165-171

[1] Васильев Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. Vasilyev, PhD (History), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru
ORCID: 0000–0003–2947–4413

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lineroxana@inbox.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lineroxana@inbox.ru
ORCID: 0000–0001–9593–8912

Чарыева Наталья Какабалыевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ailatan_51@mail.ru

Natalia K. Charyeva, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ailatan_51@mail.ru
ORCID: 0000–0002–3057–4713

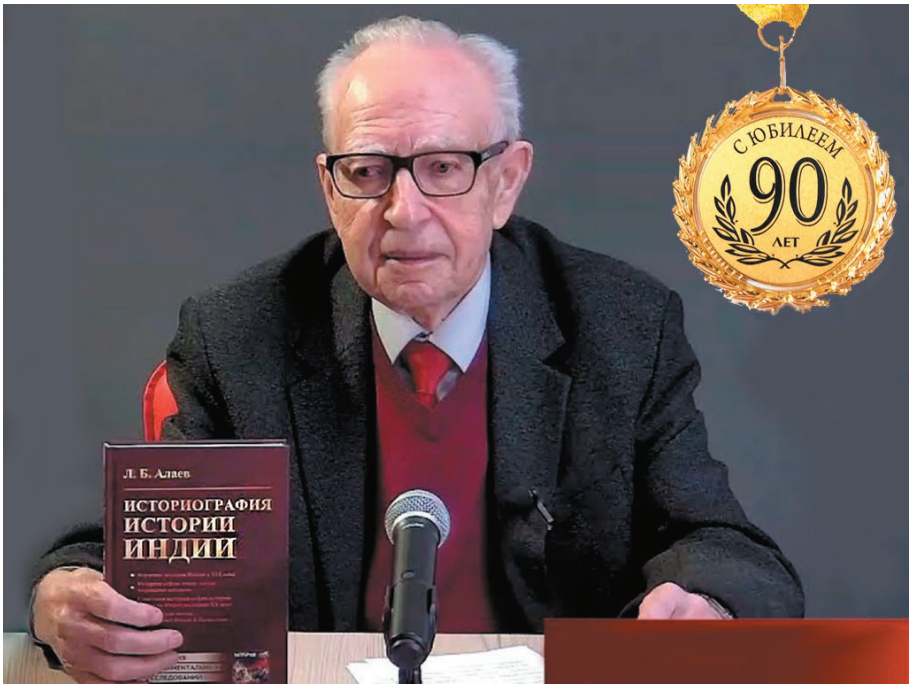
ACADEMIC SESSION DEDICATED TO THE 90TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR L. B. ALAEV

Alexander D. Vasilyev, Oxana M. Kurnikova, Natalia K. Charyeva

The article is a review of the materials of the academic session dedicated to the 90th anniversary of Professor L. B. Alaev, one of the veterans of Russian Oriental studies, who made a significant contribution to the Russian school of Indology, the study of the history of the East and the promotion of academic collaboration and cultural relations between Russia and India. The topics of the session were memories of meetings and joint activities with Leonid Borisovich, indology, methodology of history, community in the East and everything related to professor L. B. Alaev's lasting academic and teaching activities. The event kicked of with the welcome address by the academic head of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, his personal congratulations to the man of the hour, memories about Leonid Borisovich's academic career in Oriental studies, his works and writings, and his permanent membership in the Institute Academic Council. A special guest from India, Ms. Gina Wika, deputy Head of the diplomatic Mission of the Republic of India to the Russian Federation, highly appreciated the life-long contribution to the study of the history and culture of India in Russia and awarded Professor Alaev with a commemorative gift on behalf of the Embassy of India in Russia. As part of the academic session, professor Alaev's students and colleagues shared their various personal life stories from the life and scientific activities of the hero of the day, memories of meeting Leonid Borisovich, students' acknowledgement of Leonid Borisovich as a university professor, their impression of professor Alaev's «non-core» books, read poems, and presented gifts. According to the results of the scientific session, it is planned to publish an anniversary collection of articles.

Keywords: Alaev L. B., Indology, Russian Oriental studies, community, methodology

For citation: Vasilyev A. D., Kurnikova O. M., Charyeva N. K. Academic Session Dedicated to the 90th Anniversary of Professor L. B. Alaev. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 165–171. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-165-171

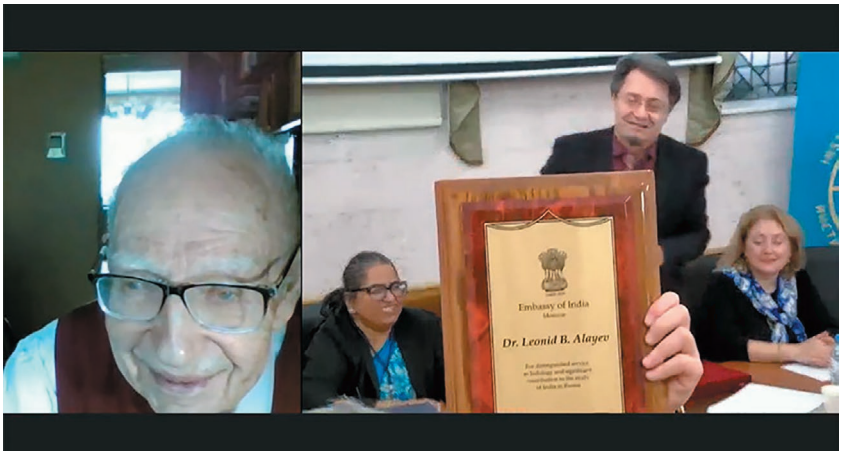


24 октября 2022 г. в Институте востоковедения в Москве, в Зале ученых советов прошла научная сессия в честь 90-летнего юбилея известного востоковеда, индолога, методолога истории Востока и педагога — профессора Леонида Борисовича Алаева. Сессия была организована Отделом истории Востока, который на протяжении четверти века оставался домом для маститого ученого.

В работе сессии приняли участие многочисленные коллеги и ученики Леонида Борисовича, а также занимающиеся по его учебникам студенты НИУ ВШЭ, ИСАА и РГГУ, участвовавшие как в самой сессии, так и в ее подготовке.

Пленарное заседание сессии открылось выступлением научного руководителя Института востоковедения РАН В. В. Наумкина, представившего Леонида Борисовича как одного из старейших сотрудников ИВ РАН, начавшего свою трудовую деятельность в его стенах в 1956 г. Продолжилось заседание выступлением главы дипломатической миссии Республики Индия в Российской Федерации г-жи Джины Уики, которая выразила благодарность юбиляру за плодотворные исследования Индии в течение 70 лет и вклад в развитие двусторонних культурных связей. Г-жа Д. Уика вручила Леониду Борисовичу почетную награду за его выдающиеся достижения в изучении Индии и ее культуры в Российской Федерации.

Директор ИВ РАН А. К. Аликберов говорил о юбиляре как выдающемся методологе-востоковеде, теоретическими наработками которого он активно пользовался, а методологические труды которого остаются чрезвычайно востребованными современными российскими востоковедами. Заместитель директора по науке ИВ РАН Н. Г. Романова остановилась на неизменном участии Л. Б. Алаева в работе Ученого совета Института, его активном творческом вкладе в работу совета.



От имени Центра индийских исследований ИВ РАН выступила Е. Ю. Ванина, поздравившая юбиляра с 90-летием от имени коллег-индологов.

В заключение пленарного заседания с ярким и теплым приветствием выступила А. Л. Сафронова, заведующая кафедрой истории Южной Азии ИСАА МГУ и заведующая историческим отделением ИСАА МГУ. В своем выступлении она дала высокую оценку педагогической деятельности Леонида Борисовича в Институте стран Азии и Африки, его богатому преподавательскому опыту по воспитанию новых поколений востоковедов. Специально для научной сессии сотрудниками Отдела истории Востока была подготовлена выставка избранных работ Леонида Борисовича, где были представлены как монографии, написанные им в начале научного пути, например, книга «Такой я видел Индию» [Алаев, 1971], так и одни из самых новейших книг «Проблематика истории Востока» [Алаев, 2019, 2020] и «Индийская цивилизация. Опыт понимания» [Алаев, 2021]. Находящиеся в экспозиции книги, сборники статей, журналы продемонстрировали огромное и разнообразное научное творчество юбиляра и привлекли немалые внимание и интерес участников и гостей мероприятия. Также в рамках работы сессии состоялась презентация отдельных книг Л. Б. Алаева.

Юбилейная научная сессия продолжила работу в трех научных секциях. Первая из них была посвящена воспоминаниям о совместной работе и трудах Л. Б. Алаева. С приветственным словом выступил давний коллега Леонида Борисовича Ю. Г. Александров, отметивший не только научные достижения Л. Б. Алаева, но и активные спортивные увлечения юбиляра и его участие в спортивных состязаниях Института. Прекрасное выступление А. Л. Рябинина, многолетнего коллеги Леонида Борисовича по работе в секторе теоретико-методологических проблем истории Востока запомнилось участникам яркими поэтическими формами, эмоциональным подъемом и душевной теплотой. А. Д. Васильев, бывший когда-то студентом Л. Б. Алаева, поделился своими воспоминаниями о нем как об учителе и коллеге, рассказал о своем знакомстве с Леонидом Борисовичем и дальнейшей совместной работе.

Ученица Л. Б. Алаева Л. А. Черешнева, доктор наук и руководитель учебно-научной лаборатории в ЛГПУ им. Семенова-Тян-шаньского, особо отметила роль Леонида Борисовича в ее научной карьере и становлении как профессионала-востоковеда, помощь Л. Б. Алаева в защите ее докторской диссертации. Другая ученица юбиляра — Т. Н. Загородникова сделала доклад о «непрофильных» для Л. Б. Алаева публикациях. Леонид Борисович основную часть своих трудов посвятил проблеме общины, в то время как совместно с Т. Н. Загородниковой они подготовили ряд мемуарных и биографических работ об отечественных индологах. В совместном выступлении Д. В. Дубровская и А. А. Столяров рассказали об интервью с Леонидом Борисовичем Алаевым, взятым в рамках проекта по истории отечественного востоковедения. Д. В. Дубровская вручила памятный подарок — прекрасный портрет Л. Б. Алаева.

Участники сессии касались тем, которым Л. Б. Алаев уделял главное внимание в своей научной деятельности,— функционированию сельской общины на Востоке. Так, В. Я. Белокреницкий посвятил свое выступление судьбе сельской общины на территории современного Пакистана; В. Г. Дацышен коснулся проблемы изучения общины в Китае в период династии Цин; М. А. Олимов и С. К. Олимова предложили свой оригинальный взгляд на ритуалы как элемент социальной стратификации в современных городских общинах Таджикистана и Узбекистана; Я. В. Тарасюк представил доклад о надобщинных структурах наду и коттам в южноиндийском царстве Паллавов.

Отдельный блок докладов был посвящен изучению историографии Индии, например, доклады Е. Ю. Ваниной — о могольской Индии в британской колониальной историографии; М. Х. Закировой — о взглядах Алаева на историю становления Могольской империи; А. Ш. Кадырбаева — об истории средневазиатско-индийских связей на примере Тимура и Тимуридов, Д. М. Тимохина — о хорезмийском присутствии в Северной Индии и деятельности там последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Большой интерес вызвал доклад С. Е. Сидоровой, посвященный истории дорожного строительства в Центральной Индии и Бераре в связи с кризисом текстильной промышленности в английской метрополии в середине XIX в. Не остался без внимания доклад о деятельности Коминтерна в Индии, представленный учеником Л. Б. Алаева Ю. Н. Тихоновым. Прекрасную красочную презентацию о ритуалах бхактов продемонстрировала И. П. Глушкова. Сообщение о жалованных грамотах Восточной Индии эпохи династии Пала сделал А. А. Столяров. Научную часть сессии завершил доклад А. А.-Л. Сольки о монетном обращении скифских правителей в связи с Северной Индией.

Все доклады сессии отличались высоким научным и теоретико-методологическим уровнем. Научная сессия продемонстрировала важность вклада Л. Б. Алаева в современное востоковедение, его существенный фактический и методологический задел, который активно используется учениками юбиляра и молодым поколением востоковедов. По итогам научной сессии решено подготовить сборник докладов, посвященный юбиляру, под рабочим названием «Алаика-2» (как продолжение работы «Алаика»[2] [ALAICA, 2004], подготовленной в честь 70-летнего юбилея Л. Б. Алаева).

С программой научной сессии в честь 90-летнего юбилея Леонида Борисовича Алаева можно ознакомиться на сайте ИВ РАН: https://www.ivran.ru/novosti?artid=211146 или в библиотеке Института востоковедения.

Избранные научные труды Л. Б. Алаева

Алаев Л. Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV–XVIII вв. [Алаев, 1964].

Алаев Л. Б. Такой я видел Индию [Алаев, 1971].

Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни (штат Уттар Прадеш, XIX век) [Алаев, 1976].

Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции [Алаев, 1981; 2014].

Алаев Л. Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах [Алаев, 2000].

Алаев Л. Б. Средневековая Индия [Алаев, 2003, 2018].

[2] https://book.ivran.ru/book?id=1586&from=1061 (дата обращения: 27.11.2022).

Алаев Л. Б. История традиционного Востока с древнейших времен до начала XX века: учебное пособие [Алаев, 2004].

Алаев Л. Б. История Востока [Алаев, 2007, 2014, 2019].

Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. История Индии: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030800 «Востоковедение, африканистика» [Алаев, 2010].

Алаев Л. Б. Южная Индия: Общинно-политический строй VI–XIII вв. [Алаев, 2011, 2018].

Алаев Л. Б. Историография истории Индии» [Алаев, 2011, 2017].

Алаев Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе [Алаев, 2016].

Алаев Л. Б. Проблематика истории Востока [Алаев, 2019, 2020].

Алаев Л. Б. Индийская цивилизация. Опыт понимания [Алаев, 2021].

Литература / References

Алаев Л. Б. *Южная Индия. Социально-экономическая история XIV–XVIII вв*. М., 1964 [Alaev L. B. Yuzhnaya Indiya. Social'no-ekonomicheskaya istoriya XIV–XVIII vv. Moscow, 1964 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Такой я видел Индию*. М., 1971 [Alaev L. B. Takoj ya videl Indiyu. Moscow, 1971(in Russian)].

Алаев Л. Б. *Социальная структура индийской деревни (штат Уттар Прадеш, XIX век)*. М., 1976 [Alaev L. B. Social'naya struktura indijskoj derevni (shtat Uttar Pradesh, XIX vek). Moscow, 1976 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции*. М., 1981 [Alaev L. B. Sel'skaya obshchina v Severnoj Indii: Osnovnye etapy evolyucii. Moscow, 1981(in Russian)].

Алаев Л. Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М., 2000 [Alaev L. B. Obshchina v ego zhizni. Istoriya neskol'kih nauchnyh idej v dokumentah i materialah. Moscow, 2000 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Средневековая Индия*. СПб., 2003 [Alaev L. B. Srednevekovaya Indiya. Saint Petersburg, 2003 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *История традиционного Востока с древнейших времен до начала XX века: учеб. пособие*. М., 2004 [Alaev L. B. Istoriya tradicionnogo Vostoka s drevnejshih vremen do nachala XX veka: ucheb.posobie. Moscow, 2004 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *История Востока*. М., 2007 [Alaev L. B. Istoriya Vostoka. Moscow, 2007 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М., 2013 [Alaev L. B. Istoriografiya istorii Indii». Moscow, 2013 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *История Востока с древнейших времен до начала XX века. 2-е изд., испр. и доп*. М., 2014 [Alaev L. B. Istoriya Vostoka s drevnejshih vremen do nachala XX veka, 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2014 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции*. М., 2014. Изд. 2-е [Alaev L. B. Sel'skaya obshchina v Severnoj Indii: Osnovnye etapy evolyucii. Moscow, 2014 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе*. М., 2016 [Alaev L. B. Sel'skaya obshchina: «Roman, vstavlennyj v istoriyu». Kriticheskij analiz teorij obshchiny, istoricheskih svidetel'stv ee razvitiya i roli v stratificirovannom obshchestve. Moscow, 2016 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2017 [Alaev L. B. Istoriografiya istorii Indii. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow, 2017 (in Russian)].

Алаев Л. Б *Средневековая Индия: История: политическая, социальная, экономическая, культурная.* Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2018 [Alaev L. B. Srednevekovaya Indiya: Istoriya: politicheskaya, social'naya, ekonomicheskaya, kul'turnaya. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow, 2018 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Южная Индия: Общинно-политический строй VI–XIII веков. Изд. 2-е, испр. и доп.* М., 2018 [Alaev L. B. YUzhnaya Indiya: Obshchinno-politicheskij stroj VI–XIII vekov. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow, 2018 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *История Востока с древнейших времен до начала XX века. 3-е изд., испр. и доп.* М., 2019 [Alaev L. B. Istoriya Vostoka s drevnejshih vremen do nachala XX veka. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2019 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Проблематика истории Востока.* М., 2019 [Alaev L. B. Problematika istorii Vostoka. Moscow, 2019 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Проблематика истории Востока. Изд. 2-е, испр.* М., 2020 [Alaev L. B. Problematika istorii Vostoka. Izd. 2, ispr. Moscow, 2020 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Индийская цивилизация. Опыт понимания.* М., 2021 [Alaev L. B. Indijskaya civilizaciya. Opyt ponimaniya. Moscow, 2021 (in Russian)].

Алаев Л. Б., Вигасин А А., Сафронова А. Л. *История Индии: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030800 «Востоковедение, африканистика».* М., 2010 [Alaev L. B., Vigasin A. A., Safronova A. L. Istoriya Indii: uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushchihsya po napravleniyu 030800 «Vostokovedenie, afrikanistika». Moscow, 2010 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Южная Индия. Общинно-политический строй VI–XIII веков.* М., 2011 [Alaev L. B. Yuzhnaya Indiya. Obshchinno-politicheskij stroj VI–XIII vekov. Moscow, 2011 (in Russian)].

ALAICA: Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летнему юбилею профессора, д-ра ист. наук Л. Б. Алаева. М., 2002 [ALAICA: Sbornik nauchnyh trudov rossijskih vostokovedov, podgotovlennyj k 70-letnemu yubileyu professora, d-ra ist. nauk L. B. Alaeva. Moscow, 2004 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-172-175

IX ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ТАЙВАНЬСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ «ТАЙВАНЬ: ОТ ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННОСТИ»

В. А. Перминова[1]

В статье представлен краткий обзор IX ежегодного научного семинара по тайваньским исследованиям «Тайвань: от прошлого к современности», прошедшего 25 ноября 2022 года в Институте востоковедения РАН. В семинаре приняли участие ученые и эксперты из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Токио. В ходе заседания обсуждался широкий круг проблем, связанных с историческим, современным и будущим развитием Тайваня.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, Япония, Тайваньский пролив

Для цитирования: Перминова В. А. IX ежегодный научный семинар по тайваньским исследованиям «Тайвань: от прошлого к современности». Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4. С. 172–175. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-172-175

IX ANNUAL ACADEMIC SEMINAR ON TAIWAN STUDIES "TAIWAN: FROM PAST TO PRESENT"

Vera A. Perminova

The article presents brief review of the IX annual academic seminar on Taiwan studies «Taiwan: from past to present», which was held on the 25th of November, 2022 in Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Scholars and experts from three Russian cities (Moscow, Novosibirsk and Saint-Petersburg) and colleagues form Tokyo participated in this seminar. Questions related to historical, contemporary and future development of Taiwan and its role international relations in Asia Pacific region were discussed.

Keywords: China, Taiwan, Japan, Taiwan Strait

For citation: Perminova V. A. IX annual academic seminar on Taiwan studies "Taiwan: from past to present". Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 4. Pp. 172–175. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-172-175

В семинаре «Тайвань: от прошлого к современности», организованном сотрудниками Отдела Китая и межотдельского Центра тайваньских исследований, приняли участие коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Токио — всего

[1] Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН; verger177@yandex.ru

Vera A. Perminova, PhD (History), Researcher in Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; verger177@yandex.ru
ORCID: 0000–0002–6626–7395

около 20 ученых и экспертов. На семинаре было заслушано 10 научных докладов. В дискуссии приняли участие представители разных научных институтов и вузов: ИВ РАН, ИКСА РАН, Университета Такусёку (Токио), Дипломатической академии МИД России, МГИМО МИД России, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, МПГУ, НИУ ВШЭ, Института США и Канады РАН. Заседание проходило как в очном, так и в дистанционном формате (в программе Webinar).

На семинаре обсуждался широкий круг проблем, связанных с этнополитической историей Тайваня, оценками японской интервенции и колониального управления островом, его современным экономическим и социальным развитием, а также контакты Тайваня с внешним миром и специфика его взаимодействия с материковой частью Китая, особенности сложившейся международной ситуации в АТР и роль острова в современных международных отношениях.

Заместитель директора ИВ РАН В. Ц. Головачёв в своем выступлении рассказал об оценках роли Чжэн Чэнгуна (鄭成功 Коксинги) в тайваньской истории. Как отметил автор, и в материковом Китае, и на Тайване придают большое значение исследованиям жизни и исторической миссии этого известного «китайского пирата» и руководителя освободительной борьбы против установления власти маньчжуров на юго-востоке Китая и на Тайване. Переходя к анализу этнополитических исследований, В. Ц. Головачёв представил периодизацию истории этнических отношений на острове — за основу были взяты семь периодов, которые описал Ли И-юань в своей работе «400 лет этнических отношений на Тайване». Эти этапы включают в себя доколониальный и колониальный периоды, время правления клана Чжэнов, ранний и поздний периоды правления Цин, время японского правления и республиканский период.

Доклад В. Э. Молодякова (Университет Такусёку (Токио), ИВ РАН) был посвящен французскому журналисту, апологету японской интервенции на Тайване 1874 г. Эдмону Плошю. Докладчик представил краткие биографические сведения об Э. Плошю и его работах, в которых автор говорил о перспективах колониального освоения Японской империей Тайваня, возможности и необходимости «цивилизовать дикарей» этого острова, модернизаторской миссии Японии и превосходстве «вестернизировавшихся» японцев над корейцами и китайцами. Работы Э. Плошю, основанные преимущественно на японских источниках, переведенных на английский язык, и англоязычной прессе, являются примером того, как воспринимало большинство европейцев того времени Японию и ее успехи в модернизации.

О результатах политики Японской империи на своих подконтрольных территориях докладывала В. А. Перминова (ИВ РАН) — ее сообщение было посвящено анализу законодательной базы и политики ассимиляции местного населения на о. Хоккайдо, о. Рюкю, на Тайване и в Корее в конце XIX — первой половине XX вв. В. А. Перминова проанализировала преемственность и взаимосвязи в колониальном освоении указанных территорий. По мнению автора, результаты, которых удалось добиться японским властям, во многом зависели от степени зрелости общества и государства, которые должны были в дальнейшем стать частью Японской империи.

Историческим, политическим и социокультурным предпосылкам японо-тайваньского взаимодействия на современном этапе посвятила свой доклад П. В. Кульнева (ИВ РАН). Говоря о прямых японских инвестициях и специфике японо-тайваньской торговли, автор обозначила основные факторы, которые позволили Тайваню занять важное место во внешнеполитической стратегии японских компаний и стать важной частью торгово-экономических цепочек. П. В. Кульнева также обрисовала перспективы прямых инвестиций Японии в КНР посредством тайваньских компаний и потенциальной роли этих компаний в японо-китайской торговле.

Проблема «тайваньской идентичности» была затронута в докладе А. С. Каимовой (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова) — автор рассказала о специфике проведения социальных опросов общественного мнения на Тайване. А. С. Каимова отметила, что наиболее востребованы опросы, касающиеся политической сферы, в частности, оценка рейтинга политиков и чиновников разного уровня, оценка партийных симпатий населения, опросы о различных аспектах взаимодействия между двумя берегами Тайваньского пролива, а также исследования о самоидентификации жителей острова. По мнению автора, расхождения в результатах социологических опросов, касающихся проблемы «тайваньской идентичности», в большей мере связаны с формулировкой вопросов, на которые отвечают респонденты.

В докладе «Современное историческое образование на Тайване: образ России» П. И. Рысакова (Санкт-Петербургский государственный университет) проанализировала основные проблемы и сложности, с которыми сталкиваются тайваньские историки и преподаватели при выборе современной исторической парадигмы для школьного образования, а также восприятие России и ее роли в глобальных исторических процессах. Автор рассмотрела особенности нового «12-летнего учебного плана», который начали использовать на Тайване с 2019 г., и выделила основные черты, отличающие эту программу от предыдущих версий. Как отметила П. И. Рысакова, ключевым моментом, который характеризует «12-летний учебный план», является акцент на местной истории Тайваня, изменение периодизации истории, а также рассмотрение культуры материкового Китая лишь как одной из культурных традиций, оказавших влияние на Тайвань.

Доклад Тан Мэн Вэя (МПГУ) был посвящен различиям пунктуационного оформления китайского языка в материковом Китае и на Тайване. Автор представил краткую историческую справку об изменениях в пунктуации китайского языка в континентальной и островной частях Китая, проанализировал различия в использовании кавычек при оформлении прямой речи, цитат и особых наименований, а также кавычек для оформления названий книг и газет, заголовков, названий песен, произведений каллиграфии и живописи и рассказал о специфике употребления разных видов скобок, особенностях расположения в строке знаков препинания и различии шрифтов, принятых на Тайване и в материковом Китае.

Специфику гуманитарных контактов Тайваня с внешним миром в условиях меняющейся внешнеполитической ситуации проанализировала в своем выступлении А. Л. Верченко (ИКСА РАН). По мнению автора, в настоящее время Тайвань активизировал свои усилия по продвижению «культурного профиля» в рамках сотрудничества с другими странами, в особенности со странами Запада, с тем чтобы поднять свой авторитет и утвердить островную идентичность не только среди местного населения, но и в мире. Как отметила А. Л. Верченко, стремление Тайваня заявить о себе на международной арене нередко проявляется в противопоставлении острова материковой части Китая (в частности, указывается на различия в иероглифическом письме и политике властей в отношении религии, подчеркивается уникальность этнического состава населения Тайваня и особая любовь жителей острова к порядку и аккуратности). Как подчеркнула автор, трансляция идеи «культурной автономии» острова в основном ориентирована на англоязычную аудиторию.

О подходах различных администраций США к вопросу защиты Тайваня докладывал А. Д. Дикарёв (МГИМО, ИВ РАН). Автор напомнил, как республиканская администрация во главе с Д. Трампом относилась к «тайваньскому вопросу» — на этапе подготовки к выборам более выраженным был акцент на экономическом соревновании с материковым Китаем, при этом политическая риторика, в частности, пересмотр отношения к концепции «одного

Китая»[2], практически отсутствовала. Однако впоследствии «тайваньский крен» при администрации Д. Трампа стал прослеживаться все более четко. По сути, к концу правления республиканцев и с началом правления демократов перед США встал вопрос о том, следует ли и дальше следовать политике «одного Китая» и сохранения «статуса-кво» в Тайваньском проливе. Подводя итоги, А. Д. Дикарёв высказал мнение о том, что лишь поддержание «статуса-кво» в отношениях между берегами Тайваньского пролива может гарантировать спокойствие и безопасность в АТР, что отвечает интересам стран не только азиатского региона, но и всего мира.

В продолжение анализа складывающейся геополитической обстановки вокруг Тайваня с докладом выступил В. Н. Добровольский (ИАМП Дипломатической академии МИД России). Опираясь на новое развитие региональных событий и с учетом обострившегося в АТР столкновения интересов, автор дал оценку итогам и перспективам политики США в регионе, в основе которой лежит идея конструирования в Азии военно-политической архитектуры с американской доминантой. По мнению докладчика, «тайваньская тема» в контексте этой политики выступает в качестве инструмента продвижения антикитайской риторики США и используется в тактике нагнетания алармистских оценок вокруг тезиса относительно «силового захвата» острова Пекином. Вместе с тем автор считает, что после недавно прошедшей встречи лидеров КНР и США на полях саммита G20 в Индонезии нагнетание «тайваньской темы» было несколько приглушено. Коснувшись перспектив американо-китайских контактов под углом зрения «тайваньского вопроса», В. Н. Добровольский отметил, что противостояние США и КНР, скорее всего, будет продолжаться в «предсказуемых пределах», однако американская риторика по Тайваню, возможно, усилится, особенно по мере приближения к президентским выборам в США.

Семинар по тайваньским исследованиям оказался полезным и интересным для всех участников заседания, многие доклады вызвали активную дискуссию.

[2] Политика «одного Китая» — принцип внешней политики государств, основывающийся на признании того, что в мире существует только один Китай (世界上只有一個中國).

Подписано в печать 23.12.2022. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м². Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 13.
Заказ №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56